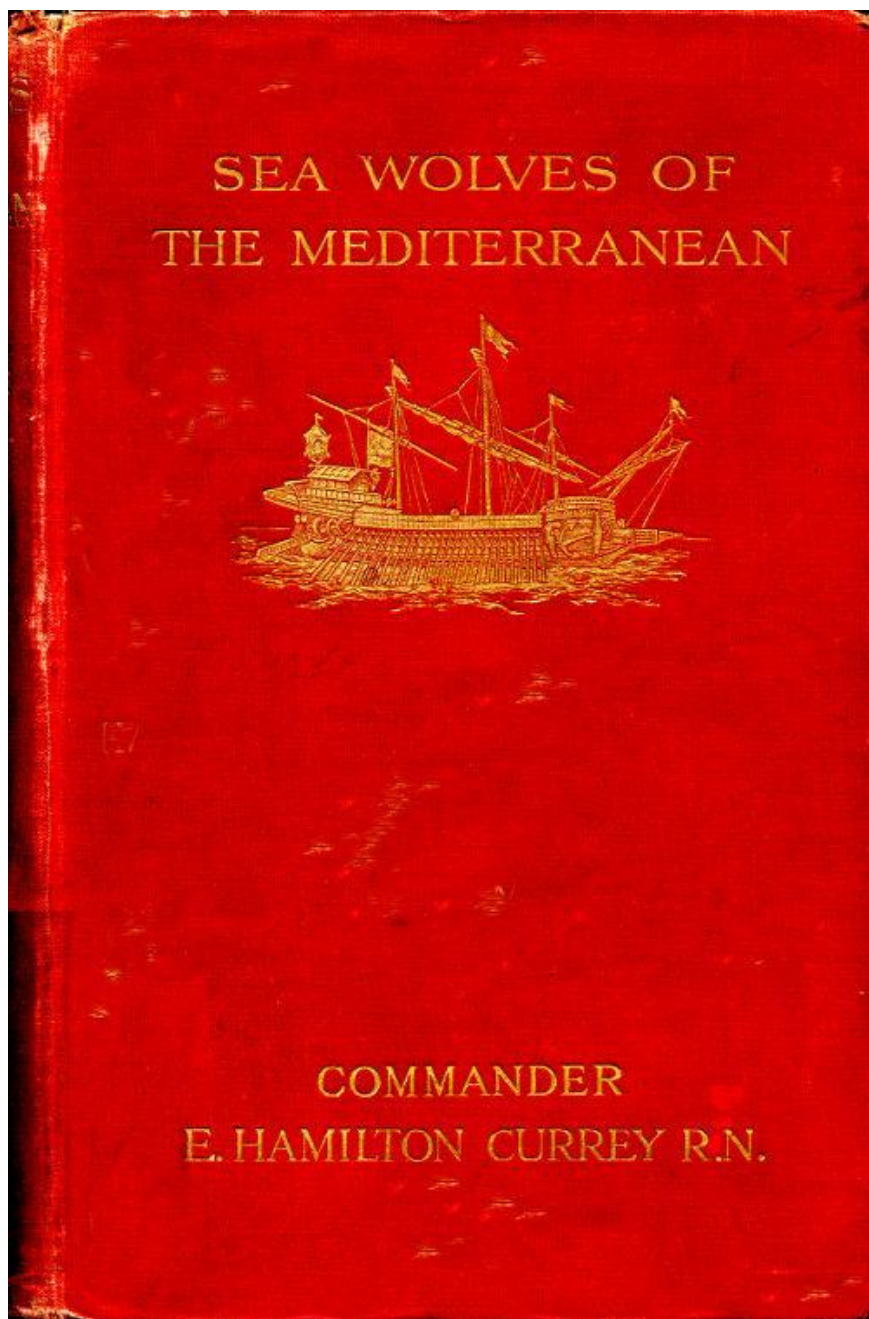

Морские волки Средиземноморья. Великий период мусульманских корсаров

Э. Гамильтон Керри

The Project Gutenberg eBook of Морские волки Средиземноморья: Великий период мусульманских корсаров.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Морские волки Средиземноморья: Великий период мусульманских корсаров

Автор: Э. Гамильтон Керри

Дата выхода: 10 октября 2004 [eBook #13689]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динчером в качестве дополнения к оригинальной электронной книге, подготовленной Робертом Конналом и командой онлайн-распределенной корректуры по адресу Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Internet Archive/Million Book Project).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK SEA-WOLVES OF THE MEDITERRANEAN: THE GRAND PERIOD OF THE MOSLEM CORSAIRS ***

МОРСКИЕ ВОЛКИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

ХЕЙР-ЭД-ДИН БАРБАРОССА - КОРСАР, АДМИРАЛ И КОРОЛЬ.

МОРСКИЕ ВОЛКИ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

ВЕЛИКИЙ ПЕРИОД МОСУЛЬСКИХ КОРСАРОВ

КОМАНДОР Э. ГАМИЛЬТОН КЕРРИ, Р.Н.

С ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

"Корабли - это всего лишь доски, а моряки - люди:

Есть сухопутные крысы и водяные крысы, сухопутные воры и водяные воры,
то есть пираты".

Венецианский купец.

ЛОНДОН
ДЖОН МЮРРЕЙ, АЛБЕМАРЛ-СТРИТ, В.
1910

ЭТОЙ МИЛОСТИВОЙ ДАМЕ, ЧЬИМ СОВЕТАМ И ПОДДЕРЖКЕ Я ОБЯЗАН ГОРАЗДО
БОЛЬШЕ, ЧЕМ КТО-ЛИБО, КРОМЕ МЕНЯ, МОЖЕТ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ...
МОЕЙ ЖЕНЕ Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда корабль готов к спуску на воду, наступает момент напряженного волнения перед тем, как отбить шпангоуты и спустить его на воду. В случае с кораблем это волнение разделяют многие тысячи людей, которые собрались, чтобы приветствовать рождение совершенного продукта человеческой промышленности; эмоции разделяют все присутствующие. Совсем другое дело, когда завершается работа над книгой. Спуск на воду был организован и завершен руками специалистов; она, как корабль, набирает ход и скользит в океан: но, в отличие от корабля, который непременно поплывет, воды могут сомкнуться и поглотить ее, или, возможно, ее отбуксируют обратно в ту неизвестную гавань, из которой она вышла, чтобы она ржавела там в тишине и забвении. Волнение есть только в груди одного человека - автора. Если его книга будет обладать одним высшим качеством, она избежит упомянутой участи, и это качество - интерес. По мере того как недели удлинялись, превращаясь в месяцы, а *viii* эти месяцы множились и достигали двадцати четырех, крепло убеждение, что то, что так глубоко интересовало писателя, не будет безразлично и другим. По какой-то непостижимой причине деяния морских разбойников всегда обладали очарованием, недоступным их более многочисленным собратьям на суше; а в случае с "Морскими волками" XVI века мы имеем дело с самыми настоящими аристократами профессии. Обстоятельства, над которыми они не властны, выгнали мусульманское население Южной Испании к берегам Северной Африки: месть христианскому врагу, с помощью которого была совершена эта экспроприация, была естественна для воинственной расы; и те, кто до этого был чистым и простым землепашцем, занялись пиратством как средством к существованию. Именно о деяниях этих людей и пойдет речь в этой книге; об их чудесных триумфах, о, казалось бы, безнадежных поражениях, о том, как они дерзко противостояли княжествам и державам христианства, всегда жаждавшим их уничтожения.

Качество, которое Наполеон, как говорят, приписывал британской пехоте, "никогда не знать, когда они побеждены", похоже, характеризовало и "морских волков"; свидетельство тому - чудесное выздоровление Хейр-эд-Дина Барбароссы, когда Карл V изгнал его из Туниса; и побег Драгута с острова Джерба, когда генуэзский адмирал Андреа Дориа попал в

безнадежную ловушку. На протяжении всей своей истории предводители "Морских волков" демонстрируют находчивость настоящих моряков, которыми они стали в силу обстоятельств, и именно они в эпоху своего существования показали, что на самом деле означает морская мощь. Весной этого года я плыл по Средиземному морю, направляясь на Мальту, и по мере того как добрый корабль продвигался вперед, я последовательно миновал все те затаившиеся места, из которых мусульманские корсары были склонны вырываться на свою добычу. Воистину, казалось, что

"Духи их отцов могли бы подняться с каждой волны".

И воображение представляло, как мчится пиратская галера с обнаженными рабами, которые тянутся к веслам своих наставников, со свирепой, безрассудной, одетыми в бетурбаны командой, сгрудившейся на "рамбадах" на носу и на корме. Они могли захватить какой-нибудь незадачливый "круглый корабль", торговое судно, медленно идущее вдоль побережья; или же встретиться с галерой ужасных рыцарей Святого Иоанна или вечно сомневающегося Дориа. В любом случае "Морские волки" были равны своей судьбе, чтобы грабить или сражаться во имя Аллаха и его пророка.

От других пиратов "Морских волков" отличало то, что они объединялись между собой; то, как эти беззаконники могли подчинить себя воле того, кого они признавали великим лидером. Добиться такого признания было нелегко, и здесь рассказывается о том, как это было сделано теми, кто силой своего характера поднялся на вершину этой замечательной иерархии.

Е. Гамильтон Керри.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА

Вступление	1
ГЛАВА I	
Полумесяц и крест	13
ГЛАВА II	
Приход корсаров	28
ГЛАВА III	
Урудж Барбаросса	43
ГЛАВА IV	
Смерть Уруджа Барбароссы	59
ГЛАВА V	
Хейр-эд-дин Барбаросса	75
ГЛАВА VI	
Взятие Пеньон-д'Алджера; Андреа Дориа	91
ГЛАВА VII	

Апофеоз короля корсаров	107
ГЛАВА VIII	
Набег на побережье Италии; Юлия Гонзага	123
ГЛАВА IX	
Барселона, май 1535 года; сбор христианских войск	139
ГЛАВА X	
Падение Туниса и бегство Барбароссы	155
ГЛАВА XI	
Роксалана и убийство Ибрагима	172
ГЛАВА XII	
Кампания в Превесе; сбор флота	189
ГЛАВА XIII	
Битва при Превесе	205
ГЛАВА XIV	
Флот на веслах; галера, галеас и неф	221
ГЛАВА XV	
Драгут-Рейс	238
ГЛАВА XVI	
Драгут-Рейс	254
ГЛАВА XVII	
Драгут-Рейс	269
ГЛАВА XVIII	
Рыцари Святого Иоанна	286
ГЛАВА XIX	
Драгут-Рейс	306
ГЛАВА XX	
Осада Мальты	324
ГЛАВА XXI	
Али Баша	344
ГЛАВА XXII	
Лепанто	362
Власти, с которыми советовались	383
Список королей Англии, Франции, Испании, султанов Турции, римских пап, и великих магистров Мальты с 1492 по 1580 год	385

Расстояния в морских милях на побережье Северной Африки	387
Указатель	389

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Я хочу выразить сердечную признательность за доброту, проявленную ко мне на Мальте господином Сальвино Сан Мандука. Картина с изображением карака на странице 300 была подарена им. Галера мальтийских рыцарей - репродукция картины, висевшей в его доме. Я также хотел бы поблагодарить его за время и хлопоты, которые он взял на себя во время моего пребывания на Мальте, и за живой интерес, который он проявил к моей теме.

R. ГАМИЛЬТОН КЕРРИ.

Хейр-эд-дин Барбаросса - корсар, адмирал и король ЛИЦЕВАЯ СТРАНИЦА	<i>Фронтиспис</i>
Урудж и Хейр-эд-дин Барбаросса	44
Андреа Дориа, принц Онеолийский, адмирал Карла V.	92
Солиман Великолепный	110
Император Карл V	150
Мулей Хасан, король Туниса	162
Галеасс под парусом	194
Галера под веслами	222
Бригантина в погоне за фелуккой	236
Гозон де Дье-донне убивает великого змея Родоса	294
Каррак, на котором рыцари прибыли на Мальту, 1530 год	300
Жан Паризо де ла Валетт, великий магистр рыцарей Мальты, во время осады острова турками в 1565 году	324
Смерть Драгута во время осады Мальты	340
Галера мальтийских рыцарей	354
Дон Иоанн Австрийский	362
Себастьян Веньеро	364

ВВЕДЕНИЕ

Во все века, о которых мы имеем хоть какие-то сведения, существовали люди, зарабатывавшие на жизнь разбоем в открытом море, который известен нам под названием пиратство. Возможно, пираты, наиболее известные англоязычному миру, - это буканьеры с испанского побережья, которые процветали в XVII веке и о которых существует множество хроник: в основном благодаря трудам Джона Эсквемелина, пирата с литературным складом ума, который добавил к злодеяниям морского разбойника еще и авторское преступление. Морские волки Средиземноморья в предыдущем столетии не воздвигли из своей среды летописца, ибо, похоже, мало что отличало этих отчаянных бойцов и искусных моряков, потомков тех испанских мусульман, которые в средние века жили в стране, где образование и культура были в высшем почете. Изгнанные из своих домов, их цивилизация была разрушена, их религия запрещена в той части Южной Испании, в которой они жили более семи веков, выброшенные на берега Северной Африки, эти люди вышли в море и стали бичом Средиземноморья. О том, что они делали, какие подвиги совершали, какой ужас внушали, какие разрушения и хаос творили, рассказывается на страницах этой книги.

Это был век галер, судов, приводимых в движение веслами, которые двигались независимо от ветра в погожие месяцы по большому внутреннему морю. Поэтому для жителей побережья морские волки были вечной угрозой; когда добыча была недоступна на море, они совершали набеги на города и деревни своих врагов-христиан. На протяжении всего рассматриваемого здесь периода ни одна мужская жизнь, ни одна женская честь не были защищены от этих пиратов в зоне их гнусной деятельности. Они владели Средиземноморьем, взимали пошлину со всех, кто оказывался в пределах досягаемости их галер и их скимитаров. Места, неизвестные географии XVI века, стали в их время печально известными, а христианские жены и матери научились трепетать при одном только названии Алжира и Туниса. Из этих мест выходили разбойники, чтобы захватить, уничтожить и поработить: в Ороне и Тлемсене, в Тене, Шершеле, Буги, Джигели, Бизерте, Сфаксе, Сузе, Монастире, Джербе и Триполи они затаились, готовые к набегу и вылазке. В одно время вся Северная Африка трепетала от триумфа мусульманского оружия, в другое - поднимался вой побежденных; но, несмотря на чередование удач, морские волки оставались в выбранных ими местах и в итоге создали те пиратские государства, которые нарушали покой Средиземноморья практически до появления пара.

Весь XVI век - это летопись крови и огня, пыток и резни, "пунической веры" и бесстыдной измены; деяния морских разбойников, какими бы ужасающими они ни были, часто находили аналог в сражениях, осадах и разграблении городов, которые постоянно происходили на европейском континенте.

В этот период творилось так много истории, на сцене мировой политики выступало так много великих, ярких и ослепительных личностей, что "Морские волки" и все, чего они добились, в значительной степени затмили события, которые летописцы того времени считали более важными. В этом они, несомненно, были в основном правы; но, несмотря на это мнение, мы видим, что время от времени основной поток событий нарушается пронесшимися мимо пиратскими галерами. Такие люди, как Барбаросса, Драгут и Али Баба, могли быть подавлены и истреблены, только если бы против них была направлена вся мощь христианства, потому что в их руках было два оружия, самых острых и мощных, с помощью которых они могли достичь поставленных целей.

Первым и более мощным из них было обращение в грубую и воинственную эпоху к человеческой корысти. "Те, кто довольствуется тем, что следует за нами, - говорили они, - непременно обогатятся, если они люди крепкого сердца и сильной руки. Вокруг нас лежат богатые и процветающие земли; нам остается только организовать и взять все, что мы пожелаем; мы можем, если захотим, собрать богатый урожай при сравнительно небольших трудностях". Такие советы, как эти, не остались без внимания. Изгнанный из земли изобилия - из славной Андалусии с ее плодородной почвой, великолепными городами, виноградниками и оливками, фруктами и зерном, благородными реками и широкими *вегами* - испанский мусульманин времен Морских волков был изгоем и нищим, созревшим для приключений и жаждущим мести тем, у кого он был экспроприирован.

Великие историки, такие как Уильям Хиклинг Прескотт, рассказывают, что за семь веков мусульманского господства в Испании мавры стали мягкими и женоподобными, что "язва мира" если не уничтожила, то ослабила мужественные качества расы, что роскошь и образованность иссушили в своих истоках те первобытные добродетели мужества и твердости, которые были главными чертами тех суровых бойцов, что несли знамя пророка от Мекки до Кадиса. Томимые раздорами, они поддались оружию северного рыцарства; его воины изгнали их, чтобы никогда не возвращаться.

Когда это свершилось, когда опустился занавес последней сцены трагедии, и мавры после падения Гранады были изгнаны за море в Африку, в тех, кто был изгнан, произошли самые поразительные перемены. Учеба, культура, цивилизация, которыми они так долго отличались, казалось, исчезли из их жизни, отброшенные, как изношенная одежда, которой больше нет применения. На смену всему этому пришла полная и отчаянная доблесть, ожесточенный и решительный фанатизм.

Одним из признаков мусульманской цивилизации в Испании, причем одним из самых просвещенных, было то, что в ее среде процветала религиозная терпимость. Иудеям и христианам разрешалось поклоняться у алтарей своих отцов, никто им не препятствовал и не запрещал; одно правило, и только одно, должно было соблюдаться: никто не должен хулить Магомета, Пророка Божьего, каким он считался у мусульман. Наказанием за нарушение этого правила была смерть; в остальном предоставлялась полная свобода совести.

Мы уже говорили о двух видах оружия, которыми владели вожди Морских волков. Первым, как мы уже говорили, была скупость; вторым - фанатизм, смертельная религиозная ненависть, порожденная не только поголовной экспроприацией мусульманского населения, но и преследованиями, которым мориски - так называли тех мусульман, которые остались в Испании, - подвергались со стороны своих христианских хозяев. Не нужно обладать большим воображением, чтобы понять, как эти два оружия алчности и нетерпимости могли служить целям тех доминирующих духов, которые поднялись на вершину пиратской иерархии. Они не только ослепляли воображение тех, кто следовал за ними, обещаниями несметных богатств, но и добавляли к этому нелепый аргумент, что, убивая и грабя христианина, где бы он ни находился, правоверный мусульманин совершает служение Богу и наиболее благодарный поступок по отношению к своему святому Пророку.

Может ли какое-либо правило жизни быть одновременно более простым и более привлекательным для нищего магометанина, выброшенного на бесплодные берега Северной Африки умирать от голода?

Основной поток истории, на который мы уже ссылались, нас в этой книге не касается. Тот, кто отправится в путь, должен плыть на мощном судне, на котором должно быть много пушек. Также для управления этим судном необходимы многие качества: властный ум, острое восприятие, неутомимая работоспособность, полная свобода действий - вот то, что необходимо лоцману. Все это должно быть дополнено исследовательским гением, знанием древних и современных языков и безошибочным умением отделять несколько драгоценных зерен пшеницы от гор мякины, которые ему придется просеивать с величайшей тщательностью. Есть, однако, и вспомогательные речушки, которые питают дальнейший поток событий, и именно о них рассказывает история "Морских волков Средиземноморья". По ним отважный мореплаватель может плыть на своей маленькой лодочке, незаметно удаляясь, пока его не втянуло и не поглотило в основной поток. О том, что ему не удастся избежать этого, говорит тот факт, что люди, о которых здесь рассказывается, участвовали в событиях первоклассной важности в эпоху, когда они жили. Хейр-эд-Дин Барбаросса сражался в битве при Превезе со своим пожизненным антагонистом Андреа Дориа. Драгут был убит во время осады Мальты, почти в момент падения замка Святого Эльма; если бы он остался жив, более чем вероятно, что Жан Паризо де ла Валетт и его героический гарнизон потерпели бы поражение, а не одержали победу. Али Баша был единственным мусульманским полководцем, который повысил свою репутацию в битве при Лепанто, потому что, как обычно всех морских конфликтах того времени, корсары, привыкшие к морю, оказались более чем подходящим противником для солдат, отправившихся сражаться на незнакомую стихию.

Позже мы поговорим о самодержавном правлении этих вождей, обладавших столь абсолютным господством над людьми, за которыми они следовали. Факт такого абсолютного верховенства вождей очень любопытен, поскольку теоретически в конфедерации Морских Волков все были равны; на самом деле мы сталкиваемся с чистой демократией, где каждый человек был волен поступать так, как ему казалось лучшим в его собственных глазах. Он был свободным агентом, никто не принуждал его и не требовал, чтобы он подчинялся дисциплине или командованию. Такова, заметим, была теория. На деле же корсары, чрезвычайно преуспевшие в своем отвратительном ремесле, жили в условиях железной и жесткой дисциплины. Она обеспечивалась плетью, как мы увидим позже, когда будет рассказано о том, как Хейр-эд-Дин Барбаросса порол Хасана, капитана, который, по его мнению, не справился со своими обязанностями: или реальным наказанием в виде смерти, которое Урудж Барбаросса накладывал на того, кто осмеливался действовать независимо от его власти.

Теория равенства господствовала среди средиземноморских пиратов; но Барбаросса, Драгут и Али считали, что на практике, чем меньше вмешательства в их планы со стороны тех, кого кардинал Гранвель в письме Филиппу II назвал "этим зловредным животным - народом", тем лучше для всех заинтересованных сторон. Концепция прав и обязанностей "озорного животного", которой придерживались эти воинственные люди, заключалась в том, что оно должно вести себя так же, как и те, кто рассказывал о римском центурионе в Священном писании: если это не так, и возникают трудности, лидеры не испытывают излишней нежности ни к человеку, ни к теории. Примеры этого мы увидим далее.

Этот период называют "Великим периодом мусульманских корсаров", потому что за неполный век, с момента изгнания мавров из Гранады в 1492 году до смерти Али Баши в 1580 году, морские волки были на пике своего могущества, пиратские государства Средиземноморья находились в стадии становления. То, что впоследствии они доставили немало хлопот христианству, написано кровью и огнем на протяжении всей истории

последующих веков; но настоящий интерес к карьере этих людей заключается в том, что они, благодаря своей необычайной склонности к морским приключениям, заняли постоянное место, которое впоследствии заняли их потомки. Раз за разом в XVI веке предпринимались попытки уничтожить их под корень: их побеждали, изгоняли из их опорных пунктов на берегу, сокрушали, казалось, навсегда. Но ничто, кроме фактического истребления, не могло привести к успеху, поскольку, каким бы тяжелым ни было поражение, всегда оставалось ядро пиратов, которое за короткое время вновь превращалось в грозную силу. Османский турок, великолепный боец, каким он был на суше, казалось, терял свои великие качества, когда место действия менялось с суши на море. Янычары, этот отборный корпус, обученный так, как мало кто обучал солдат даже в тот железный век, который никогда не отступал перед врагом, а сражался только для того, чтобы победить или умереть, похоже, потерпели неудачу, когда перешли на морскую службу. То, что только суровый опыт мог показать, что лучше всего сражается на море тот, кто имеет морскую привычку, в это время не было общепризнанным, и именно это сделало корсаров такими превосходными на стихии, которую они сделали своей. Среди великих людей земли были и те, кто понимал этот факт, кто, подобно великому государственному деятелю Ибрагиму, великому визирю Солимана Великолепного, осознавал, что значит получить в свои руки "настоящего человека моря"; но правилом было высаживать людей с берега и поручать им морские сражения.

Когда "Великий период" подошел к концу, а произошло это примерно в указанную дату, корсары превратились в постоянный институт; они остались в Алжире, Тунисе и других портах на побережье Северной Африки как признанное зло. Пираты оставались бичом безбрежного моря до конца главы; но они уже не выстраивались в боевую линию против могущественнейших держав земли, объединившихся для их полного уничтожения. Именно люди моря создали эту империю; именно они бросили вызов Карлу V, целой череде пап, Андреа Дориа и его потомкам, могуществу Испании, Венеции, Генуи, Каталонии и Франции. Именно они научили так называемый цивилизованный мир той эпохи, в которой они жили, что морская мощь может быть встречена и остановлена только теми, кто распоряжается флотами, укомплектованными моряками; что против нее бессилён хозяин самых могучих сухопутных легионов.

Это утверждение ни в коем случае не опровергается тем фактом, что часто корсары терпели поражение от сухопутных войск, размещенных на борту корабля. Так, когда Драгут защищал Триполи от экспедиции, направленной против него в 1559 году объединенными силами Испании, Тосканы, Рима, Неаполя, Сицилии и Генуи, состоявшей из ста кораблей, на которых находилось четырнадцать тысяч солдат, ему помог Пиали, адмирал Солимана Великолепного, который пришел к нему на помощь с восемьюдесятью шестью галерами, на борту каждой из которых было по сто янычар, и одержал столь разительную победу над христианами, что турецкий адмирал вернулся в Константинополь с не менее чем четырьмя тысячами пленных. Но в этом случае, как и во многих других, реальные боевые действия происходили на берегу, где войска имели возможность проявить свои безупречные качества.

Несомненно, критики укажут на то, что корсары далеко не всегда добивались успеха; что, как и в случае с нападением Хассема, правителя Алжира в 1563 году, на Оран и Марзакивир (небольшой порт в непосредственной близости от Орана), в конце концов мусульмане были сильно разбиты. Это, несомненно, так и было, и нет никакого желания превозносить подвиги "морских волков" или преуменьшать героическую оборону Марзакивира графом Алькаудетом или Орана его братом, доном Мартином де Кордобой. В последний момент их

замечательной обороны им на помощь пришел флот, посланный королем Испании, и Хассему пришлось бросить свою артиллерию, боеприпасы и магазины и поспешно отступить туда, откуда он пришел.

Нет ничего примечательного в том, что корсары часто терпели поражения; странно, что они добились такого большого успеха - успеха, подтвержденного конкретным случаем, когда они основали зловещие династии на побережье Северной Африки, которые стали результатом их пиратской деятельности.

Говоря о них, историки более позднего времени, чем то, на которое приходится их расцвет, склонны оценивать их несколько дешево, отбрасывать их как простых варваров, не имеющих особого значения в схеме мирских дел; как людей, которые причинили определенное количество неприятностей цивилизации своими вторжениями и грабежами. Несомненно лишь то, что на протяжении веков они были позором и бесчестьем для всего христианства.

К тем, кого можно назвать первопроходцами, то есть к людям, о которых пойдет речь в этой книге, можно отнестись с определенной долей сочувствия и понимания; ведь они были изгнаны с земли, которая принадлежала им, а их соотечественники и единоверцы были стерты в порошок фанатичной жестокостью испанской инквизиции. То, что они делали, несомненно, было отвратительно, но нельзя утверждать, что они не были спровоцированы сильнейшим образом как с материальной, так и с религиозной точки зрения.

Как только "великий период" был пройден, тот период, когда процветали такие люди, как Барбаросса, Драгут и Али, летопись основанных ими мусульманских государств опускается до унижительного уровня чистого грабежа и убийства; истории тирании, установленной в ста милях от берегов Европы, и великих королей и принцев, торгующихся с пиратскими разбойниками, которые держали в плену тысячи и тысячи своих подданных. Как получилось, что христианские государства терпели подобные злоупотребления, - одна из тех загадок, которые никогда не удастся объяснить; и если последующие века продемонстрировали большую утонченность нравов, более глубокое понимание всего, что есть более мягкого и доброго в человеческих отношениях нации к нации и народа к народу, им, пожалуй, нечем похвастаться, как их грубым предкам XVI века, которые, видя зло и чувствуя его последствия, делали все возможное, чтобы истребить тех, кем это зло было вызвано.

Возникает вопрос: как может быть, что жизнь и поступки таких людей достойны описания? Не только потому, что они сильно изменили ход истории в эпоху, когда они жили, но и потому, что где-то в глубине души, в этих людях, запятнанных тысячей преступлений, безжалостных, похотливых, кровожадных, жестоких как могила, был зародыш истинного величия, какая-то тусклая искра божественного огня гения. Соревнуясь с князьями и властями, они держали свои позиции; в той суматохе анархии, в которой они жили, они доказали, что не существовало более прекрасных бойцов, что само по себе дает им право на уважение; но самое интересное, что можно наблюдать, - это абсолютное господство, которое лидеры получали над своими последователями. Не существует других записей о пиратах, которые командовали в таких масштабах; нет ни одной, которая показывала бы, что такие люди, как эти, торговались на равных с великими людьми земли.

ГЛАВА I

ПОЛУМЕСЯЦ И КРЕСТ

В поступках людей действия есть интерес, который никогда не вызывают те умные и способные личности, благодаря которым мир действительно управляется. Государственный деятель в своем кабинете - это бог внутри машины; именно он руководит действиями наций, именно он передвигает флоты и армии, словно фигуры на шахматной доске; ему, как правило, подчиняется человек действия, повинаясь его приказам. Правление и управление - это его власть, власть как в абстрактном, так и в конкретном смысле. Нечасто в мировой истории мы встречаем людей, которые одновременно являются государственными деятелями и воинами, которые, взяв свою судьбу в собственные руки, вершат ее до назначенного конца. Но, плутая по историческим тропам, мы встречаем тех, кто в свое время повлиял не только на эпоху, в которой жил сам, но и на судьбы еще не родившихся поколений. Казалось бы, невероятно, чтобы в эту категорию можно было включить простых пиратов, таких как мусульманские корсары Средиземноморья, но, рассказывая их историю, мы увидим, как морские волки поднялись с самого скромного начала, чтобы нарушить покой Европы, и основали для себя династии, которые просуществовали долго.

Урудж Барбаросса, Хейр-эд-Дин Барбаросса, Драгут Рейс и Оккиали, или Ол Баша, были людьми, которые в XVI веке сделали многое, чтобы изменить условия времени, в котором они жили: это было время Ренессанса в Европе, период великолепия всех искусств и наук. Эти люди ничего не добавили к знаниям цивилизованного мира в том виде, в каком он существовал тогда, за исключением одного - как объяснил Хейр-эд-Дин Солиману Великолепному по одному памятному случаю, тот, кто правит на море, будет править и на суше. В наши дни, когда все народы и языки сидят у ног капитана (ныне контр-адмирала) Мэхэна и восхищаются серией его книг "Морская мощь", интересно узнать, что его предвосхитил самым практичным образом один корсар XVI века.

В этот период было много великих людей. Император Карл V, Франциск I из Франции и Генрих VIII из Англии были на тронах своих стран; в Венгрии правил Иоанн Хуньяди, в Константинополе - Солиман Великолепный, а в Риме "роковой дом Медичи" был преемником Святого Петра. Война была обычным явлением того времени, но пока Полумесяц не начал бороздить моря, она проявлялась в вечных ссорах народов христианства, которые, как правило, отражали ненасытные амбиции их правителей. Но теперь на авансцену вышли новые люди, возникла новая сила, которую еще очень плохо понимали и которая практически держала море в своей власти. Ушли в прошлое те прекрасные дни мирной торговли, которую на протяжении многих поколений вели венецианцы и генуэзцы, испанцы и французы; ушло, и, похоже, никогда не вернется, всякое чувство безопасности для несчастных обитателей побережья Средиземного моря, которые жили в ежедневном, а особенно в ночном, страхе перед соколиным взлетом пиратских галер.

Забавно читать, как старым летописцам, приверженцам "достоинства истории", постоянно приходилось отклоняться от основного потока своих повествований об императорах, папах и королях, чтобы спуститься на уровень морских волков и быть вынужденными излагать гнусные делишки этих морских разбойников. Тщетно зывали к ним колокола, книги и свечи, и могущественным монархам приходилось встречаться с ними на поле брани не раз и не два

- к их полному поражению и конфузу, - а много раз, пока победа склонялась то на одну, то на другую сторону.

Османы были воинами со времен Пророка, Абу-Бекра, Османа и Али, но до сих пор их военные достижения всегда были на суше, а их единственный морской опыт ограничивался пересечением Гибралтарского пролива, когда в восьмом веке под предводительством Тарика они ворвались в Андалусию, покорили Родерика Гота и установили мусульманское господство в Южной Испании, которое продолжалось до 1492 года, незадолго до событий, описанных в этой книге. Пиратство во все века вызывало трепетный интерес, а деяния морских разбойников никогда не испытывали недостатка в летописцах. Для этого есть причина, помимо записей о грабежах и убийствах, которые являются общим местом пиратских деяний: она кроется в извечном интересе людей к индивидуальным достижениям, к зрелищу абсолютного и полного господства одного человека над жизнями и судьбами других. Эта интенсивная форма индивидуализма нигде так хорошо не проявляется, как в истории пиратского предпринимательства, где группа людей, находящихся вне закона и отделенных от всего человеческого рода жестокостью своих поступков, должна была быть объединена в одну однородную массу с целью нападения на мир в целом. Поэтому тот, кто будет править среди таких преступников, сам должен быть человеком не совсем обычным, ибо в нем должно быть то качество, которое требует мгновенного повиновения от тех, с кем он связан; за ним не стоит никакой установленной власти, дисциплина личная, обеспечиваемая лидером, и только им. Под ним находятся люди самого грубого и грубого типа, рабы своих похотей и страстей, склонные к мятежу, подозрительные и, что хуже всего, глупые.

Именно с этими составными элементами и приходилось иметь дело пиратскому вожаку, уповая на силу своей руки и хитрость своего незашоренного мозга. Некоторые из этих вождей достигли известности в своей злой жизни, большинство из них были капитанами одиночных кораблей, промышлявших торговлей без разбора; но с морскими волками Средиземноморья дело обстояло иначе. В первую очередь они, конечно, были морскими разбойниками, но время и возможности развивали их характеры, и они шли навстречу случаю, чтобы взять удачу на лету, таким образом, что, если бы они занимались любой другой карьерой, они наверняка достигли бы известности. В яростную и кровавую суматоху их жизни вошло нечто, неизвестное другим пиратам: это был религиозный фанатизм - фанатизм, настолько укоренившийся в характере, вера, которой придерживались с таким страстным упорством, что люди, запятнанные всеми мыслимыми преступлениями, считали, что их проход в рай абсолютно безопасен благодаря вере, которую они исповедуют. Традиции, чувства, дисциплина были сведены в одну банальную формулу; но хотя мы, находясь на таком расстоянии, можем относиться к ней с некоторой насмешкой, во времена Солимана Великолепного она была жизненной силой; а грабежам и убийствам добавляло изюминки то, что пираты, как добрые магометане, исполняли заветы Пророка каждый раз, когда перерезали горло христианину, грабили христианский аргос или уводили кричащих женщин в плен, который был гораздо хуже смерти.

То, что пират должен быть воином, само собой разумеется, а то, что пират должен быть государственным деятелем, - вещь почти невероятная; но те, кто прочтет историю жизни Хейр-эд-Дина Барбароссы, будут вынуждены признать, что здесь, по крайней мере, был пират, который добился, казалось бы, невозможного. Адмирал Жюрье де ла Гравьер заметил, что мусульманские корсары XVI века были великими людьми, даже если мерить их по меркам Генриха VIII, Карла V, Солимана Великолепного, Ибрагима, его великого визиря, или Андреа Дориа, величайшего среди современных христианских мореплавателей. Для

моряка, конечно, есть много интересного в деяниях его предшественников, а корабли корсаров отличались тем, что приводились в движение веслами и, следовательно, в определенной степени не зависели от погоды. Как и моряки всех времен, морские волки ненавидели шторма и бури всех видов и описаний, и поэтому у них был четко определенный пиратский сезон, который, как мы увидим, охватывал весну и лето, в то время как они тщательно избегали ненастных месяцев осени и зимы.

В одной из последующих глав была сделана попытка представить читателю изображения галеры, галеаса и нефа, которые были названиями кораблей, используемых в то время; название бригантина, далекое от того значения, которое придает ему современный моряк, похоже, было общим термином для обозначения любого судна, не включенного в уже приведенные названия.

Хотя шестнадцатый век уже перерос принцип поголовного истребления врагов победителями, рыцарское отношение к павшему врагу все еще было далеко, поскольку все люди, захваченные в море, независимо от их ранга и положения, немедленно раздевались и приковывались к скамье гребцов, где они оставались до тех пор, пока выкуп, удача или добрая смерть, о которой эти несчастные были вынуждены молиться, не привели бы к их освобождению. В значительной степени эта дикость может быть связана с религиозной ненавистью, которая одушевляла воюющих с обеих сторон, поскольку фанатизм мусульман, о котором мы уже говорили, полностью соответствовал на стороне христиан фанатизму рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, иначе известных как рыцари Мальты, которые поклялись истребить то, что они, со своей стороны, называли "неверным". Это был железный век, когда люди не давали и не ждали милости за несчастья, которые могли постигнуть их в воинской жизни, которую они вели. Она была отмечена многими галантными подвигами с обеих сторон, но жалость не входила в снаряжение бойца, нацеленного на смерть или пленение врага. Честно и искренне каждая сторона верила, что служит Всевышнему, уничтожая другую сторону под корень. Количество человеческих бед и страданий, вызванных ростом и продвижением мусульманских корсаров, было совершенно неисчислимо; рабство гребца на галере в то время, о котором мы говорим, было настолько ужасной агонией, что в наши дни это кажется совершенно невероятным, кошмарным ужасом, который почти невозможно даже представить.

Жизнь "галерника" была настолько тяжелой, что его страдания во многих случаях милосердно заканчивались смертью в очень короткий срок, поскольку никто, кроме людей с железной конституцией, не мог выдержать напряжения, вызванного отчаянным трудом и убогой пищей. Однако известны случаи, когда люди, проработавшие за веслом целые десятилетия, были настолько непобедимы, что даже такая жизнь не могла сломить их.

Для мирного мореплавателя, который хотел просто торговать, для человека, чей бизнес звал его за границу, эта эпоха, должно быть, была временем невыразимого ужаса. Обычных опасностей морских глубин было вполне достаточно, чтобы удержать робких людей дома в те дни, когда неуклюжие, плохо закрепленные парусные суда, которые не могли ни в коем случае работать на ветер и не очень хорошо плавали даже при самых благоприятных бризах, а если к этому добавить, что каждый корабль, отправлявшийся в плавание по Средиземному морю, имел шанс быть захваченным корсарами, то неудивительно, что тот, чьи дела вели его за море, должен был составить свою последнюю волю и завещание и горячо попрощаться со всеми своими родственниками.

В "Записках" преподобного Пьера д'Ана, бакалавра богословия Парижского факультета и т. д., есть запись, в которой он проникновенно пишет о морской опасности и опасностях, ожидаемых от барбарийских корсаров. Он говорит, датируя это 1637 годом:

"Один древний писатель, учитывая, как мало уверенности можно обычно возлагать на море и как опасно подвергать себя и свое имущество его милости, заметил с большим основанием, что бесконечно предпочтительнее быть бедным на берегу, чем богатым на море. В этом высказывании он высмеивает тех честолюбивых, скупых и корыстных людей, которые, желая обрести ложную славу и вещи этого мира, безрассудно подвергают себя явным опасностям, которые чаще всего являются неизбежным уделом моряка. Это же соображение заставляет его произнести эти замечательные слова: он раскаивается только в одном - в том, что когда-либо путешествовал по морю, когда можно было сделать это по суше. И, по правде говоря, у него есть все основания говорить так, как он говорит, потому что невозможно, чтобы самые выносливые мореплаватели не дрожали от страха, когда перед их глазами представляется, что они должны бороться с ветрами, волнами и пеной каждый раз, когда они выходят на глубину.

Ведь неоспоримо, что это самый театр бурь и место в мире, наиболее способное на всякого рода насилия и трагические приключения". Это, однако, не мешает тем, кто жаждет тленных благ этого мира, без конца и без отдыха бродить по морю, даже в неведомых и неизведанных краях.

"Если же они на время покидают океан, то лишь для того, чтобы вновь вернуться в него и снова искать войны со своими кораблями, чтобы несправедливо сделать себя хозяевами чужих тел и богатств".

"К таким, можно сказать, относятся сегодня на всех морских побережьях непримиримые корсары Барбары. Ибо, как бы ни были велики опасности, о которых мы только что говорили, и сколько бы примеров ярости и непостоянства Нептуна они ни видели, они не прекращают своих раздражающих выступлений, разжигая войну на всех побережьях христианских народов. Именно там они совершают свои позорные пиратства, и там же они прославляются самой позорной из всех видов торговли - торговлей разбойников.

"Во всех городах, где хорошо поставлена охрана порядка, они всегда получали быстрое и справедливое возмездие, потому что закон направлен против тех, кто поддерживает подобные обычаи.

"Но среди этих пиратов такого не случается.

"Напротив, можно с уверенностью сказать, что если в городах, где живут хорошие люди, добрые поступки получают пальмы и короны, то среди корсаров воздается по заслугам и похвалам только злым.

"В сущности, самые решительные из них - я имею в виду самых недостойных разбойников, которые лучше всего разбираются во всех пороках своего ремесла и наиболее привычны к практике насилия, - это те, которые осыпаны почестями и проходят в оценке своих товарищей как люди сердечные и мужественные".

"Действительно, опыт научил всех христианских купцов, что неверные на побережье Барбары - сплошь разбойники.

"Среди них те, кто из Алжира, берут приз за богатство, за корабли, за силу и за злодейство".

Бакалавр богословия несколько размашист в своей критике, и его смысл, возможно, несколько яснее, чем его грамматика. Однако совершенно ясно одно: по мнению преподобного брата, тех, кто выходит в море, следует разделить на две категории - плутов и глупцов, причем с большим перевесом в сторону худшего элемента.

Из корсаров, о которых пойдет речь в этом отчете об их деяниях, двое Барбароссов были сыновьями отца-магометанина и матери-христианки. Драгут Рейс был чистым магометанином, а Али Баша - чистокровным итальянцем. Все эти люди, как мы увидим, достигли высот в профессии пирата; в каждом отдельном случае они начинали с самой нижней ступеньки лестницы и поднимались, благодаря доблести и характеру, на самый верх. Каждый из них в свою очередь стал адмиралиссимусом Великого турка в Константинополе. Хейр-эд-Дин Барбаросса командовал османским флотом в великой битве при Превезе, в которой он встретился со своим пожизненным соперником на море, знаменитым генуэзским адмиралом Андреа Дориа. Драгут Рейс погиб при осаде Мальты в 1565 году, а Али Баша был единственным мусульманским полководцем, который повысил свою репутацию битве при Лепанто в 1571 году, когда дон Иоанн Австрийский на время сломил могущество мусульман на море.

Хотя на кораблях мусульманских корсаров было очень много "ренегато", все же, конечно, основную массу бойцов, которыми были укомплектованы галеры, составляли магометане, потомки воинов, пронесшихся по Северной Африке как живое пламя в первые дни магометанского завоевания.

Оторванным от родных мест, которые принадлежали им более семи веков, как мы увидим в следующей главе, бывшим жителям Андалусии ничего не оставалось, как добывать себе пропитание сильной рукой. Они собирали морскую жатву - урожай товаров своих смертельных врагов, нанизанных на вереницы незадачливых торговых судов по всей длине и ширине безбрежного моря.

И дело не в том, что великие державы Европы посылали против них экспедицию за экспедицией; они сражались насмерть с разной удачей, готовые, когда буря проносилась над их головами, вновь пуститься в путь, который сулил им возможность обрести богатство. Вся их история - это исследование войн, которые велись, как правило, на мелком уровне, но иногда, как в уже упомянутых случаях, перерастали в события первоклассной исторической важности.

Подвиги буканьеров следующего века на Испанском материке тонут в сравнительной незначительности по сравнению с тем, что совершил такой человек, как Хейр-эд-Дин Барбаросса, которого современники, и многие поколения мусульманских моряков, которым еще предстоит жить, называли "морским королем". Взятие Панамы сэром Генри Морганом в январе 1671 года было, возможно, таким же выдающимся подвигом, как и все остальные, но по своему значению для цивилизованного человечества оно не может стоять в одном ряду с теми памятными сражениями в Средиземном море, о которых упоминалось, что они были проведены мусульманскими корсарами.

Сражаясь за свою руку, эти люди получали невероятную по своему богатству добычу. Морская мощь принадлежала им, и они в полной мере воспользовались этим фактом, не боясь никого, кроме великого сообщества рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, которые, поклявшись уничтожить неверного, не давали и не принимали четверти.

Мы уже говорили, что подлинный интерес к жизни корсаров вызван тем, что в пиратской иерархии решающее значение имело личное превосходство, и только оно. Против Хейр-эд-Дина Барбароссы снова и снова возникали заговоры, которые разбивались об адрес того, против кого они были направлены.

Это была одна из самых жестоких эпох, и грубая жестокость была главным средством для достижения успеха; оружием предводителя был чистый ужас. Так, когда некий Хасан, подчиненный Хейр-эд-Дина, не смог захватить испанское судно, потому что оно оказало слишком упорное сопротивление, его начальник подверг его жестокой порке, а затем бросил в тюрьму. Подобные методы, естественно, порождали у пиратских командиров толпы врагов, готовых в любой момент нанести им смертельный урон, и не назовешь чудом, что на протяжении долгих лет им удавалось не только сохранять, но и увеличивать свое превосходство над дикими духами, из которых состояли их последователи. Однако это был золотой век самодержавия, когда люди отдавали свои суждения какому-то великому вождю, соглашаясь следовать за ним и поддерживать его политику ценой своей жизни.

Именно самодержец, которого обстоятельства жизни сделали своим, в конечном итоге становится верховным правителем. Лидеры корсаров были испытаны всеми испытаниями процветания и неблагоприятной судьбы; они вышли из схватки в первую очередь потому, что им было свойственно проявлять более отчаянную храбрость, чем их современникам, и только выйдя с триумфом из этого, первого, испытания, они смогли начать навязывать свою волю другим. Именно тогда начались настоящие испытания, ведь недисциплинированные люди всегда склонны к подозрениям и нередко ропщут на лидера, который не всегда добивается успеха.

Однако, как правило, критиковать было некого, ведь должность критика была сопряжена с большими опасностями, чтобы быть привлекательной. Поддерживая свой авторитет, лидеры не останавливались ни перед чем, и головы непокорных с удивительной внезапностью отделялись от тел, если они сильно каялись. Мусульманский вождь, правда, был всего лишь *primus inter pares* и не отличался никакими внешними символами власти, которой обладал; но в его руках были жизнь и смерть, а жизнь стоила недешево.

До сих пор мы говорили о лидерах, но что же делать с теми, из кого состояли их последователи? Грубые, неотесанные и безрассудные, эти люди жили только для того, чтобы сражаться и грабить; для них другая жизнь казалась невозможной, и так оно и было на самом деле. В общинах, где они жили, у взрослого мужчины не было другого способа добыть себе пропитание. С тех пор как они были изгнаны из своих древних домов, ни один упорядоченный и мирный способ существования не был для них возможен. В окружении, где жили их предки, мирные искусства были воплощены в цивилизацию, равной которой не было в тогдашнем мире; от всего этого мусульманин теперь должен был отвернуться и зарабатывать на жизнь сильной рукой. Война, кровопролитная и непрекращающаяся, отныне была его уделом, и надо сказать, что он обратился к этому древнему увлечению с рвением, которое не оставляло желать лучшего с точки зрения тех, кем он руководил. Новая жизнь, полная кровопролития и приключений, казалось, приводила его в восторг. Как и вольноотпущенник во все века, он, похоже, растрачивал свою добычу сразу же после ее получения, а затем снова уходил в море, чтобы подвергнуться отчаянной опасности столкновения с рыцарями, совершать набеги на незащищенные деревни, *затаиваться* за удобным мысом, выныривая оттуда, чтобы разграбить аргозис торговца. Он терпел жару и холод, страдал от ран, от лихорадки, от голода и жажды, от отложенной надежды, от плаваний, когда не было добычи.

Наградой ему была радость боя, восторг от искусно устроенной засады, от того, что палуба врага превратилась в жуткое месиво, а полумесяц флага Пророка возвышался над отвратительной эмблемой Креста. Затем возвращение в Алжир с добычей: буксировка за собой какого-нибудь незадачливого христианского корабля, в то время как на борту его собственной израненной галеры били барабаны и звучали трубы, а знамена свободно развевались на фоне средиземноморского неба. Затем шествие пленников по людным улицам, нагруженных тем, что незадолго до этого было их собственным имуществом, - скорбная *процессия* мужчин, обреченных на вечное рабство, и женщин, предназначенных для гаремов башасов.

Так он прожил свою жизнь, а когда пришла смерть, то, как правило, от удара саблей или шаром из аркебузы или бомбарды; и что с того, разве Хасан Али или Селим не пали в борьбе с врагами его веры, и разве не открылись небесные порталы, чтобы принять человека, который своей жизнью свидетельствовал о том, что есть только один Бог и что Магомет - Пророк Божий?

Верно по существу и по сути то, что сказал брат Пьер д'Ан: "Неоспоримо, что море - это театр бурь и место в мире, наиболее способное на всевозможные насилия и трагические приключения". Те, кто "жаждал чужих товаров море", названные преподобным братом "непримиримыми корсарами Барбары", должны были сделать жизнь в этой стихии невыносимой на долгие века вперед, и если полумесяц не вытеснил крестное знамя в синих водах Средиземного моря, он остался как предвестие и страшный символ человеческих несчастий и невыносимых страданий.

ГЛАВА II

ПРИХОД КОРСАРОВ

Возникновение и продвижение мусульманских корсаров в Средиземноморье - любопытный и интересный исторический факт. Причины, приведшие к результатам, столь плачевным для торговли, цивилизации и христианства, изложены в этой главе, чтобы составить некоторое представление о положении дел в этом регионе в конце XV - начале XVI веков, а также для более полного понимания рефлексорного действия великого триумфа христианских армий в Испании.

Приморские христианские государства Средиземноморья в эту эпоху находились на пике своего могущества и процветания, но столкнулись с мощью Османской империи, против которой они вели непрерывную войну. Горькая и непрекращающаяся борьба велась Крестом против Полумесяца, а Полумесяцем против Креста; и, словно орлы в бурю, неслись корсары на своих стремительных галерах, готовые сразить незадачливую арготистку торгового судна, где бы она ни встретилась. Но и это было еще не все: берега и моря отдавали им свою дань в виде рабов и добычи, а христианские матери, трепещущие в незащищенности своих домов, успокаивали плачущих детей ужасом перед именами Барбароссы, Драгута или Али-Баши.

Папы и императоры, короли и принцы были вынуждены объединяться в лиги против этих морских волков, пожиравших имущество их подданных, и снаряжались огромные экспедиции для борьбы с корсарами и их уничтожения. Если бы христианство было

объединено, цель, несомненно, была бы достигнута; но, как будет показано в конце этой главы, "Союз христианских князей против турок" - этот общий термин включал корсаров - не всегда использовался так, чтобы нанести вред этим общим врагам.

Когда в 1492 году Гранада была уступлена "католическим королям", Фердинанду Арагонскому и Изабелле Кастильской, незадачливым монархом, известным как Боабдил эль Чико (или "маленький"), последние остатки власти мавров в Испании ушли, чтобы никогда не вернуться. Говорят, что на том небольшом холме на пути к побережью, который до сих пор известен как "el ultimo suspiro del Moro" (последний вздох мавра), Боабдил, в последний раз взглянув на свою потерянную столицу Гранаду, разрыдался. Его свирепая мать Айеша, однако, не сочувствовала своему павшему сыну: "Тебе хорошо плакать как женщине о том, что ты не осмелился защитить как мужчина", - таково было ее язвительное и совершенно несправедливое замечание, и кавалькада продолжила свой несчастный путь к побережью, откуда отплыла в королевство Фес.

Христианство ликовало: более семи веков последователи Пророка жили на земле, из которой Тарик изгнал Родерика Гота в восьмом веке. Там они жили и держали светильник образованности и сравнительной цивилизации, который ярко сиял сквозь миазматический туман жестокости и кровопролития Средневековья, и никто не может оспаривать, что в те века под властью мавров в Испании процветали мирные искусства, а наука, сельское хозяйство, искусство и образование находили щедрое и разборчивое покровительство при дворах Кордовы и Гранады.

И вот теперь все было кончено: железное рыцарство Севера разбило на куски пайнимских хозяев. Они были навсегда изгнаны с христианской земли, или же были вынуждены жить в состоянии унижительного рабства, под гнетом чужеземного правления, на земле, которую их предки завоевали и удерживали мечом.

Как уже говорилось, в христианстве царило ликование, но рыцари и дворяне, стекавшиеся со всех концов Европы под знамена католических монархов, не предвидели последствий, не представляли, какое наследие они оставят своим потомкам.

Именно об этом наследии мы и должны говорить, и не было ничего более ужасного, ничего, что было бы чревато более ужасными страданиями для человеческой расы. Разбитые отряды мусульманского рыцарства стали корсарами Средиземноморья: безжалостными пиратами, освобожденными от всех ограничений человеческой жалости, живущими только для того, чтобы причинить максимальные страдания своим христианским врагам, которые, посеяв ветер при взятии Гранады, в последующие века пожинали вихрь крови и мучений, продолжавшийся вплоть до бомбардировки Алжира лордом Эксмутом в 1816 году и даже позже этой даты.

Воины до единого человека, войска Боабдила перешли Гибралтарский пролив в Африку; воины, но теперь сломленные люди, у которых отняли не только их земли и дома, но даже возможность остаться в родной стране. Религиозная терпимость была правилом мусульманских государств в Испании. Во имя религии они были экспроприированы; поэтому терпимость была убита, и возвышение полумесяца над крестом стало долгом каждого сражающегося магометанина. Во все порты и гавани североафриканского побережья вторглись мусульмане, их единственное занятие - мстить христианам, независимо от их расы и национальности. В это время правители языческих государств, державшие в своих слабых и неумелых руках такие сильные оружейные центры, как Алжир и Тунис, оказывали лишь незначительное сопротивление.

Очень скоро мусульмане освоили море, и очень скоро христианские государства обнаружили, насколько отличается магометанин, живущий в мире в Андалусии или, в худшем случае, воюющий со своими единоверцами, от отчаянных корсаров, созданных их собственными действиями, которые теперь опустошали берега безбрежного моря.

В последующие годы после завоевания Гранады корсары стали бичом Средиземноморья. Франция, Испания, Генуя, Венеция - все враждовали с ними; торговые суда, которые до сих пор беспрепятственно ходили туда-сюда, теперь захватывали, приводили в порты Северной Африки, продавали грузы, а их незадачливые экипажи заставляли работать, обнаженными и прикованными к скамьям пиратских галер, пока смерть не приходила и милосердно прекращала их страдания.

От Реджио до Генуи, от Венеции до Таранто раздавались крики ярости и страха; они доносились до берегов Франции и Балеарских островов, а Южная Испания кипела недовольством, и мориски, как называли тех мавров, которые остались в стране, были постоянно начеку, чтобы помочь своим смелым собратьям, морским скитальцам. Христианство было в полном недоумении: до сих пор отношения между этими народами и королями Туниса, Тлемсена, Феса и других североафриканских владений были самыми приятными. Обе стороны осуждали пиратство и, насколько это было в их силах, делали все возможное, чтобы воспрепятствовать этому виду разбоя. Но теперь все изменилось, и, как уже говорилось в предыдущей главе, возникла ситуация, аналогичная той, в которой оказались испанцы в Вест-Индии полтора века спустя, когда Морган и буканьеры были на пике своего злодейского мастерства. Ситуация была аналогичной, но если Морган, Скотт, Л'Оллоне и другие наводили ужас только на те силы, которыми Испания располагала в далеких колониях, то корсары наводили ужас на все великие страны мира.

Гранада пала, как уже говорилось, в 1492 году на фоне ликования христианских государств; но для всего христианства было бы хорошо, если бы халифы Кордовы и Гранады никогда не были побеждены, а они и их подданные изгнаны из своих домов: чтобы сформировать ядро тех пиратских государств, которые существовали с этой даты и вплоть до XIX века, как бич и ужас для всех, кто в те века хотел "ходить по морям по своим законным поводам". От падения Византийской империи захват Гранады отделяет тридцать девять лет, поскольку именно в 1453 году Константинополь был захвачен халифом Магометом II. Византия пала, и, пожалуй, ничто в летописи этой империи не отразило ее так хорошо, как эта последняя грандиозная борьба; и когда 29 мая 1453 года османские легионы одержали победу, тело последнего императора Византии было найдено под горой убитых, узнаваемое только по пурпурной мантии, прошитой золотыми пчелами. Крест, который Константин Великий водрузил на стены 1125 лет назад, был заменен полумесяцем, а христианский собор превратился в мечеть Святой Софии, которая стоит до сих пор.

С первых дней существования мусульманских корсаров Средиземноморья они тесно общались со своими единоверцами из Османской империи, и на то была очень веская причина: турки не имели привычки к морю, а были по сути сухопутными воинами, и по мере развития истории о морских волках мы увидим, как в некотором смысле Великий Турок и пираты стали взаимозависимы в непрекращающихся войнах, которые велись в эпоху, о которой мы рассказываем.

Падение Константинополя прозвучало по всему христианству так, словно это был удар судьбы, и все люди затаили дыхание, гадая, что будет дальше. Морские государства были настолько ошеломлены, что не предпринимали никаких действий, позволяя себе "не смею

ждать, пока не дождусь". Их нерешительность оказалась роковой. Если бы венецианцы, генуэзцы и каталонцы в этот момент заключили союз, они могли бы прогнать турок с лица воды; но к взаимной ревности и нерешительности добавился страх - страх перед новой могущественной державой, которая возникла и сместила один из ориентиров Европы. Так и вышло, что Генуя заключила соглашение с Великим Турком, а Венеция заключила торговый договор 18 апреля 1454 года. Именно халиф Магомет первым укрепил Дарданеллы, установив там тридцать тяжелых орудий, перед которыми отшатнулся венецианский адмирал Жак Лоредано, доложив Республике, что отныне никто не сможет пройти через проливы. Однако на этих страницах мы не будем иметь ничего общего с Великим Турком, за исключением того, что он повлиял на жизнь корсаров. Это влияние будет проявляться по мере того, как мы будем продолжать.

Однако есть одна группа людей, о которых, возможно, стоит кратко рассказать в этом месте, поскольку жизнь, которую они вели, и поступки, которые они совершали, были неразрывно связаны с жизнью корсаров. Эти люди были членами объединения, известного сначала как рыцари Святого Иоанна Иерусалимского, а затем как Мальтийские рыцари. Между ними и корсарами шла война на смерть, причем не только с этими разбойниками, но и с любым кораблем, плававшим под знаком Полумесяца.

В 1291 году Солдан Египетский прогнал рыцарей-госпитальеров, как их еще называли, с земли Святой Земли; Филипп IV Французский принял их на острове Кипр и предоставил им в качестве убежища город Лимасол. На время рыцари были вынуждены принять это, но они были нетерпимы к милосердию, обижены на опеку, горды и независимы. Считая свой орден величайшим и незыблемым оплотом христианской веры, они не склонялись ни перед королем, ни перед кайзером; и единственной милостью, которую они просили у великих государей, когда временно вступали с ними в союз в их вечной войне, было то, что во всех случаях их пост должен был представлять наибольшую опасность.

Это, правда, они просили не как одолжение, а как право. Легко понять, что таких отчаянных воинов, сражавшихся только для того, чтобы победить или умереть, с нетерпением искали союзники, исповедующие ту же веру.

Фульк де Вилларе, Великий магистр ордена в 1310 году, захватил Родос, который, хотя номинально и принадлежал Греции, в это время был прибежищем для плохих людей всех национальностей. Этот остров занимал наиболее выгодное положение, поскольку через него проходил морской путь из Константинополя в Египет и порты Малой Азии, а также находился в непосредственной близости от побережья Карамании, откуда орден мог черпать необходимую древесину для строительства своих галер и, кстати, движущую силу в виде рабов для весел, которыми они приводились в движение.

Рыцари укрепляли остров до тех пор, пока он не стал практически неприступным в ту эпоху. В то же время их флот рос так быстро, что в 1436 году они были в состоянии сражаться с турками в боевом порядке. На Родос приезжали младшие сыновья знатных семей из всех стран Европы, горящие желанием сражаться за "религию"; да и сами знатные вельможи не гнушались служить в столь рыцарском ордене.

Их бывший враг, египетский Солдан, в 1440 году совершил поход на остров, а в 1444 году осадил его в форме; но после сорока двух дней непрерывного боя он был отбит с большой резней.

"Солдат и моряк" - таковы были отважные рыцари Святого Иоанна; для них не было слишком тяжелого труда, не было слишком большой опасности. В жару и холод, в бурю и шторм они занимались своим военным ремеслом, своим священным крестовым походом, чтобы истребить неверных с лица воды. Они не искали материальной награды, а богатство и почести презрительно отвергали. Сильные в своей чудесной вере в то, что на их плечах лежит распространение христианства в эти последние дни, они бороздили моря со спокойной уверенностью в победе, которая была наполовину обеспечена еще до начала сражения. А когда битва разгоралась, где можно было найти таких паладинов, как эти люди, которые заявляли о своем неотъемлемом праве возглавлять ураганный натиск абордажников с палуб своих галер, быть всегда лидерами, когда в проломе забрезжила отчаянная надежда? Жизнь рыцарей этого ордена рассматривалась буквально с единственной целью - продвижение христианства и уничтожение этой ядовитой ереси, провозглашавшей Магомета пророком Божьим. Против всех, кто преклонял колено в мечетях лжепророка, была дана клятва, и справедливости ради отметим, что на алтарь этой веры они были безропотно положены.

Естественно, репрессии были в порядке вещей. Не менее фанатично были настроены и те, кто придерживался мусульманской веры, поэтому было много попыток раз и навсегда уничтожить главных врагов Османской империи. В 1480 году турецкий флот из ста сорока кораблей вышел из Дарданелл, на побережье Карамании его ждала армия, которая была быстро собрана, и 23 мая флот бросил якорь в нескольких милях от города Родос. Это было испытание на прочность, от которого госпитальеры пришли в восторг. После неоднократных атак в деталях 28 июля был предпринят грандиозный штурм, который, по мнению турок, будет абсолютно решающим: он был решающим, но не в том смысле, который они ожидали.

Штандарт янычар уже развевался на первой куртине крепостного вала, когда Пьер д'Обюссон собрал рыцарей для последнего отчаянного усилия. Неужели в грядущие дни будут говорить, что "Религия" отступила перед ордой мусульманских дикарей, что знамя Святого Иоанна было запятнано их позорным прикосновением? Но сейчас не время для разговоров. У вас есть мечи, мессирь; используйте их!"

приказал Великий магистр, и рыцари в потрепанных доспехах, с отточенными мечами снова бросились на врага. Янычары сомкнулись вокруг них, но эти прекрасные войска были уже не те, что два месяца назад, и тесное соприкосновение с госпитальерами, продолжавшееся шестьдесят пять дней, стало для них уроком, чреватой катастрофой: они уже потеряли шесть тысяч человек, а их противники все еще были абсолютно непоколебимы. Без шлема, со знаменем над головой, Пьер д'Обюссон в самой гуще схватки оставался непобежденным, непобедимым; а за ним теснились рыцари, каждый из которых ревновал к славе своего "Обержа". Французы, венецианцы, каталонцы, генуэзцы, немцы - никто не может сказать, кто лучше сражался в тот день; но янычары были разбиты, и три тысячи их трупов устилали ров, в который их сбросили враги; кроме того, в турецком лагере было пятнадцать тысяч раненых.

Сердце покинуло ту великую армию, которая отправилась в путь под звуки труб и благословения мулл всего десять недель назад, и они отплыли избитые. Магомет II поклялся

отомстить за поражение, но дни его были сочтены, и он умер в Скутари 3 мая 1481 года, в возрасте пятидесяти двух лет и на тринадцатом году своего правления.

В 1499 году Дауд-паша, адмиралиссимус Баязета, преемника Магомета II, победил венецианского адмирала Антонио Гримани в сражении, известном Республике под названием "Плачевное сражение при Зонкио". Население Венеции потребовало, чтобы Гримани был немедленно обезглавлен, но он не только избежал их мести, но и дожил до назначения дожем 6 июня 1521 года, в возрасте восьмидесяти семи лет: безусловно, любопытный рекорд для неудачливого адмирала того времени.

В 1500 году был образован "Союз христианских князей" по инициативе папы Борджиа Александра VII. Людовик XII, король Франции, и Фердинанд V, король Испании, объявили о своей приверженности этой борьбе с турками, а Пьер д'Обюссон, ветеран Великого магистраты рыцарей Святого Иоанна, был назначен генерал-капитаном христианских армий. Для целей этой войны адмирал папских галер в Средиземном море Лодовико дель Моска приобрел у Фердинанда, короля Неаполя, всю свою артиллерию, описание которой приводит падре Альберто Гульельмотти, доминиканский монах, автор работы под названием "La Guerra dei Pirati e la Marina Pontifica dal 1500 al 1560 A.D.". "Было тридцать шесть больших бомбард с восьмьюдесятью повозками, относящимися к ним; некоторые были запряжены лошадьми, некоторые - буйволами, запряженными поодиночке, или двумя, четырьмя, или даже шестью вместе; две повозки, нагруженные аркебузами для корабельных лодок; девять повозок с сорока небольшими бомбардами (*bombardelles*), размещенными по три, четыре или даже шесть на каждой повозке; двенадцать повозок с обычными артиллерийскими орудиями; еще столько же повозок для обслуживания двенадцати больших пушек; тридцать семь повозок с железными шарами; три с порохом; и, наконец, пять повозок с селитрой, дротиками и пулями. Великолепная артиллерия превосходной работы и огромной мощи в сопровождении двух тысяч человек под оружием, не говоря уже о ротах, шедших до и после каждой повозки".

Французский король подготовил флот и армию под командованием графа Филиппа Равенштейнского; испанцы находились под командованием Гонсальво де Кордоба, "Великого капитана". История "Союза христианских князей" наглядно демонстрирует методы этих владык в то время. После одной или двух незначительных стычек с турками, в которых не причинили большого вреда ни одной из сторон, французы и испанцы объединились и захватили Неаполитанское королевство: благоразумный король этой территории, продав свою артиллерию Лодовико дель Моска, не стал дожидаться прихода своих христианских братьев.

На территории, известной римлянам как Визацена, которая простиралась от Алжира до пределов Триполи, в этот период правил Абу-Абд-Аллах-Магомед, берберский мусульманин из династии Хафситов. Между этим сановником и Генуей был заключен и подписан торговый договор. Но договоры на берегах Средиземного моря могли толковаться весьма вольно; они никогда не считались с корсарами, а те имели привычку вторгаться повсюду и нарушать самые тщательно продуманные планы. Куртогали, корсар, собравший большое число поклонников, был теперь силой, с которой приходилось считаться, и пользовался большим расположением Великого турка в Константинополе. Этот разбойник явился в Бизерту - один из портов Абд-Аллах-Магомеда - с эскадрой из тридцати кораблей и потребовал гостеприимства. Поскольку Куртогали располагал тридцатью кораблями и шестью тысячами воинов, Абд-Аллах, вероятно, ни в коем случае не смог бы отказать ему в просьбе; но он и не собирался этого делать, поскольку, согласно удобному толкованию Корана, пират должен был отдать пятую часть всей добычи, которую он отнимал у христиан, правителю страны, в гавани которой он укрывался. Не было места, столь удобного для целей пирата, как Бизерта:

отсюда он мог нападать на Сицилию, на Балеарские острова, на Рим, Неаполь, Тоскану и Лигурию, и в то же время держать в своей власти торговлю, медленно плывущую вдоль североафриканского побережья. Грабежи Куртогали были велики, и даже папа Лев X. дрожал на своем троне, а Генуя, Венеция и Сицилия кипели от бессильной ярости.

А между тем кто же так счастлив, как Абу-Абд-Аллах-Магомед? Мы не можем сделать ничего лучше, чем взять описание его положения со страниц доброго падре Альберто Гульельмотти. Францисканец говорит: "Он [то есть Абд-Аллах] желал мира со всеми и процветания для своих собственных интересов. Дружелюбен к купцам в их торговле; дружелюбен к корсарам в их добыче. Пусть все держатся закона: первые довольствуются уплатой таможенных пошлин, вторые с радостью отдают пятую часть награбленного, и Абд-Аллах - их общий друг - всегда будет пребывать в мире со всеми ними. За пределами его портов купцы и пираты могли бы провалиться сквозь землю, если бы захотели: это не было причиной для его беспокойства. Напротив, он с радостью ожидал их возвращения либо с таможенными пошлинами, либо с данью в размере пятой части, в зависимости от обстоятельств".

Как бы ни устраивало Абд-Аллаха такое положение дел, генуэзцы считали, что ситуация далеко не удовлетворительная. Поэтому они направили армию против Куртогали и 4 августа 1516 года захватили Бизерту, освободили несколько христианских пленников и разграбили город. Но им не удалось захватить Куртогали, который всего через пять недель после этого предпринял дерзкую попытку лично унести Папу Римского с морского берега в окрестностях Рима. Куртогали закончил свои дни в качестве губернатора Родоса, откуда рыцари Святого Иоанна были окончательно изгнаны Солиманом Великолепным 22 декабря 1522 года. Это был самый сильный удар, который когда-либо получало братство. 24 декабря турки триумфально вошли в город, и, как говорят, "султан Солиман не остался равнодушным к горестному положению своих побежденных врагов, а когда он увидел христианского командующего, принца Филиппа Вильерса Л'Исла-Адама, то заметил: "Меня несколько тяготит, что я должен прийти сюда, чтобы прогнать этого престарелого христианского воина из его дома"". В начале следующего года рыцари покинули остров и больше никогда не возвращались. В день этого опустошения герольд протрубил в свою трубу "Салют и прощание", и тот самый инструмент, на котором прозвучал этот призыв, до сих пор хранится в оружейной палате Мальты, на бесплодный остров которой рыцари были вынуждены отступить.

ГЛАВА III

УРУДЖ БАРБАРОССА

В 1457 году Великий Турок изгнал из Константинополя безвестного румелийского или албанского ренегата по имени Махомеди; он поселился на острове Митилен и там женился на христианской вдове Каталине, от которой у него было два сына, Урудж и Хизр. Отец был моряком, и оба сына приняли ту же профессию. Именно со страниц книги "Эль Маэстро" дона Пруденсио де Сандовалья мы почерпнули эти голые факты о рождении и происхождении этих людей, которые в последующие годы стали известны всем жителям берегов Средиземного моря как "Барбароссы" из-за своих рыжих бород. Сандоваль, епископ Памплуны, опубликовал в 1614 году свою монументальную историю императора Карла V, и через его великолепные тома деяния мусульманских корсаров проходят, как алая нить,

скрученная через правительственную веревку. Очевидно, что факт необходимости иметь дело с такими негодьями не мало раздражает доброго епископа, о чем часто свидетельствуют его суровые и едкие комментарии. В жизни знаменитого "Карлоса Кинто" было достаточно происшествий и несчастных случаев, чтобы историку не пришлось отвлекаться на летопись деяний пиратов ; но их подвиги были столь дерзкими, последствия их были столь далеко идущими, что зловещая багровая нить должна была быть вплетена в любое повествование о тех временах, несмотря на раздражение человека, у которого скручивалась веревка.

О Махомеди у нас нет никаких сведений, кроме замечания о нем, что "el qual fue gran marínero": каким образом он проявил свои способности моряка, мы не знаем. Ранее мы уже отмечали любопытный факт того, как "ренегадо", или христианин, ставший магометанином, становился самым непримиримым врагом своих бывших единоверцев. В случае с двумя Барбароссами мы видим, что в них не было ни капли мусульманской крови, так как оба родителя происходили из христианской семьи: и все же ни один народ, из которого происходили их отец и мать, не пострадал от большего бедствия, чем Урудж и Хизр Барбаросса.

УРУДЖ И ХЕЙР-ЭД-ДИН БАРБАРОССА.

Характеры двух братьев сильно различались. Старший, несомненно, был "первоклассным бойцом", прекрасным моряком, прирожденным партизанским лидером; но на этом его качества заканчивались. Грубый, жестокий, властный, жестокий, он навязывал себя тем, кто становился его последователями; но в нем не было ни одного из тех государственных качеств, которые отличали его гораздо более великого младшего брата. Он обладал абсолютно ограниченным интеллектом тактика в противовес стратегу, который, видя свою цель, был способен решать обстоятельства по мере их возникновения, но, отчасти, несомненно, из-за недостатка образования, но главным образом из-за отсутствия интеллектуального понимания проблем времени, в котором он жил, никогда не мог подняться до тех высот, которые покорил Хизр, более известный под титулом, присвоенным ему позднее Великим Турком как "Хейр-эд-Дин", или "Защитник религии".

Сыновья Махомеда, этого "великого мореплавателя", естественно, вышли в море, и в юности Урудж стал обладателем корабля - как, мы не знаем, да и лучше не спрашивать. На этом небольшом суденышке он отправился к берегам Карамании, чтобы воевать с христианами, или, другими словами, начать самостоятельную пиратскую карьеру. В те дни Урудж был молод и неопытен, иначе он не выбрал бы эту местность для своего первого предприятия, ведь это побережье находилось в непосредственной близости от острова Родос, откуда огромные галеры рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского отправлялись на истребление врагов своей веры.

Так случилось, что Урудж, выплыв на своем маленьком суденышке из-под тени лесистой опушки, попал в поле зрения *Богоматери Зачатия*. Ничего не оставалось, как немедленно бежать, и Урудж поднял штурвал и помчался с ветерком; но огромная галера "гусиными крыльями" распустила свои два мощных латаных паруса и повернула в погоню. Корабль, на котором плыл Урудж и его судьба, был быстр и удобен, и некоторое время он держался на плаву; но это было только время, так как те, кто находился на борту "*Богоматери Зачатия*", обнаружив, что им не удастся одолеть преследователей, пустили в ход весла и вскоре изменили положение дел. На борту рыцарской галеры было двадцать семь весел, и каждое из них обслуживали девять рабов-мусульман. Море было гладким и благоприятным для гребли, и вскоре хищная погоня приблизилась к обреченному корсару. По мере того как интервал между преследователем и преследуемым становился все меньше и меньше, те, кто находился на борту пиратского корабля, могли воочию убедиться в том, какая участь их ожидает: на центральном трапе, разделявшем скамьи гребцов, боцман и его товарищи нещадно били по голым спинам напрягшихся гребцов, побуждая их к большим усилиям. В те времена того, кто попадал в плен в море, заставляли грести до самой смерти, и на расчетливое милосердие, которое заставляет человека хорошо кормить и лечить животное, чтобы оно лучше работало, здесь рассчитывать не приходилось, поскольку жизнь была дешевой, а рабов было много. Очень скоро клюв галеры навис над кормой маленького корабля. Бегство было невозможно, сражаться означало бы расправиться со всеми на борту; выбор был один - мгновенная покорность или водная могила. Урудж спустил парус, и его вместе с его маленькой компанией загребли утюгом и бросили в глубину галеры до тех пор, пока не наступит время, когда они захотят взяться за весла. Так бесславно закончилась его первая попытка самостоятельного пиратства.

Но тут грянул шторм, и поднялось сильное море. Паруса галеры были спущены, ее поставили клювом к ветру, и она направилась к берегу. В этом шумном заточении Урудж слышал над грохотом моря и свистом ветра крики незадачливых рабов, когда бичи их наставников прокусывали кожу и плоть: раб на галере греб голым, прикованным к скамье. Такова была его судьба, и он прекрасно осознавал этот факт.

Наконец, после наступления темноты, галера бросила якорь острове Кафель-Россо, у входа в залив Сатали. По-прежнему дул сильный ветер, но в сравнительном покое якорной стоянки звуки, доселе скрытые войной стихий, теперь давали о себе знать. Слышался храп спящих, лязг ножных цепей, когда несчастные рабы меняли свои позы, пытались занять более удобное место на скамье; на корме судна раздавались звуки резвящихся с громким смехом мужчин; но над всем этим возвышался полый стон человека, находящегося в смертельной агонии. Его издавал раб, находившийся совсем близко от Уруджа. Смех и громкие голоса на корме стихли, и вскоре властный голос произнес: "Этот шум беспокоит меня; проследи, чтобы он немедленно прекратился". Из непроглядной тьмы донесся покорный ответ: "Сейчас же прекратится, ваше превосходительство". Тогда пришли люди с фонарями, развязали стонущего несчастного и выбросили его за борт.

Ночь становилась все хуже, ветер стих, и галеру начало тащить на якорях. Рабы были разбужены, а весла приготовлены, чтобы сдвинуть ее с опасного места на ставшем уже тихим берегу. Урудж сумел освободиться от оков - неисправный болт дал ему свободу; для него это было сейчас или никогда, и он был смелым пловцом. Он достаточно видел и слышал о *Богоматери Зачатия*, и, когда огромные весла вновь погрузились в море, корсар, предпочтя милость стихии милости рыцарей, незаметно перевалился через борт и поплыл к берегу. Чудом выбравшись на сушу, он добрался из Саталии в Египет, где поступил на службу матросом на корабль Солдата Египта, направлявшийся к побережью Карамании, из провинции которой египтяне, как и рыцари, черпали древесину, необходимую им для строительства кораблей. Но это соседство снова оказалось для Уруджа неудачным, так как корабль, на котором он плыл, был атакован христианской галерой, и ему снова пришлось спасаться вплавь на берегу. В жизни корсара XVI века не было недостатка в происшествиях.

На этот раз он явился к Хоркуду, губернатору Карамании, брату султана Селима, Великого турка. Губернатор, признав в нем бесстрашного мореплавателя, приказал смирному баше снабдить его кораблем, приспособленным для той *войны*, которую он хотел вести против христиан. Ценность корсара как вспомогательного средства начала осознаваться высшими турецкими чиновниками. Покладистость Хоркуда объяснялась двумя причинами: во-первых, он действовал в интересах своего брата, отправляя в море действительно способного человека, который мог бы выступить против его врагов, и тот факт, что Урудж был чистым и простым пиратом, не имел ни малейшего значения; во-вторых, это была очень выгодная меркантильная сделка, поскольку он приказал своему подчиненному, баше Египта, взять на себя расходы по оснащению необходимого корабля, что составило около 5 000 дукатов, и, несомненно, получил от своего благодарного протекже хороший процент со всех захватов.

Последнему, как нетрудно догадаться, вполне хватило Караманского побережья, превратившегося в настоящее осиное гнездо; кроме того, у него не было желания заводить дальнейшее знакомство с рыцарями, поэтому он поставил между собой и ими всю ширину Ионического моря и сумел взять несколько богатых призов. Избежав Митилены, он вернулся в Египет и перезимовал в Александрии. Здесь следует отметить, что корсары, как правило, считали зиму закрытым сезоном, поскольку в те ранние времена мореплаватель не рисковал своим кораблем, если мог этого избежать, отправляясь в плавание в этот период бурь и штормов. Поэтому в эти месяцы пиратам не было смысла бороздить моря, и если лето и осень были удачными, как правило, они вполне могли позволить себе отлежаться и дожидаться прихода весны.

Но когда шторм и дождь сменялись гладью воды и приятным бризом, морские волки были уверены в своей добыче, ведь вся длина и ширина безбрежного моря непременно заполнялась кораблями ненавистных христиан, которые двигались во всех направлениях. По этике мусульман, все корабли, плавающие под крестным знаменем, независимо от того, к какой нации они принадлежат, были честной добычей, даже если ее эмблемой был полумесяц - ну, если предположить, что место было достаточно отдаленным, мертвецы не рассказывают сказок, и пиратам можно было доверять, чтобы они не спаслись.

Но как бы там ни было, совершенно точно, что никакие угрызения совести не беспокоили Уруджа в отношении остальных: Генуэзцы, неаполитанцы, каталонцы, андалузцы, французы или жители Балеарских островов - все они были рыбой, посланной щедрым Провидением, чтобы попасть в его сети, и он хватал их без разбора. Когда корсар был в полном восторге от своего успеха, его мысли занимало только одно: найти готовый рынок сбыта для своих трофеев и удобное место, чтобы избавиться от постыдного количества пленников. Это, однако, не представляло непреодолимой трудности, как мы уже видели на примере

Куртогали, и аналогичное соглашение было осуществлено Уруджем Барбароссой и его братом.

Теперь Урудж обосновался на острове Джерба, на восточном побережье Туниса, который представлял собой прекрасную базу для пиратской работы в Средиземном море. Изначально Джерба была завоевана и оккупирована испанцами в 1431 году, но оккупация затянулась, и остров лежал бесхозным, когда Барбароссы сделали его своей штаб-квартирой. Здесь к Уруджу присоединился его младший брат Хизр, которому суждено было стать гораздо более знаменитым из них двоих; он уже успел прославиться в пиратских кругах, а теперь принес свои холодные суждения и мудрые советы на помощь этому вспыльчивому бойцу, своему старшему брату. Первым вопросом, который необходимо было решить, был тот, о котором мы уже упоминали, а именно: распоряжение трофеями от будущих захватов, и с этой целью корсары обратились к султану Туниса. Султан милостиво ответил на их предложения и пожелал им всяческих успехов в их предприятиях. Он обещал им помощь и поддержку на тех же условиях, что и Куртогали, а именно: пятую часть всех трофеев, высаженных в его владениях.

Цена, которую предстояло заплатить, была невелика, и так считали активные участники этого соглашения; однако они были молоды и неизвестны и не собирались придерживаться своей сделки, когда появятся более благоприятные обстоятельства. Сейчас они держали честную речь с марионеточными принцами Северной Африки; должен был наступить день, когда они должны будут согнать их с их ненадежных тронов. Именно в это время, вскоре после заключения договора с султаном Туниса, младший Барбаросса получил от Великого турка славное имя Хейр-эд-Дин, или "Защитник религии". Это был несколько примечательный титул для пирата, но, возможно, его обладатель был несколько лишен чувства юмора.

Отплыв из Туниса весной 1512 года, братья с тремя галерами столкнулись с *"Неаполитанской галерой"*, огромным нефом с командой в триста человек. Они немедленно атаковали, но были отбиты, и наступила ночь, когда ни одна из сторон не получила преимущества. Этот дерзкий поступок наглядно показывает, насколько упорны были мусульманские корсары в это время. Они были достаточно сильны, чтобы бороздить просторы Средиземного моря и захватывать без риска для себя слабые и незащищенные аргосины, промышлявшие в этом море; но барбароссы действовали иначе. Может, они и были злодеями по современным меркам, пиратами - бесспорно; но это были мрачные, твердолобые, боевые люди, которые не боялись никаких опасностей в погоне за добычей и считали, что унижение и поражение их христианских противников так же сладко, как и вырванная из их рук добыча. Всю ночь три мусульманские галеры и большой неф пролежали на мели в ожидании конфликта, который должен был произойти с рассветом; и легко представить, что ни на борту мусульманских, ни на борту христианских кораблей не было спокойного сна, поскольку как с одной, так и с другой стороны надвигались большие проблемы. Корсары до сих пор не совершили ни одного столь важного захвата, как этот, который, если бы его удалось осуществить, значительно повысил бы их престиж в дополнение к тем трофеям, которые они могли бы получить; но в численном отношении бойцы были довольно равны, и бой шел до победного конца. Преимущество корсаров заключалось в том, что их было трое на одного, и они могли атаковать в трех разных местах одновременно. Ужасной, должно быть, была эта ночь ожидания для несчастных на борту *"Неаполитанской галеры"*; спасения не было, а на борту среди пассажиров было много женщин, судьба которых была слишком страшна, чтобы представить себе, если день

сложится против них. Первое нападение, правда, было отбито, но борьба была тяжелой и ожесточенной; будут ли они столь же успешны при повторном нападении?

Однако даже такая ночь, как эта, наконец подходит к концу, и перспектива действовать, должно быть, приветствовалась мужчинами с обеих сторон; о женщинах же, которых ожидала столь ужасная участь, вряд ли можно было думать. Призрачные пальцы рассвета коснулись серого моря блекло-желтым светом, очертив неф и стройные, злые на вид галеры с охапками весел; над поверхностью глубины висел легкий туман, словно какой-то добрый дух моря хотел скрыть, если такое возможно, грядущие деяния. Три галеры лежали близко друг к другу, и Урудж с братом произнесли несколько последних слов напутствия.

"Итак, решено, - сказал старший, - ты, брат мой, атакуешь правый борт, а я - левый, а Хасан Али [указывая на капитана третьей галеры] будет ждать, когда мы полностью соберемся, и тогда высадится на корму".

"Договорились", - ответил Хейр-эд-Дин, а Хасан-Али.

Когда сильное солнце идеального майского утра в Средиземноморье взошло над горизонтом, Урудж натравил своих гончих на добычу; весла галеры взбили прозрачную голубую воду в пену, и воздух наполнился криками корсаров. "Аллах! Аллах!" и "Барбаросса! Барбаросса!" - кричали они. Это был военный клич, которому суждено было повториться во многих конфликтах, как на суше, так и на море, в последующие годы.

Одновременная и, как мы видели, согласованная атака, клювы галер врезались в борта *"Неаполитанской галеры"*, и, всегда передовые в бою, Урудж и Хейр-эд-Дин первыми взошли на борт. Затем, когда люди уже схватились за руки и за ноги, когда мусульманский скимитар зазвенел о христианскую саблю, а воздух наполнился клятвами и криками сражающихся, третий оставшийся пиратский корабль схватил *"Неаполитанскую галеру"* за корму, и в бой ворвался поток свежих, не раненых людей. Это был конец; христиане оказались и в меньшинстве, и в меньшинстве, потому что среди них было много тех, кто не был воином по профессии, в то время как среди морских волков не было ни одного человека, которого бы взяли в море в качестве бойца, если бы он не подтвердил, что он доблестный человек в своих руках, к удовлетворению своего капитана. У нас нет записей или списка убитых и раненых в этой битве, но среди последних был Урудж, который был тяжело ранен. Но не таков был Хейр-эд-Дин, который спасся невредимым и принял командование на себя, поскольку его брат был недееспособен. Мертвых сбрасывали за борт без особых церемоний, раненых латали, как могли, а затем *Неаполитанскую галеру* взяли на буксир, и корсары с триумфом вернулись в Тунис. Верные до сих пор своему договору, они положили пятую часть своих трофеев к ногам султана.

Большая процессия была сформирована из пленных христиан, шедших по двое. Четыре молодые христианские девушки были посажены на мулов, а две дамы знатного происхождения следовали за ними на арабских лошадях, роскошно наряженных. Эти несчастные предназначались для гаремов своих похитителей. Султан был очень доволен этим зрелищем и, когда скорбная процессия продефилировала перед ним, воскликнул: "Смотрите, как небеса вознаграждают храбрецов!" Жюрье де ла Гравьер замечает: "Такова была военная судьба в XVI веке. Человек, покидающий Неаполь, чтобы отправиться в Испанию, мог закончить свои дни в мавританском баньо и увидеть, как его жена и дочери становятся жертвами злодеев самого худшего сорта".

Лишь следующей весной Урудж снова был в состоянии заниматься выбранным им делом, настолько тяжелыми были его раны; но как только он снова стал цел и здоров, он вышел в

море в сопровождении Хейр-эд-Дина, и на этот раз он задумал необычайно смелое и отчаянное предприятие. За два года до этого знаменитый испанский капитан Педро де Наварро захватил прибрежный город Буги и, к несчастью, оставил его в руках совершенно недостаточного гарнизона. Это отступление от разумных правил ведения войны уже было наказано по заслугам, так как гарнизон постоянно подвергался преследованиям и раздражению со стороны окрестных арабских племен. Идея Уруджа заключалась в том, чтобы захватить Буги с *помощью coup de main*. Однако корсар был гораздо лучшим бойцом, чем стратегом, и обладал самым нетерпеливым нравом. Поначалу все шло хорошо, так как ему удалось перехватить и захватить конвой испанских кораблей, отправленный для ревизии, и если бы он остался ждать, то мог бы с уверенностью рассчитывать на то, что гарнизон погибнет от голода, так как его снабжение зависело от этого самого конвоя. Напрасно осторожный и хладнокровный Хейр-эд-Дин советовал проявлять благоразумие и медлить, но эти слова не находились в лексиконе его старшего брата. "Что должно быть сделано, - ответил он, - лучше сделать это сразу", и во главе всего пятидесяти человек высадился на берег и штурмовал еще не достроенные валы Буги.

Но если Урудж был опрометчив и самоуверен, то не таков был командир испанского гарнизона, который, собрав своих людей для отражения штурма, ждал до последнего момента, а затем встретил их залпом из аркебуз, который уложил многих из них на землю и так тяжело ранил их предводителя, что ему пришлось ампутировать руку на месте: о его крепком здоровье говорит то, что он выжил после этой операции.

На время братьям надоело заниматься береговыми предприятиями, и они ограничились лишь пиратским бизнесом на море, который процветал столь успешно, что они стали чрезвычайно богаты, а их слава и могущество росли день ото дня. Шло время, богатство братьев и партнеров росло, и в расчетливый мозг Хейр-эд-Дина закралась мысль, что выплата пятой доли султану Туниса - всего лишь выброшенные на ветер деньги. Двадцать процентов, по его мнению, неоправданно уменьшали прибыль фирмы, и теперь, когда активные партнеры установили столь прочные деловые связи, они были достаточно сильны, чтобы обойтись без спящего партнера. Времена изменились к лучшему, и Хейр-эд-Дину не терпелось воспользоваться этим обстоятельством; по возможности он решил захватить и удержать какой-нибудь порт, в котором не только не будет дани, но и в котором он и его брат Урудж будут вершить судьбы всех, кто в него зайдет.

Буги с его сильным испанским гарнизоном братьям на данный момент было вполне достаточно: они стали искать какую-нибудь гавань, которая имела бы равные преимущества с точки зрения положения, и их выбор пал на Джиджелли, принадлежавшую в то время генуэзцам, которые занимали в этом месте сильный замок.

Джигелли лежит далеко за пределами Тунисского королевства, примерно на равном расстоянии от Буги и мыса Бугарони, примерно в сорока милях от каждого. Судя по всему, в этот раз за дело взялся младший из двух братьев, и здесь не применялись необдуманные и поспешные методы. К этому времени слава о Барбароссе распространилась от Валенсии до Константинополя, от Рима до подножия Атласских гор, и, чтобы обойти генуэзский гарнизон Джигелли, Хейр-эд-Дин призвал на помощь дикие берберские племена, населяющие внутренние районы этой части Северной Африки.

Эти примитивные обитатели пустыни были буйными, необузданными, непостоянными, как вода; но они были бойцами и налетчиками, готовыми к любой отчаянной схватке, если только она сулила добычу: они были такими же настоящими пиратами земли, как барбароссы - пиратами моря.

У пятисот генуэзских солдат, составлявших гарнизон Джиджелли, было мало шансов, когда на них с моря напали барбароссы, а с суши - несметная орда берберов, которых, по оценкам, насчитывалось до 20 000. Обложенный с суши и с моря, гарнизон делал все, что было в его силах. Провизия и вода были на исходе, боеприпасы подводили, кольцо врагов окружало их день ото дня все ближе и ближе. С суши нельзя было ожидать ничего, кроме усиления врагов, и день за днем командир гарнизона напрягал все свои глаза, чтобы посмотреть, не пошлет ли гордая Республика, к которой принадлежал он и его люди, подмогу, или не придут ли к нему на помощь сомнительные рыцари Святого Иоанна.

Но дни тянулись неделями, и солдаты постепенно изнемогали от постоянного напряжения. Оставался один-единственный шанс - пробить себе путь через осаждающие ряды. В любом случае их ждала кровавая расправа, и тогда командир, чье имя до нас не дошло, собрал своих людей для последней высшей меры. Ночью гарнизон, уничтожив по возможности все, что могло пригодиться врагу, вышел навстречу своей гибели. Они сражались так, как сражаются люди, знающие, что наступил конец; но доблесть не могла помочь против численности врага, и они были стерты с лица земли. Племена разграбили замок, забрав все необходимое, а затем отступили, откуда пришли. Хейр-эд-Дину не было до этого никакого дела; они были рады бедным владениям нескольких сотен полуголодных итальянских солдат - пусть забирают скорлупу, для него оставалось ядро в виде сильной крепости.

Однако едва братья преуспели в этом предприятии, как неумолимый боец Урудж снова попытался захватить Бужи; но его вторая попытка оказалась еще более неудачной, чем первая, и он потерял половину своей флотилии. Тогда он попросил помощи у Туниса, но султан, оскорбленный идеей братьев заняться пиратским бизнесом, в котором он больше не был спящим партнером, гневно отказался.

ГЛАВА IV

СМЕРТЬ УРУДЖА БАРБАРОССЫ

События, описанные в последней главе, подводят нас к концу 1515 года, и, хотя мы постарались изложить события в хронологической последовательности, следует помнить, что даты пиратских экспедиций зачастую невозможно установить: гнев летописцев на гнусные деяния корсаров значительно превышал их стремление к скрупулезной точности в вопросе о точном времени их совершения. Урудж, как мы уже видели, своей самоуверенной глупостью вновь поставил брата и себя в крайне затруднительное положение. Потери, понесенные им во время второй непродуманной попытки нападения на Буги, настолько ослабили пиратскую конфедерацию, что для ее дальнейшего существования вновь стало необходимо благосклонное отношение какого-либо монарха, и султан Туниса теперь отказался от всякой связи с этими неблагодарными людьми.

Но если в Урудже не нашлось хитрости и тонкости, то нашелся тот, кто не преминул проявить эти качества, когда это стало необходимо, и Хейр-эд-Дин снова вышел на авансцену. У русских крестьян есть поговорка: "Бог высоко, а царь далеко". В XVI веке Великий Турок был во всех смыслах "далеко" от борющихся корсаров на побережье Северной Африки и был государем столь великого и таинственного могущества, что любой человек с менее тонким чутьем на психологию времени, в котором он жил, чем Хейр-эд-Дин, долго и тревожно

колебался бы, прежде чем обратиться к нему напрямую; возможно, в конце концов он вообще не стал бы этого делать. Но отчаянные болезни требуют отчаянных средств, и политичный корсар прекрасно понимал, что даже моральная поддержка такого человека, как константинопольский султан, стоит больше, чем материальная помощь от султана тунисского.

Поэтому, сильно осмелев, он отправил посольство в Возвышенную Порту с одним из своих самых доверенных капитанов во главе, чтобы положить дань уважения корсаров к ногам Селима I. Естественно, что послы отправились не с пустыми руками, а взяли с собой богатые подарки и множество рабов. Селим был очень рад такому вниманию, пришедшему с такого расстояния - надо помнить, что в те времена побережье Северной Африки находилось в огромном расстоянии от Константинополя, - и проницательность Хейр-эд-Дина была с триумфом подтверждена. Султан не только послал ответную любезность, но и - что было гораздо важнее - отправил корсарам подкрепление из четырнадцати судов, велел им продолжать и процветать в их усилиях по распространению истинной веры среди христианских еретиков.

В истории корсаров нет ничего более любопытного, чем постоянные взлеты и падения их жизни. Так, в данном случае непродуманная атака Уруджа на Буги привела их в ужасное положение; сразу после этого действия Великого Турка вновь подняли их на ноги и позволили им продолжить бесконтрольную карьеру опустошения. Благодаря подкреплениям, присланным Селимом, их грабежи приобретали все большие масштабы, и, если бы они продолжали получать эту помощь, ход истории мог бы измениться. Измельченные в порошок под железной пятой своих безжалостных завоевателей, мориски Южной Испании все ждали случая подняться и сбросить иго, под которым их так жестоко угнетали; издалека приходили сообщения о постоянных успехах корсаров, и вся Андалусия питала страстную надежду, что день избавления близок.

Но, увы, суэта человеческих желаний! В первые месяцы 1516 года Селим отозвал свои корабли, и шанс исчез, больше никогда не появляясь.

Возможно, "горестный плач пленников" так и не дошел до ушей преемника Османа в его дворце на берегу Золотого Рога; в любом случае, султан готовился к завоеванию Египта и, как следствие, отозвал корабли, которые он одолжил в помощь корсарам. Таким образом, мориски остались без надежды, но корсары получили возможность заключить еще одну сделку с султаном Туниса. Этот монарх уже преодолел приступ дурноты и обнаружил, что таможенные сборы с мирных мореплавателей, хотя и достаточно желанные, отнюдь не являются столь прибыльной формой дохода, как пятая часть добычи пиратов. Урудж и Хейр-эд-Дин, со своей стороны, хотя и захватили Джигелли, но удержать его не смогли: захват действительно состоялся в основном благодаря помощи, которую они получили от берберских племен, но эти кочевники исчезли в пустынях, откуда пришли, как только разграбление города и крепости было завершено.

Корсар должен был быть вооружен во всеоружии, как в моральном, так и в материальном смысле, поскольку он был врагом всех людей, и все поклялись его уничтожить. Каждое его плавание вызывало к нему новую ненависть и еще более ожесточенную вражду, и мы должны помнить, что не только люди в отдельности, но и княжества и державы выстраивались в боевую линию для его уничтожения. В данный момент Испания была настроена особенно враждебно, поскольку ее владения в Буги не только дважды подвергались нападению "морских волков", но и был захвачен ценный конвой. В связи с этим испанцы отправили экспедицию против барбароссов, но эта попытка не привела к

большому ущербу для нарушителей. Испанцы уничтожили четыре пиратских судна, брошенных их экипажами в Бизерте, и направили сильную разведку в сам Тунисский залив. Здесь произошла перестрелка между испанским флотом и фортами, под которыми Хейр-эд-Дин закрепил свои корабли, после чего испанцы отказались от затеи и вернулись туда, откуда пришли.

В 1510 году испанец, граф Педро Наваррский, захватил Алжир, который в это время был одним из главных прибежищ мавританских беглецов, изгнанных из Гранады, Кордовы и вообще из Южной Испании Фердинандом и Изабеллой восемнадцать лет назад. Сказать, что положение этих людей было отчаянным, значит сказать лишь чистую правду, ибо что может превзойти несчастье ситуации, в которой они оказались после успешного вторжения их христианских врагов? В свете современных обстоятельств мы не замечаем, что испанские мавры были высокоцивилизованным народом, гораздо более цивилизованным, чем их современники-христиане; что они были изгнаны огнем и мечом с земли, на которой они и их предки жили более семи веков, и что теперь они были изгнаны буквально на голод на негостеприимные берега Северной Африки. Так и вышло, что простые люди променяли мирную и процветающую жизнь ремесленника или земледельца на жизнь пирата, добывающего средства к существованию, а дела рыцарей и благородных среди них были не лучше, а скорее даже хуже, чем у самого захудалого из тех, кого экспроприировали.

Те, кто знает край, в котором жили эти несчастные, знают о материальных памятниках, которые до сих пор существуют и свидетельствуют о славном прошлом; и, видя то, что они видели, не нужно напрягать воображение, чтобы представить себе комфорт, изящество и роскошь, которыми были окружены жители Гранады и Кордовы. Вон там, через несколько лиг сияющей голубой воды, находились разрушенные дома, ключи от которых многие из изгнанных людей все еще хранили, ожидая того дня, когда Аллах и Пророк дадут им возможность вернуться, чего они так естественно и горячо желали. По сей день ключ от великой мечети Кордовы хранится в Рабате как священная реликвия бывшего достоинства и власти - символ для мусульманина его вечного изгнания. Если Кордова с ее мечетью - до сих пор одним из чудес света, с ее одиннадцатью сотнями мраморных колонн - была для этих людей главной святыней и святая святых, то помимо нее существовали сотни других храмов их веры, теперь уже навсегда оскверненных в их глазах несчастьем, которое привело их в руки христиан. В Андалусии находились бесчестные могилы их сородичей, и, что самое страшное, в этой стране все еще жили тысячи и тысячи их единоверцев, удерживаемых в унижительном рабстве их непримиримыми врагами.

Захват Алжира графом Педро Наварро стал венцом несчастья для изгнанников, и когда этот полководец захватил город, он потребовал от жителей клятву верности испанской короне; кроме того, он возвел мощную башню, чтобы возвышаться над городом и держать в порядке его буйных жителей. Но такая клятва, полученная на острие меча, была написана на воде; она означала, конечно, подавление пиратства, а также голодную смерть большинства жителей окрестностей. Как мусульманское население существовало в течение шести лет после вторжения Наварро, остается загадкой; но, вероятно, они переместили свои галеры, которых у них было около двадцати, дальше вдоль побережья вне досягаемости пушек из башни Наварро и в безопасности от наблюдения тех, кто держал ее для испанского короля.

В тот год, когда Селим прибыл в Египет, умер король Испании Фердинанд V., и в Испании сразу же начались серьезные проблемы. Это была слишком хорошая возможность, чтобы ее упустить, так как подкреплений для гарнизона Алжира нельзя было ожидать, пока длились эти беспорядки, и алжирцы вместе советовались о том, как лучше изгнать своих врагов. То, с каким отвращением они относились к испанцам, говорит о том, что для этой цели они

должны были вступить в союз с дикарями из внутренних районов страны. Однако именно так они и поступили. Как и в случае с Джигелли, на этих людей всегда можно было положиться в поисках добычи, и некто Селим Эутеми вошел в город во главе своего племени. Но чистая, суровая, дикая доблесть не смогла произвести никакого впечатления на башню Наварро и орудия, установленные на ее стенах. В результате сложилась патовая ситуация: испанцы никак не могли выбраться наружу, а их враги, которых в городе и окрестностях было несметное количество, не могли попасть внутрь. Со временем, конечно, можно было надеяться заставить гарнизон сдаться голодной смертью, но время поджимало, и никто не знал, когда в Испании разрешатся проблемы и к осажденным придет помощь. Тем временем Селим Эутеми и его люди, получившие несколько грубых уроков владения огнестрельным оружием, держались вне досягаемости пушек, а алжирцы провели еще один военный совет, результатом которого стало решение просить помощи у Уруджа и Хейр-эд-Дина Барбароссы, к которым они и обратились. К этому времени их слава была известна всем людям, и они могли предоставить то, чего не хватало - корабли, артиллерию, первоклассные боевые силы, и, наконец, самое лучшее - моральную поддержку, которая бы укрепила и укрепила сердце в той разношерстной орде, которая в настоящее время теснилась у ворот крепости Наварро.

Алжирцы не напрасно зывали, и обещание помощи было получено мгновенно. Хейр-эд-Дин был в море, но Урудж, этот неукротимый боец, сразу же выступил в путь. Откуда, мы не знаем, но, должно быть, он был где-то поблизости, так как он и его люди шли вдоль берега, а за ними, не отставая, шел флот из восемнадцати галер и трех барк, нагруженных товарами.

Но прежде чем отправиться на помощь алжирцам, Урудж должен был заняться личными делами, причем он хотел совместить удовольствие с серьезным делом. Один из его старых соратников отделился от командования и обосновался в Шершеле, где вел жизнь независимого корсара на расстоянии легкой досягаемости от Балеарских островов и побережья Испании, а в его подчинении была целая орда тех разбитых людей, о которых уже упоминалось. Шершелл был неукрепленным городом и безоговорочно сдался по прибытии Уруджа и его армии. Кара-Хасан, так звали этого независимого корсара, вышел поприветствовать своего старого вождя; его встретили жестокими упреками, и ссора закончилась тем, что Урудж приказал обезглавить его на месте. Ссориться с Барбароссами было вредно.

Освободившись от этого соперника, митиленский корсар получил неоспоримое господство на побережье, которое никто не собирался оспаривать в будущем, поскольку он не терпел возражений и считал, что самостоятельное пиратство в Средиземноморье в какой-то мере ущемляет права его самого и его брата. Одной из самых характерных особенностей корсаров этого времени было явное безрассудство, с которым они нападали на других участников их гнусного бизнеса. Современному наблюдателю может показаться, что корысть и политика диктовали бы совсем другой образ действий; но, когда мы перейдем к истории жизни Хейр-эд-Дина, мы увидим, что этот бесконечно более мудрый и интеллектуальный человек, очевидно, позволил себе поддаться порывам страсти, в которых он жестоко расправлялся с теми, с кем был связан и от кого, несомненно, следовало опасаться опасной вражды, если им удавалось спасти свою жизнь. На таком расстоянии невозможно оценить мотивы, которыми руководствовались подобные люди, особенно в случае с Хейр-эд-Дином, чей характер представлял собой сочетание глубочайшей тонкости и расчетливой свирепости.

Договорившись с Кара-Хасаном, Урудж продолжил свой поход вдоль побережья. Прибыв в Алжир, он начал осаду башни Наварро, но, не сумев произвести никакого впечатления на ее оборону, оставил осаду после двадцати дней бесплодных боев, во время которых он потерял несколько человек во время штурмов. Растерянный и разъяренный, он ополчился на

берберского вождя, незадачливого Селима Эутеми, и устроил на него покушение, считая его виновником неудачи. Испанские летописцы с большим количеством подробностей рассказывают, как Урудж лично набросился на Селима Эутеми, когда тот был в своей ванне, и задушил его собственными руками. Как бы то ни было, испанские записи о деяниях корсаров не могут быть приняты *на веру*; несомненно, Селим был убит, и с тех пор берберы поняли, что тот, кто пришел на помощь, теперь остался грабить. Урудж обосновался в городе и начал совершать набеги на прилегающие территории, уводя овец, скот и рабов. Для берберов это было настоящим пробуждением. Тот, кто теперь угнетал их, пришел в облике защитника, чтобы помочь им в разграблении башни Наварро; они сменили короля Бревна, который жил в надежном заточении, на короля Аиста самого активного вида. Хотя мы не можем сочувствовать таким людям, вполне можно понять их вполне естественное раздражение тем, какой оборот приняли события, и нас не удивляет (в наш век "пунической веры"), что между жителями внутренних районов и испанцами в крепости зародился заговор.

Урудж был в курсе всего происходящего через своих шпионов, и, хотя он держал руку на пульсе заговора, вел себя так, словно соплеменники по-прежнему оставались его верными друзьями и союзниками. Корсар был более терпелив, чем обычно. В этом деле он желал получить достаточно доказательств преступления, а также отомстить в соответствии со случаем, когда он обнаружит всех виновных; так прошло несколько недель, пока заговор созрел, очевидно, с точки зрения заговорщиков, к успешному завершению. Но Урудж тянул время с тонкостью и *изысканством*, которые сделали бы честь самому Хейр-эд-Дину.

У корсара и его главных приверженцев был обычай посещать главную мечеть по пятницам, и поэтому, когда заговорщиков сердечно пригласили посетить ее в следующую пятницу, а после окончания службы проводить Уруджа в его жилище и там посоветоваться с ним, они, нисколько не сомневаясь, пошли на верную смерть. Когда речь муллы подошла к концу, по всему зданию раздался грохот: шестеро крепких мечников скрепили большие ворота мечети и преградили выход. Кроме заговорщиков, числом двадцать два человека, остальная часть здания была заполнена экипажами корсарских галер, которые, отдав он приказ, с радостью подожгли бы священное здание и поджарили бы в пламени самих мулл.

До корсаров, после того как они расположились в мечети, дошла весть, что берберы задумали это вероломство против них, которое, если бы удалось, означало бы смерть или порабощение их всех. Таким образом, это была ловушка необычайно смертоносного свойства, в которую попали соотечественники Селима Эутеми в эту пятницу утром.

Двери были закрыты, заговорщиков одного за другим притащили к Уруджу, который, горько упрекнув их, отдал приказ об их немедленной смерти. Их протащили через ряды веселящихся пиратов и обезглавили на улице, прямо перед главным входом в мечеть. Когда расправа над двадцатью двумя из них была завершена, Урудж вышел из мечети над корчащимися трупами предателей под одобрительные возгласы своих людей, всегда готовых восхвалять кровавые и жестокие деяния. После этого в Алжире больше не было заговоров против корсаров. Весть об этих отчаянных делах в Алжире к тому времени проникла в Испанию, и Эль Маэстро Дон Фрай Пруденсио де Сандоваль рассказывает, как, когда весть об этом дошла до Фрая Франсиско Ксименеса, кардинала-архиепископа Толедо, этот прелат, сильно возмущенный тем, что могущество императорской Испании попирается простым пиратом, послал Дона Диего де Вера с пятнадцатью тысячами человек отбить город и освободить осажденный гарнизон в башне. Это произошло в сентябре 1516 года.

Дон Диего высадился "в день Сан-Иеронимо" и заложил укрепления в нескольких шагах от города. От этой экспедиции ожидали многого, поскольку, как отмечает Сандоваль, в 1513

году дон Диего де Вера в войне с французами получил одобрение графа Педро Наварро ("avia bien aprobado con el Conde Pedro Navarro"), и не ожидалось, что простой пиратский сброд когда-нибудь выступит против испанских войск. Де Вера открыл огонь по стенам города со своих укреплений, но едва он это сделал, как Урудж, возглавляя своих корсаров, которые составляли острие копья бесчисленной армии берберов и арабов, предпринял вылазку.

"Однажды Барбаросса предпринял на них наступление и, увидев, что испанские солдаты плохо управляются, с громкими криками бросился на них. И так велик был страх, внушенный Барбароссой, что они были разбиты почти без потерь для мавров; и с большой легкостью эти последние убили три тысячи человек и взяли в плен четыреста в день Сан-Иеронимо в этом году".

("Salio un dia à el Barbarossa y como vio los soldados Españoles desmandados diò en ellos con gran gritos. Y fue tan grande el miedo que vieron que Barbarossa los desbaratò casi sin daño y con mucho facilidad mato tres mil hombres y cautivo quatro cientos dia de San Hieronymo deste año.")

Эта цитата приводится полностью, чтобы подчеркнуть тот удивительный факт, что в этой битве было убито более трех тысяч человек, а в плен попало всего четыреста, что свидетельствует о том, что она носила характер беспорядочной резни; единственным сколько-нибудь заметным пленником был капитан Хуан дель Рио. Диего де Вера покончил с корсарами и уплыл с остатками своих сил. О том, что стало с ним или с ними, нет никаких сведений, но он, должно быть, был крайне некомпетентным командиром, раз не смог с имевшейся в его распоряжении армией выступить против сбродной толпы пиратов и мавров. Сандоваль не пытается преуменьшить поражение, что, конечно, было бы невозможно; он довольствуется следующим восхитительно причудливым размышлением: "Но много-много раз Гомер кивает; это бедствие, должно быть, обрушилось на нас за наши грехи, о которых нам крайне важно всегда думать и размышлять".

Кто же теперь так торжествует, как Урудж Барбаросса? Правда, крепость Педро Наварро все еще оставалась в руках великолепного и неустрашимого гарнизона, и ей суждено было оставаться таковой еще несколько лет; но они были бессильны нанести вред, и завоеватель дон Диего теперь направил свое оружие в другую сторону. Хейр-эд-Дин находился в Джигели, когда узнал о победе своего брата, и сразу же отплыл с шестью кораблями на его поддержку. Город Тенес попал в руки братьев с огромной добычей, и тогда Урудж двинулся на Тлемсен. Султан Тлемсена, последний из королевского рода Бени-Зиан, не стал дожидаться прихода корсара. По всему северному побережью Африки имя Барбароссы было синонимом ужаса; печальная судьба Селима Эвтеми, Кара-Хасана, двадцати двух заговорщиков в мечети была на слуху, и суеверные соплеменники твердо верили, что эти рыжебородые корсары - сообщники Шайтана, даже если они сами не представляли его в своих лицах. Кто эти люди, - с трепетом спрашивали они друг друга, - которые не боятся ни Бога, ни дьявола и заставляют даже грозных испанцев лететь перед ними, как листья перед осенним ветром?

Когда люди начинают говорить и думать подобным образом, в них не остается сил бороться, и так получилось, что после самого слабого сопротивления султан Тлемсена бежал в Фес. Так, почти не нанеся ни одного удара, Урудж оказался хозяином провинции, из которой испанцы привыкли черпать провизию, необходимую для содержания гарнизона Орана. Но Тлемсен находится всего в семидесяти милях от Орана, а Оран так близок к Испании, что его легко укрепить; в результате Урудж вскоре был блокирован испанцами и оставался в таком положении в течение семи месяцев. Но никакая блокада не могла надолго удержать Урудж

Барбароссу в каменных стенах; вылазка за вылазкой вел галантный корсар против врага, и именно в одной из них он, что характерно, принял свою смерть. Вечно опрометчивый и стремительный, он позволил увести себя слишком далеко от возможного укрытия или поддержки; и как во всей жизни этого человека было что-то драматическое, так и в способе его смерти. Наконец его поймали в ловушку, этого мрачного морского волка, и он замер в каменном загоне, где пасли коз.

Как волки зимой кружат вокруг легавой на пустоши, так и жадный враг смотрел вверх, жаждая крови и смерти.

Рядом с ним был его верный лейтенант Веналькади. В затаившем дыхании поединке христианский меч и мусульманская сабля столкнулись и зазвенели. Сняв тюрбан, с огромным изогнутым скимитаром, красным до самой рукояти, неустрашимый корсар сражался до последнего, как и подобает ужасу его имени. Ему уже почти удалось прорваться сквозь кольцо врагов, когда Гарсия де Тинео, *альферес* (или лейтенант) капитана Диего де Андраде, тяжело ранил его пикой. Урудж споткнулся, его ударили по голове другим оружием, он покатился и упал. Бой закончился, и один из барбароссов рассыпался в прах. Гарсия де Тинео прыгнул на упавшего и отрубил ему голову. Записано, что во время боя Гарсия де Тинео был ранен Уруджем в палец, и до конца жизни он с гордостью носил этот шрам в знак того, что не он один убил знаменитого корсара.

Урудж Барбаросса, несомненно, был выдающимся человеком. В те времена, когда Средиземноморье кишело воинами, никто не был более страшен, никто не был более грозен, чем он. Благодаря доблести и упорству он пробился на фронт, и сын неизвестного ренегата из Митилены умер королем. Правда, его суверенитет был шатким, он держался на острие меча; тем не менее, в той суматохе анархии, в которой он жил, он вырвался на вершину, и, каким бы пиратом, морским волком и разбойником он ни был, мы не можем отказать ему в самом искреннем восхищении.

ГЛАВА V

ХЕЙР-ЭД-ДИН БАРБАРОССА

Урудж присвоил себе титул короля Тлемсена, но после его смерти этот теневой суверенитет прекратился, и испанцы захватили провинцию. Однако это не принесло им особой пользы, так как султан Феса послал против них несметную армию, и они, в свою очередь, были лишены владений. В 1518 году Урудж пал под ударами Гарсии де Тинео, и теперь первое место в пиратской иерархии занял Хейр-эд-Дин. В этом человеке под внешним обликом дерзкого и беспощадного пирата скрывался гений государственного деятеля; всегда передовой в борьбе, сильный, чтобы выстоять, быстрый, чтобы поразить, он уже давно прошел свое послушничество, установил империю над умами людей, которой суждено было просуществовать до конца его необычайно долгой жизни. С ледяным умом и огненным сердцем он безмятежно и спокойно взирал на бурные времена, в которые жил, - чудовищный эгоист, не желающий ничего, кроме собственного возвышения, все свои силы направивший на то, чтобы добиться большего богатства и еще большей власти.

Он играл в одиночку, ибо не терпел, как и его жестокий брат, никаких подходов к равенству с собой среди тех, кто шел за ним по пятам. В жизни, которую он вел, ему принадлежало абсолютное господство, но никто лучше него не знал, на какой зыбкой основе зиждется его власть. Теперь он называл себя королем Алжира, но все еще худой, иссушенный солнцем гарнизон с отчаянным упорством держался за башню неустрашимого Наварро, и в любой момент на него могли нагрянуть свежие испанские силы и прогнать его, как прогнали Уруджа из Тлемсена. Он понимал, что должен укрепить свою власть, должен, во всяком случае, в настоящее время, иметь за спиной какую-то силу, которая обеспечила бы ему материальную и моральную поддержку, необходимую для осуществления его планов. Однажды он уже успешно обращался к Великому турку, падишаху, главе магометанской религии, и получил от него то, что просил; однако в тот раз он не был в таком положении, как сейчас.

Корсар, должно быть, долго и напряженно размышлял над тем, как лучше обратиться к константинопольскому самодержцу; в конце концов он, вероятно, пришел к наилучшему решению проблемы, снова отправив посла с точными инструкциями относительно того, как тот должен действовать. Для этой важной службы его выбор пал на одного из его капитанов, Хадж-Хоссейна по имени, и ему он передал все, что должен был сказать, и - что было почти так же важно - то, чего он не должен был говорить.

Долг посла состоял в том, чтобы превозносить значение своего господина, но делать это так, чтобы падишах не подумал, что в Алжире появился соперник его собственному величию. Селим в это время находился в Египте, где только что завершил завоевание мамлюков, и Хадж-Хоссейн отправился туда. Он возложил к ногам завоевателя почтительное почтение короля Алжира, который, как он заверил Селима, не желал ничего лучшего, чем стать вассалом Командующего Верными. Кроме того, он сообщил ему, что от имени Селима по пятницам возносятся публичные молитвы в мечетях, что его изображение и надпись выбиты на монетах, что всеми возможными способами признается тот факт, что он, и только он, является избранником Бога на земле. Такой способ изложения ситуации был одновременно деликатным и политичным. Менее мудрый человек, чем Хейр-эд-Дин, мог бы принять ноту равенства одного мусульманского владыки с другим, но корсар прекрасно осознавал свои ограничения - он точно знал, чем Великий турок может быть ему полезен, и не собирался упускать свой шанс, проявляя несвоевременное высокомерие.

Хадж-Хоссейн показал себя тактичным и успешным послом. Султан принял оказанное ему почтение и обратился с многочисленными расспросами о войне, которую вел повелитель Хоссейна против врагов истинной веры в далеком Алжире. На все его расспросы отвечали с глубокой покорностью и самой изощренной лестью, большая часть которой, несомненно, была совершенно искренним выражением мнения. Для среднестатистического магометанина этого периода падишах был существом, выделенным Небом для исполнения указов Пророка.

Посол, вернувшись к своему господину, должен был гордиться им, ведь он так хорошо выполнил свою миссию, что привез с собой в Алжир не только милостивое послание, но и знаки отличия санджака, скимитара и тамбура, пожалованные этому верному мусульманину Хейред-дину Барбароссе, который, по словам падишаха, "отказавшись от бесплодной независимости, искал во всех кровавых опасностях своей жизни только славы Бога и Его Пророка" Для нас эта гипербола, обращенная к пирату, кажется просто смешной, но в те дни фанатизма убеждения людей, как христиан, так и мусульман, были чем-то таким, что мы не в состоянии осознать. С обеих сторон путь спасения был путем завоевания, и человек,

который был еретиком в той вере, которую вы исповедовали, был прав, если вы могли вычеркнуть его и его самого из числа прихожан.

Корсару было полезно завести как можно больше друзей, ведь среди своих врагов он числил всех королей христианства; и, оглядываясь на его карьеру, кажется просто чудом, что он не был сокрушен не раз, а сотни раз. Но, как уже было сказано, корень истинной государственной мудрости был в Хейр-эд-дине. Он зорко следил за распрями великих королей на европейском континенте; он видел, как его соперник на море, величайший из христианских мореплавателей Андреа Дориа, генуэзский адмирал, передал свое подданство от французского короля Франциска I. Он заметил и использовал в своих интересах вечные распри между Генуэзской и Венецианской республиками, и все это время был в курсе дел морских волков, которые кишели у берегов Африки и таились в каждой бухте и гавани Ионического моря. "Во всех кровавых опасностях своей жизни, - вновь цитируя слова Великого Турка, - он мог, в конце концов, в большей или меньшей степени полагаться на корсаров, независимо от того, плавали ли они якобы под его знаменем или нет, поскольку в случае опасности какое имя было столь мощным, как имя Барбароссы, которое, как утверждали его последователи, стоило десяти тысяч человек, когда его выкрикивали в день битвы!"

Самое необычное в жизни Хейр-эд-Дина - это постоянная опасность и напряжение, в которых она протекала. То и дело тяжелые грозные тучи собирались вокруг его головы; упорно и непрерывно враги пытались уничтожить его власть, захватить личность этого воинственного разбойника, бросившего дерзкий вызов всему христианству. Бури то собирались, то разражались с различными последствиями, которые то отправляли корсара в бегство, то вновь видели его победителем. Но никакие поражения не могли умерить его пыл или ослабить желание восстать, подобно злосчастному фениксу, из пепла поражения, чтобы растревожить души тех, кто считал себя величайшими людьми на земле.

Вскоре после смерти его брата Уруджа разразилась буря, предвещавшая, что не только Хейр-эд-Дин, но и все корсары североафриканского побережья вырвутся из своих крепостей, ибо император Карл V, в это время молодой, пылкий и воодушевленный, отдал приказ об их уничтожении. Эти разбойники нарушали покой Европы; более того, они оскорбляли величество императора, и Карл рассматривал их постоянные набеги как оскорбление своего личного достоинства. Божественность, которой был огражден такой монарх, как внук "Католических Реев", Фердинанда и Изабеллы, была очень реальной вещью, и, если ее оскорбить, она могла найти конкретное выражение в самой энергичной форме. Карл, раздосадованный необходимостью наказывать банду разбойников, решил покончить с ними раз и навсегда. Дону Уго де Монкада, вице-королю Сицилии, дону Перисану де Рибера в Бужи, маркизу де Комаресу в Оран были отправлены приказы готовить свои силы к нападению на Алжир.

Христианские принцы, дворяне и губернаторы не испытывали недостатка в доброй воле. Испанские ветераны на Сицилии ржавели от нехватки работы, левиты на африканском побережье были рады любой войне, лишь бы отвлечься от смертельной монотонности своей жизни. Солдат в эти дни, который слишком долго отдыхал от своего оружия, со временем становился практически бесполезным для той цели, ради которой он существовал; но такие правители, как Карл V., давали своим бойцам мало поводов для жалоб в связи с отсутствием работы. Папа прислал свое благословение и контингент, и, чтобы показать, насколько серьезными были намерения императора, который лично принял командование, приведем общий состав экспедиции, которая должна была полностью уничтожить и искоренить корсаров и их предводителя:

ФЛОТ.		ПАРУСНЫЕ КОРАБЛИ.	
Галеры Папы	4	Мальтийский фрегат	1
"Мальтийский корабль	4	Дивизия Специя	100
"Сицилия	4	"Фернандо Гонзага	150
"Антония Дориа	6	"Испании	200
"Неаполь	5		
"Монако	2		
" маркиза Терра Нова	2		
" Викома де Сигала	2		
"Фернандо де Гонзага	7		
" Испании	15		
" Андреа Дориа	14		
Всего галер	65	Всего транспортов	451
Добавить транспорты	451		
Итого флот	516		

Теперь мы переходим к военной стороне экспедиции, которая состояла из:

Дворец императора	200
Дворянство	150
Мальтийские рыцари	150
Слуги	400
Германский корпус	6,000
Итальянцы	5,000
Испанцы из Неаполя и Сицилии	6,000
Солдаты из Испании	400
Искатели приключений	3,000
Итальянская кавалерия	1,000
Испанская кавалерия из Сицилии	400
Легкая кавалерия	700
Общая численность армии	23,900

Далее мы переходим к вооружению флота:

Солдаты галер (по 50 в каждой)	3,250
Рабы галер (в среднем 70 человек в каждой)	4,500

"Фрегат Мальта	80
540 парусных кораблей всех видов, в основном небольших (в среднем по 10)	4,500
Общая численность <i>личного состава</i> флота	12,330
Добавить армию	28,900
Общий <i>личный состав</i> экспедиции.	36,230 человек.

Когда экспедиция наконец отплыла, была уже поздняя осень, а властный нрав Карла был таков, что он отказался прислушаться к советам опытных мореплавателей, таких как Андреа и Антоний Дория, и других, которые опасались последствий штормов, с которыми армада могла столкнуться на побережье Африки. Императора было не переубедить, и флот отплыл. Они прибыли, говорит Сандоваль, "в день Сан-Иеронимо", день святого Варфоломея; и тут поднялся такой шторм, какой редко бывает в Средиземном море. Часть армии высадилась на берег, часть еще оставалась на плаву, корсары расправились с незадачливыми солдатами на берегу, стихия уничтожила многих, оставшихся на кораблях: 26 кораблей и 4 000 человек были потеряны.

Убитый горем, Карл, который лично проявил доблесть и необычное поведение в этой катастрофической экспедиции, вернулся в Европу, чтобы обратить внимание на свои вечные распри с королем Франции. Тем временем дон Уго де Монкада с остатками своих сил бежал в Ивису на Балеарских островах, где перезимовал, и где его люди взбунтовались, потому что он не смог им заплатить.

Как в лагерях христианства царило уныние, доходящее до отчаяния, так и в палатках и на борту галер, над которыми развевался мусульманский флаг, царило всеобщее ликование. Неважно, что именно стихия спасла Хейр-эд-Дин от уничтожения, - разве это не повод для ликования, ведь не сам Пророк Божий пришел на помощь тем, кто отстаивал его священный штандарт? Разве не проявилась его благосклонность в том, что он послал вести своих сторонников к победе такого человека, как Кбейр-эд-Дин Барбаросса?

Папа и император, король, герцог и наместник пытались договориться с пиратами, и их флот и армия растаяли, как тает туман под лучами жаркого солнца на Средиземном море; воистину потомки лишенных собственности мавров из Котдобы и Гранады страшно мстили тем, у кого они были отняты.

Барбаросса был не из тех, кто позволяет траве расти у себя под ногами; христиане были в бегах, и он намеревался в полной мере воспользоваться этим приятным обстоятельством. Поэтому он отправил доверенного лейтенанта, некоего Хасана, с инструкцией преследовать побережье Валентии, огнем и мечом разорять все несчастные города и деревни, до которых он сможет добраться. Этот корсар вошел в Рио-де-Ампада и уничтожил все на своем пути; жители разбежались, как только беглецы разнесли весть, и красные отблески деревень, пылающих в ночи до небес. Насытившись кровью, нагруженный добычей и множеством несчастных пленников, Хасан вновь с триумфом вышел в море.

Здесь можно упомянуть о том, какой страшный урон нанесло пиратское братство в Средиземноморье, и о том, как оно проявилось в несколько удивительной форме совсем недавно. После оккупации французами Туниса им было предъявлено обвинение в том, что они отобрали у коренных жителей страны плодородные земли, лежащие на берегах моря, и отдали их французским подданным. Дело в том, что на протяжении столетий эти земли не

возделывались, поскольку до полного подавления пиратства в Средиземноморье никто не осмеливался селиться на расстоянии набега от моря из страха быть уведенным в рабство.

Но вернемся к Хасану. Этот воин, обогнув испанское побережье, ночью разлучился с тремя своими спутниками. На следующий день, на рассвете, он увидел испанское парусное судно, которое, по его мнению, могло стать легким призом. Ветер был слабый, и галеры, то есть та, на которой находился Хасан, и его оставшиеся товарищи, вскоре уже бороздили воды в погоне за ним так быстро, как только могли нести их весла. Хасан рассчитывал на легкую поимку, поскольку был уверен, что это всего лишь мирный торговец, которому предстоит перерезать несколько глоток. Однако он сильно просчитался, поскольку на борту корабля находилась рота испанской пехоты, не знающая поражений, которой умело командовал капитан Робейра, поседевший в мавританских войнах. С пронзительными криками галеры пронеслись рядом с ними, и на высоких полуютах и форштевнях их кораблей собрались бойцы. За высокими фальшбортами "круглого корабля" (так называли тогдашние парусные суда, чтобы отличить их от длинных кораблей, или галер) сидели испанцы с мушкетами в руках. Капитан Робейра прекрасно владел ими, и ни один мушкет не был разряжен, пока клювы галеры не врезались в ее борта.

Тогда Робейра отдал приказ открыть огонь, и с короткой дистанции по скоплению людей залп был ужасен. Совершенно удивленные, корсары попытались взять корабль на abordаж, но были отбиты и отброшены назад с еще большей резней. Его люди были деморализованы, и Хасан отступил под яростные насмешки испанцев, которым удалось спастись почти невредимыми. Огорченные и разгневанные, корсары продолжали плавание еще три дня, по истечении которых они прибыли в Алжир. Хасан, получивший довольно значительную добычу, ожидал теплого приема; он его получил, но не в том виде, в каком ожидал. Он рассказал свою историю Хейр-эд-Дину, и тот принял ее в хмуром молчании; когда он закончил, разразилась буря.

"О жалкий трус! Осмеливаешься ли ты стоять в моем присутствии и признаться, что тебя, как собаку, выпороли эти сыны сожженных отцов, испанцы?"

Жалкий Хасан попытался оправдаться, ссылаясь на добычу, которая ему досталась, и на количество пленников, с которыми он вернулся; но это не успокоило гнев Барбароссы, а только усугубило его.

"Ублюдок и раб! Ты хвастаешься тем, что разрушил беззащитные деревни и привел множество пленных, но это ничего тебе не даст. Ты не получишь от этого никакой пользы. Пусть пленников приведут ко мне".

Так и было сделано, и, к ужасу даже тех закаленных кровью людей, которые последовали за Барбароссой, все они были казнены. Но даже эта массовая расправа не утихомирила гнев корсара. Стоя и обзревая дымящиеся ошметки, которые окрашивали воздух, он свирепо дергал себя за рыжую бороду и приказывал бить Хасана до крови; когда это было сделано тщательно и к удовлетворению деспота, он отдал приказ заковать его в цепи и бросить в крепостную тюрьму.

В Алжире царил ужас. Никто не знал, когда наступит его черед после этого ужасного примера того, что значит навлечь на себя гнев Барбароссы. Корсар отдал приказ казнить Веналькади, который, как помнится, был с Уруджем, когда того настигла смерть; но Веналькади был популярен среди пиратов, и они потворствовали его побегу.

Для такого хладнокровного и политичного человека, как Хейр-эд-Дин, эта вспышка совершенно необъяснима. Если судить по нашим меркам, порка Хасана была не только жестокой, но и глупой, поскольку он взрастил себе самых лютых врагов посреди своих собственных последователей; и все же жестокость была настолько укоренившейся в этом человеке, что он никогда не отказывался от мести. То, что ему удалось избежать убийства в ту эпоху, когда он жил, - это чудо, и единственным объяснением может быть то, что люди слишком сильно боялись его, чтобы предпринять такую попытку.

Непосредственным результатом порки Хасана и попытки убийства Веналькади стало то, что последний собрал сторонников и начал войну с Хейр-эд-Дином, который, проявив невероятную глупость, освободил Хасана и отправил его с пятью сотнями человек сражаться против Веналькади. Результат оказался таким, как и следовало ожидать: Хасан объединил силы с Веналькади, вместе они напали на тирана и изгнали его из крепости.

У Хейр-эд-Дина было одно высшее достоинство - он никогда не знал, когда его победили. Изгнанный с берега, он всегда мог укрыться в море; так и в этот раз он посадил на корабль свою семью и все свои богатства, которые мог унести, и снова вышел в море. "Yendo a buscar nuevos asientos y nuevos amigos" (в поисках нового дома и новых друзей), - говорит Сандоваль.

Для корсаров было хорошо, что христиане выбрали для нападения предыдущий год, поскольку, если бы они напали на них, когда Барбаросса уже не был у власти в Алжире, а пираты воевали между собой, последние были бы стерты с лица земли. Воевать с Хейр-эд-Дином было плохо, независимо от того, исповедуешь ли ты религию Христа или Магомета, и в этом очень скоро убедились мятежные корсары. Барбаросса уплыл из Алжира преследуемым беглецом, чтобы вернуться вновь завоевателем.

Лишенный властитель Алжира отправился на восток и очень скоро обнаружил то, что искал - союзников для помощи против восставших веналкади и непокорного Хасана. Затаившись в окрестностях Бизерты, он обнаружил Эль Иудео (Еврея), Качидиабло (Охоту на дьявола), Салаэрреса, Табаса и других корсаров, которые в совокупности составляли грозную силу. Все они были старыми знакомыми и старыми последователями Хейр-эд-Дина, и им он поведал печальные истории о трусости Веналкади, которого он обвинил в том, что тот бросил своего брата Уруджа в тяжелейшей ситуации, став причиной его смерти; о мерзком поведении Хасана, который отвернулся и укусил руку, которая его кормила. Со слезами на глазах этот опытный актер нехотя поведал о подлой неблагодарности, которой он был удостоен; он так сумел подействовать на чувства своих слушателей, что они все до единого поклялись поддержать его и заменить на посту правителя Алжира, из которого его изгнали люди, чье позорное вероломство было равносильно их неблагодарности.

Набрав сорок парусов, они отправились мстить за обиды кроткого и многострадального Хейр-эд-Дина, этого мастера ремесла во всех смыслах этого слова. Достигнув Алжира, они высадили артиллерию и запасы и начали форменную атаку; но Веналькади, чьи силы были равны, а фактически даже немного превосходили силы его противников, сделал вылазку, и бой завязался на открытой местности. Завязалась кровопролитная битва, в которой силы Хейр-эд-Дина потерпели решительное поражение. В течение длительного времени его судьба висела на волоске. Затем произошло одно из тех необычных и удивительных событий, которые возможны только в эпоху анархии и кровопролития. В обозе Барбароссы находилось шестьдесят испанских солдат, захваченных им в плен у дон Уго де Монкада. Корсар хорошо знал их ценность: лучших бойцов не было во всех христианских армиях. Поспешно созвав их,

он пообещал им свободу, если они сейчас же бросят свой жребий и помогут разгромить Веналькади.

Предложение было не сразу принято, и испанские ветераны, свежие и неустоимые, бросились в самое сердце битвы. Плечо к плечу и клинок к клинку в своей дисциплинированной доблести они прорвались через все сопротивление; они сражались не только за свободу, но и за жизнь, чтобы променять шумное заточение пиратской галеры на свободный воздух своих домов и своей страны. Вскоре солдаты Веналькади повернули и бежали обратно в город; день снова был за Хейр-эд-Дином. Еще четыре дня продержался Алжир, а затем предатель Веналькади отдал его в руки врагов. Ему тут же отрубили голову, насадили на шест и выставили на виду у гарнизона, которому пообещали жизнь при условии сдачи.

Город вновь распахнул свои ворота, и Барбаросса с триумфом вошел в них. Корсар сдержал свое слово по отношению к испанским пленникам и вернул им свободу. Он пошел еще дальше и щедро *одарил* тех, кто так хорошо сражался за него. Если ему можно приписать такое чувство, как благодарность, то он должен был испытывать его к стойким пехотинцам Монкады, ведь если бы не они, то именно его голова, а не голова Веналькади украшала бы столб. Испанцы разошлись по своим странам, то есть те из них, кто пожелал это сделать; но один Хамет, бискаец, заявил, что жизнь такого простого человека, как он, в его собственной стране настолько невыносима, что он хочет бросить свой жребий с Барбароссой. Его примеру последовали еще тридцать девять человек, отрекшихся от христианской веры и ставших ренегатами.

Те из гарнизона, кто остался в живых, с радостью вернулись к преданности своему бывшему хозяину. Эпизод с мятежом Веналькади и Хасана стал уроком не только для них: слава о нем разнеслась далеко по всему Средиземноморью. Кто теперь сможет противостоять Барбароссе? И по всему побережью безбрежного моря эхо с содроганием отвечало - кто?

С новым пополнением своих сил Хейред-дину не составило труда стать хозяином Туниса, и он отправил Качидиабло с семнадцатью галерами вновь обстреливать побережье Испании.

ГЛАВА VI

ВЗЯТИЕ ПЕНЬОН-Д'АЛЖЕРА; АНДРЕА ДОРИА

Хотя Хейр-эд-Дин стал хозяином Алжира, крепость Педро Наварро все еще оставалась в руках испанцев. Вот уже двадцать лет они практически безраздельно владели этим крепким военным городищем; с его обнесенных петлями стен и крепостных стен неустрашимый гарнизон взирал на происходящее, пока по суше и по морю проносились военные потоки. До сих пор их не трогали, но теперь должен был наступить их день.

Командовал Пеньон-д'Альгер, как называли его испанцы, доблестный и опытный кавалерист по имени Мартин де Варгас. Двадцать лет, как мы уже говорили, золотисто-пунцовое знамя Испании развевалось над его зубчатыми бастионами; со времен Педро Наварро оно держало оборону от всех желающих. Должно быть, Мартин де Варгас и его храбрый гарнизон

с замиранием сердца смотрели, как город вновь переходит в руки Хейр-эд-Дина; они, как и все жители Средиземноморья и его побережья, знали о непримиримой вражде корсара к христианам и о том, как недолго им осталось, если они попадут в его руки.

Со своей стороны Хейр-эд-Дин с тоской смотрел на этот остаток власти Испании в Африке. Если бы он только смог сместить Мартина де Варгаса, то вся Северная Африка была бы практически в его распоряжении; тогда Алжир стал бы действительно его, чтобы навсегда укрепиться против набегов врагов. Он был хозяином на суше и на море, время было благоприятным; корсар решил, что час настал. Он видел, как был отбит его брат Урудж, и никто лучше него не знал нрава людей, удерживавших Пеньон, доблести и непоколебимой верности этого испанского кабальеро Мартина де Варгаса. Он попытался склонить этого офицера к сдаче, предлагая испанскому командиру все возможные условия. Он получил надменный отказ, облеченный в самые презрительные выражения. Он попробовал применить самые кровавые угрозы, которые, как хорошо знал его противник, не были пустыми угрозами: они были приняты молча.

Он попытался отправить еще одно посольство, на что получил следующий ответ:

"Я происхожу из рода де Варгасов, но в моем доме никогда не было принято хвастаться славой своего давнего происхождения: они исповедовали лишь подражание героизму своих предков. Побуждаемый этим достойным желанием, я спокойно ожидаю всех ваших усилий и с оружием в руках докажу вам, что я верен своему Богу, своей стране и своему королю".

АНДРЕА ДОРИА, ПРИНЦ ОНЕГЛИЙСКИЙ, АДМИРАЛ КАРЛА V.

Барбаросса вызвал к себе во дворец своего родственника и верного сторонника Челеби Рабадана, и они решили, что ничего не могут сделать, кроме как взяться за оружие против этого самого наглого и бескомпромиссного воина. Тем временем они попробуют применить ремесло; и вот в Пеньон были введены два молодых мавра под предлогом, что они увидели ошибочность своих путей и желают принять христианскую религию. Мартин де Варгас, как и все испанские кабальеро, был ярым прозелитом, и он приказал отвести двух молодых людей в свой дом и наставлять их под руководством капеллана гарнизона. На следующий день был день Пасхи, и двое молодых мавров, пока весь гарнизон был на мессе, подали своим единоверцам заранее условленный знак, означающий, что настало время нападать. К несчастью для них, их увидела женщина, работавшая у де Варгаса, и они были немедленно повешены на крепостной стене на виду у Барбароссы. Этот правитель пришел в ярость от

того, что посчитал оскорблением магометанской религии, и снова посоветовался с Челеби о целесообразности нового штурма. Правда, сказал он, что его посланцев повесили, но они подали заранее оговоренный сигнал. Но стены вряд ли были достаточно пробиты, подумал он, а его люди были крайне удручены неудачным исходом предыдущих попыток. Считал ли Селеби Рабадан желательной еще одну попытку?

Этот человек находился в недоумении, поскольку не мог понять, что именно Барбаросса хочет от него услышать. Он знал, что если он порекомендует штурм и тот снова окажется безуспешным, то вся ярость тирана обрушится на его голову; в то же время он почти в равной степени боялся высказать мысль, которая уже некоторое время была распространена в Алжире, что Мартин де Варгас, несомненно, находится в союзе с Шайтаном, иначе он никогда не смог бы продержаться так, как он это сделал. В результате он медлил и колебался, а Барбаросса дергал за свою знаменитую рыжую бороду и смотрел на него, нахмутив брови.

Ситуацию для Селеби Рабадана спасла случайность. На корабль приплыл предатель из испанского гарнизона, и этот человек сообщил, что его товарищи по несчастью находятся на последнем издыхании, боеприпасы почти исчерпаны, а запасов продовольствия едва хватит на два дня.

"К такому концу приходят те, кто отрицает Пророка Божьего", - воскликнул Барбаросса и отдал приказ сообщить эту новость всем своим людям, которые должны были готовиться к последнему штурму на следующий день. Кроме того, он предложил награду за захват Мартина де Варгаса живым.

16 мая 1530 года корсары вновь пошли на штурм. К этому времени стены были избиты до тех пор, пока не образовалась пробоина, в которую устремились тринадцать сотен самых жестоких бойцов Средиземноморья. В проломе, с обнаженной головой, в изрезанных доспехах, стоял неустрашимый вождь испанцев: над его головой развевалось гордое знамя, которое никогда не бросало свою тень на более достойного рыцаря Испании. Гарнизон, измотанный лишениями и голодом, большинство из них были ранены, и все они были измождены, не мог противостоять этому, самому грозному нападению, которому они подверглись. Все было кончено в очень короткий срок, и последовала ужасная резня.

Мартин де Варгас, хотя и был тяжело ранен, был взят живым и доставлен в присутствие Барбароссы. Раненый, потрясенный, в синяках, крепость в руках врага, предсмертные крики убитого гарнизона все еще звучат в его ушах, но удивительный дух этого человека был все еще совершенно непокорен. "Своим триумфом, - сказал он своему похитителю, - ты обязан измене негодяя, а не своей доблести: если бы я получил хоть малейшую помощь, я все равно смог бы отбить и удержать тебя на расстоянии. Мое искалеченное и изуродованное тело находится в вашем распоряжении, и я надеюсь, что вы довольны. Но мое тело привыкло к боли, и поэтому я бросаю вызов вам и вашей подлой жестокости".

К чести Барбароссы, он восхитился непоколебимым духом своего пленника и ответил:

"Ничего не бойся, де Варгас, я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить твои страдания, если ты сделаешь то, о чем я тебя прошу".

Де Варгас ответил:

"В подтверждение вашей веры я требую наказать предателя, благодаря информации которого вы смогли взять цитадель".

Барбаросса приказал привести солдата к ним и, избив его почти до смерти, обезглавил. Затем он преподнес голову де Варгасу, сказав:

"Вы видите мою любезность. Теперь я прошу вас принять магометанскую веру; тогда я осыплю вас благами и почестями и сделаю генерал-капитаном моей гвардии".

Де Варгас с негодованием посмотрел на него и ответил:

"Неужели ты веришь, что я, который только что требовал справедливого наказания человека, изменившего себе, могу опуститься до такого подлого поступка, как этот? Оставь себе свое незаконно нажитое богатство; передай свои достоинства другим; не оскорбляй так кабальеро Испании".

Наступила затаенная пауза. Никто еще не обращался к Хейр-эд-Дину Барбароссе с подобными словами и не дожидаясь этого. Так не должно было быть и в этом случае.

"Вы и ваши доставили мне слишком много хлопот", - равнодушно ответил он. Он сделал знак палачу, обезглавившему солдата, и в следующее мгновение голова де Варгаса была снесена с его тела.

Остается надеяться, что галантный испанец закончил свою жизнь так, как было описано выше; однако летописцы расходятся во мнениях, и "Сеньор Дон Диего де Хаэдо, архиепископ Палермо и генерал-капитан Рейно де Сицилия при короле Фелипе, нашем сеньоре", утверждает, что Барбаросса держал де Варгаса в заточении три месяца, а затем избил его до смерти. Остается только искренне надеяться, что первый рассказ является правдивым; но Хаэдо был ближе ко времени происшествия и, поскольку он писал в правление Филиппа II, скорее всего, знал факты. Но как бы там ни было, испанскому господству на северном побережье Африки был положен конец, и с этого момента можно отсчитывать постоянное существование этих пиратских государств в этой части света.

Звезда Хейр-эд-Дина вновь стала восходящей. Он не только подавил зарождающийся мятеж Веналякади и лишил его жизни, но и укрепил свою власть взятием Пеньон-д'Алжера. Он отпраздновал это событие самым практичным образом: была прекращена беспорядочная резня гарнизона, пятьсот испанцев были взяты в плен живыми; им выпала тяжкая участь полностью снести башню Педро Наварро, которую они так галантно защищали, и использовать материал для строительства моста от Пеньона к берегу. Барбаросса твердо решил, что ни при каких обстоятельствах его враги не смогут захватить его город Алжир. Теперь он был государем фактически и на деле и относился даже к такому могущественному монарху, как Карл V, со сравнительным спокойствием. Ужасен был гнев последнего, когда до него дошли вести о падении Пеньона, расправе над гарнизоном и гибели его верного слуги де Варгаса. Казалось, "Морские волки" существуют только для того, чтобы досаждают ему, и это последнее известие пришло как раз в один из самых благополучных периодов его карьеры.

Титулы "Карлоса Кинто", записанные Сандовалем, звучали как раскаты могучего барабана. Эти титулы не были пустым бахвальством, как это часто случалось в то время среди мелких правителей земли. 22 февраля 1580 года, незадолго до падения Пеньона, он возложил на свою голову железную корону Ломбардии; его наместники правили в Неаполе и Сицилии, его герцоги и феодалы - во Флоренции и Ферраре, в Мантуе и Милане; Италии больше не существовало. Все эти недавние приобретения стали возможны благодаря переходу Андреа Дориа, генуэзского моряка, от Франциска I. из Франции на сторону императора. Отныне Барбаросса должен был сражаться именно с этим современным Цезарем; монархом, под

знаменем которого выступали грозные шварц-рейтары Германии, за честь которого маршировала несравненная пехота Испании, за которого флоты доблестных генуэзцев шли в боевых порядках по приказу величайшего адмирала современности Андреа Дориа. Все эти дисциплинированные легионы христианства были направлены против короля-корсара; они объединились для уничтожения этого дерзкого пирата, чей флаг с наглым триумфом развевался над белыми стенами Алжира.

Поскольку с этого времени мы будем много слышать об Андреа Дориа, будет уместно рассказать об этом великом патриоте, великом солдате и еще более великом мореплавателе. Андреа Дориа, из рода князей Онелья, из Генуи, родился в Онелье 30 ноября 1468 года и был сыном Андреа Коэва и Марии Каракозы, оба из рода Дориа. После смерти матери юный Андреа, которому тогда было девятнадцать лет, был отправлен в Рим, где его родственник Доминик Дориа, представитель старшей ветви рода, был капитаном папской гвардии папы Иннокентия VIII. Здесь он быстро возвысился: благодаря своей необыкновенной сноровке во всех военных упражнениях, он был отмечен для получения преференций и, вероятно, сменил бы своего родственника на посту главного офицера, если бы не смерть Иннокентия VIII. Преемник Иннокентия, Александр VI, не был благосклонен к притязаниям дорийцев, поэтому молодой Андреа, действуя по совету Доминика, отправился ко двору герцога Урбино, который в то время считался лучшей школой для молодых дворян, желающих сделать военную карьеру. После некоторого времени, проведенного при дворе Урбино, Доминик посоветовал Андреа поступить на другую службу, поскольку принцу, который никогда не воюет, не светит слава. Поэтому Андреа поступил на службу к королю Арагона, который, захватив Неаполь, давал много работы всем желающим воинам.

В записях о его ранних годах мы находим, что в 1495 году он совершил путешествие в Иерусалим, чтобы посетить святыне, а затем вернулся в Италию, где Фердинанд Арагонский пытался вернуть Неаполитанское королевство. "Великий капитан" Гонсальво де Кордова воевал против родственника Дориа, Хуана Роверецо; этот полководец оказал большую услугу Дориа, вызволив Давида Дориа из заточения в Анконе, и Андреа решил встать с ним в один ряд. Вооружив за свой счет двадцать пять кавалеров, он присоединился к Роверецо, который поставил его во главе крепости Рокка-Гиллельма. В этом месте Андреа осадил Гонсальво де Кордова, первый воин эпохи; здесь он проявил столь выдающиеся способности к обороне, что по случаю перемирия Гонсальво призвал Андреа присоединиться к испанцам. Андреа ответил, что честь связывает его с Роверецо, но, если его освободят от договора с ним, он сможет рассмотреть предложение "Великого капитана". Роверецо отказался, но, поскольку Карл VIII сразу после этого эвакуировал Италию, Андреа был волен следовать своим собственным склонностям и поступил на службу к Лодовико Сфорца, герцогу Миланскому.

С этого времени и до 1503 года Андреа постоянно участвовал в войнах и приобрел такую репутацию, что в этом году Генуэзская республика попросила его принять командование над их флотом. От этого предложения он отказался, заявив, что ничего не смыслит в море. На него настаивали, говоря, что для человека с его гением нет ничего невозможного, и в конце концов он дал несколько неохотное согласие. Вскоре он доказал свою компетентность в новой сфере деятельности, поскольку его первым делом был захват форта Фонарь в окрестностях Генуи, который в то время удерживался французами для Людовика XII. Республика подтвердила его назначение на должность генерала галер с многочисленными комплиментами, и он вышел в море и захватил три военных галеры корсаров, а также два турецких корабля, груженных ценными товарами. Он оснастил галеры для своей службы, продал купцов и выручил огромную сумму денег.

Следующим его шагом была победа над корсаром Кадолином, у которого было восемь галер против шести у Дориа; их он добавил к своему флоту, который теперь состоял из четырнадцати судов, а начинал он с тремя. Поскольку Кадолин был одним из самых известных корсаров того времени, его захват произвел огромную сенсацию, и все люди, как мусульмане, так и христиане, спрашивали друг друга: "Кто был этот Дориа?".

С течением времени они получили ответ на этот вопрос в карьере этого удивительного воина, который в свое время сыграл столько ролей, служил под столькими флагами и все время оставался неизменным патриотом. Поскольку это не история Дориа, у нас нет места, чтобы проследить его жизнь шаг за шагом, как она была прожита; достаточно сказать, что, не одобряя правительство своей родной республики под властью семьи Адорно, Андреа предложил свой меч и свой флот королю Франции Франциску I. Его предложение было принято с радостью, и он был назначен генерал-капитаном галер Франции. В новом качестве он отправился к побережью Прованса, которое разорял флот Карла V. Он потопил несколько испанских судов, захватил другие и собрал достаточно добычи, чтобы заплатить своим солдатам и морякам, чему был очень рад Франциск, испытывавший отчаянную нехватку денег.

Однако в конце концов между Франциском и Дориа возник спор, который должен был иметь катастрофические последствия для короля. В это время Карл V был сюзереном Генуи, которую для него удерживали Адорно. Филиппин Дориа, племянник адмирала, встретился в море с Уго де Монкада у Салернского залива; завязалось сражение, в котором Филиппин одержал победу, а Монкада был убит. В числе прочих были захвачены маркиз де Гуасто и Камилл Колонна; этих высших офицеров вместе с тремя захваченными галерами Филиппин отправил к своему дяде в Геную.

Тем временем некоторые недовольные достигли французского двора и пожаловались королю, что Андреа Дориа не захватил Сицилию, что, по их словам, он мог бы легко сделать. Этих людей поддержало некоторое количество придворных, которые горько завидовали славе Дориа и тому уважению, которым он пользовался у Франциска. Монарх, которого легко было поколебать любой решительной и настойчивой атакой, решил взыскать штраф с жителей Генуи в наказание за беспечность их соотечественника, который был его генерал-капитаном галер; его аргументом было то, что они должны заплатить ему за грабеж, который Дориа упустил, не захватив Сицилию, когда он должен был это сделать.

Это было хуже, чем преступление, - это была ошибка первой величины, причем такая ошибка, которую мог совершить только очень глупый и очень самонадеянный человек. Дориа к тому времени был воином с европейской известностью, с которым даже короли обращались на языке убеждения; пытаться переубедить его означало навлечь на себя беду.

Франциск послал виконта де Тура в Геную, чтобы взыскать штраф, но виконт не преуспел в своей миссии. За пределами Генуи его встретил возмущенный адмирал верхом на коне во главе примерно пятидесяти генуэзских дворян и многочисленной роты пеших солдат. Де Тур сообщал, что имя и власть короля Франции подвергались насмешкам со стороны свирепого старого адмирала, который так встревожил самого посланника, что тот счел благоразумным удалиться во Флоренцию, откуда написал длинное письмо своему господину, жалуясь на прием, оказанный ему Дориа.

Однако эта попытка взыскать штраф с Генуи не была единственным смертельным ударом, который король Франции наносил по ней. Дети Франциска в это время находились в Мадриде в качестве заложников за хорошее поведение их отца, и этот монарх втайне заключил договор с Карлом о восстановлении в Италии *status quo ante bellum*, что привело

бы к передаче Генуи Антонию Адорно. Он также начал укрепление Савоны, чтобы оттуда нанести удар по Генуе - с военной точки зрения, если это будет необходимо, но в любом случае покалечить торговлю этого города. Андреа Дориа, как только ему стало известно об этом последнем действии Франциска, сразу же воспрянул духом и написал ему цитируемое ниже письмо, которое иллюстрирует тот факт, что он вполне осознавал свое огромное значение в Европе. Это было не то время, когда люди держали такие выражения, как Дориа в этом случае, если они не были очень уверены в себе и своих последователях.

"ВЕЛИКИЙ ПРИНЦ",

"Неправильно использовать власть, чтобы изменить порядок в человеческих делах. Генуя всегда была столицей Лигурии, и потомки с изумлением увидят, что Ваше Величество лишили ее этого преимущества без всякого благовидного предложения. Генуэзцы прекрасно понимают, насколько противоречат их интересам ваши проекты в отношении Савоны. Они умоляют вас отказаться от них и не жертвовать общим благом ради интересов нескольких придворных. Я беру на себя смелость присоединить свои молитвы к их молитвам и просить вас об этой милости в качестве платы за услуги, которые я оказал Франции. Если Ваше Величество будет к расходам, я присоединю к моей просьбе сумму в сорок тысяч золотых крон.

"С покорным долгом Андреа Дориа,
генерал-капитана галеасов Франции".

Теодор Тривульче, удерживавший Савону для короля Франции, получил от Дориа резкий ответ, что "народ Генуи никогда не потерпит захвата Савоны королем Франции, поскольку она с незапамятных времен принадлежала ему", и добавил: "Я сам пожертвую дружбой короля ради интересов моего отечества".

Однако последней каплей стало то, что маршал де Лотрек потребовал от Андреа пленных, взятых Филиппиной Дориа в Салерно. На это Дориа ответил резким отказом, после чего Франциск послал некоего Барбезье, чтобы тот заменил Дориа и завладел личностью адмирала-ветерана. Но этот моряк, которому уже исполнилось шестьдесят лет, не поддавался ни королю, ни солдату. Он перевел свои двенадцать галер из Генуи в Лерици, на восточном побережье залива Специя, а когда прибыл Барбезье, язвительно велел ему взять галеры. Барбезье повезло не больше, чем его предшественнику, виконту де Туру, и он, расстроенный и кипящий от гнева, удалился, чтобы доложить обо всем королю.

Говорят, что среди пленников Филиппина Дориа был маркиз де Гуасто. Этот дворянин был заинтересованным зрителем ссоры, а теперь подошел к Дориа, предлагая ему бросить свой жребий на стороне Карла. Адмирал, который все это время действовал в интересах своей родины, видя, что ее гибель приближается из-за амбиций Франциска, согласился и написал своему племяннику Филиппину, сообщив ему о своем решении и причинах, побудивших его к этому. Филиппин, таким образом, присоединился к своему дяде в Лерици со своими восемью галерами. Переговоры были короткими, острыми и решительными и велись через посредничество де Гуасто. Карл предложил адмиралу шестьдесят тысяч дукатов в год; это предложение было принято. Единственное условие, выдвинутое императором, было вполне естественным: все испанские галерные рабы во флоте Андреа должны быть освобождены, а их места заняты людьми других национальностей. На это, разумеется, согласились, и сделка была завершена. Отныне самая грозная морская сила христианской стороны находилась в распоряжении испанского короля.

Этот переход состоялся в 1528 году, и в том же году граждане Генуи, в знак признания беспримерных заслуг адмирала перед государством, избрали его вечным дожем.

Дориа отказался от этой чести, заявив, что более славно заслужить ее, чем обладать ею, и что, по его мнению, он может принести больше пользы своим согражданам, заручившись покровительством великих князей, чем оставаясь главным судьей в своей собственной стране.

Сенат Генуи, пораженный его благородной скромностью, провозгласил его отцом и освободителем своей страны, приказал воздвигнуть его статую на общественной площади, построить для него дворец за государственный счет и назвать его площадью Дориа; Кроме того, он и его потомство должны быть навечно освобождены от налогов, а на медной пластине должно быть выгравировано изображение, прикрепленное к стенам дворца, чтобы его могли видеть все люди, и сообщающее потомкам об услугах, которые этот великий человек оказал своим согражданам, чтобы навсегда остаться памятником их благодарности.

Летописец этих событий проводит параллель между Дорием и Фемистоклом, который, будучи недовольным афинянами, перешел в Персию и предложил свои услуги Ксерксу, к великой радости этого монарха, который воскликнул: "У меня есть Фемистокл, у меня есть Фемистокл".

ГЛАВА VII

АПОФЕОЗ КОРОЛЯ КОРСАРОВ

Если Карл V и не выказывал своей радости внешне, как персидский монарх, то, возможно, был не менее доволен, чем Ксеркс; это он показал своими действиями, а о том, какое значение он придавал услугам Дориа, свидетельствуют его указания. Он приказал губернаторам всех своих владений в Италии ничего не предпринимать без предварительной консультации с адмиралом; оказывать ему незамедлительную помощь, независимо от того, требует ли он ее от своего имени или от имени Генуэзской республики. Он сделал его адмиралиссимусом своего флота, имея право действовать по своему усмотрению, даже не советуясь с ним, своим императором. Как видно, Карл обладал достаточным величием, чтобы доверять всем сердцем, когда он доверял вообще; вера, которую он оказал генуэзскому моряку, была вполне оправдана событиями, и ни одно его действие за все время его необычайно драматичного правления не было столь выгодным для него. Когда в конце жизни Карл получил от папы императорскую корону и, вернувшись, зашел в Эгес-Мортес на галере Дориа, он встретился там с Франциском, который, в порыве доверия, посоветовал Цезарю никогда не расставаться со своим адмиралом.

На этой сцене, которая была голубыми водами безбрежного моря, мы с этого времени будем следить за судьбами двух великих морских капитанов - Андреа Дориа и Хейр-эд-Дина Барбароссы. С ними чередовались приливы и отливы завоеваний и поражений. Как бы ни был велик один из них, нельзя сказать, что он превосходил другого; но когда верховный суд был в руках обоих, как это было в морском сражении при Превезе, ни христианский адмирал, ни мусульманский корсар не протягивали руку и не хватались за крапиву своей судьбы.

Замедление в этот момент, когда в полноте времени соперники стояли лицом к лицу с оружием в руках, было последним, чего можно было ожидать от таких бесстрашных воинов, таких прирожденных лидеров людей! И битва при Превесе представляет собой психологическую проблему самого озадачивающего и недоуменного описания. Однако мы предвосхищаем события, которые по мере нашего продвижения будут выстраиваться в правильную последовательность.

Хейр-эд-Дин, прочно укрепившийся в Алжире, посвятил свои силы уничтожению своих христианских врагов путем систематического разграбления их торговых судов. В этот период он лично, похоже, оставался на берегу и посылал своих молодых и честлюбивых капитанов в море, чтобы увеличить свое богатство за счет грабежа, а его следствием были полчища рабов, которых они сгоняли в ужасные бани Алжира; и Сандоваль, этот причудливый и восхитительный историк, приходит в негодование и с особой яростью жалуется на "las malas obras que este corsario hizo a la Christiandad" (злые дела, совершенные христианству этим корсаром). В это время они в столь значительных масштабах, что ему пришлось уделить им гораздо больше места, чем он считал согласным с достоинством истории.

Но если на побережье Африки все шло хорошо для Полумесяца, то в северных водах Средиземного моря дело обстояло далеко не так; Андреа Дориа, служа Его Католическому Величеству на море, разбил турок при Патрах и снова в Дарданеллах, и этот неприятный факт вызвал немалое раздражение Солимана Великолепного. На суше султан сметал все на своем пути; на море этот вредный генуэзец затаскивал в рабство всех лучших мореплавателей, плававших под знаменем Пророка. В Константинополе царили гнев и страх, и капитаны галер, отплывавших от Золотого Рога, чувствовали, что их головы и тела могут в любой момент расстаться - Великий Турок был в дурном расположении духа, и в любой момент мог потребовать жертвенного умиротворения; поэтому люди трепетали.

Именно в это время, в 1533 году, Солиман вспомнил о Хейр-эд-Дине. Не было лучшего мореплавателя, не было более яростного бойца, не было человека, чье имя было бы так прославлено по всему Средиземноморью, чем имя короля корсаров, вассала Возвышенной Порты. Солиман столкнулся с новой, для него самого почти загадочной проблемой, ведь завоевательный шаг мусульманских войск был остановлен этой морской силой, столь мало понятной туркам, и властная воля султана, казалось, была бессильна предотвратить бедствия, вызванные из глубин.

СОЛИМАН ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ.

Солиман Великолепный, которого не зря называли так, ведь он был успешен и как воин, и как государственный деятель, долго и с тревогой размышлял над новым развитием событий, прежде чем решился на шаг - призвать к себе на помощь короля корсаров. Но он обладал тем самым главным атрибутом величия правителя - умением распознать человека, подходящего для той или иной должности. Храбрые и безрассудные бойцы имелись у него в

избытке, но почему-то ни один из этих пылких воинов не обладал той привычкой к морю, которая позволила бы им выступить против такого мастера морского ремесла, как Андреа Дориа. Генуэзцы преследовали турецкие галеры с лица воды. Сам Константинополь был окружен морем; необходимо было, чтобы оружие христиан было сдержано на этом участке. Легко представить себе заботы турецкого монарха. Деспот правит силой, но он также удерживает свою власть с помощью адреса, с которым она используется, и он ни в коем случае не может позволить себе пренебречь личной популярностью, если хочет наилучшим образом использовать своих бойцов в такую беспокойную эпоху, какой была первая половина шестнадцатого века. Солиману хватило ума понять, что у него нет моряка, который мог бы сравниться с Дориа; он также знал, что Хейр-эд-Дин поднялся из ничего до своего нынешнего положения благодаря своим способностям моряка. Поэтому вполне естественно, что он пригласил к сотрудничеству короля Алжира, но ему пришлось считаться с яростной ревностью, которую такое назначение неизбежно должно было вызвать среди его собственных подданных.

Многое говорит о непоколебимом моральном мужестве этого человека, что в конце концов он решил рискнуть; еще больше говорит об абсолютной правильности его суждений то, что впоследствии он никогда не раскаивался в сделанном шаге.

Как только Великий Турок принял решение, он больше не колебался. Капитан де Родас, один из его личной гвардии, был послан к Барбароссе с просьбой приехать в Константинополь и принять командование османским флотом. Никаких условий не ставилось, честь была превыше всего. Барбаросса нагрузил гонца богатыми подарками и осыпал его почестями. Для Хейр-эд-Дина это был в некотором смысле апофеоз его карьеры. Великий турок, глава магометанской религии, не только признал его царствование, но и оказал ему невиданную, нежданную и высочайшую честь для человека с таким ненасытным честолюбием. В холодном и хитром мозгу этого принца среди интриганов мгновенно зародилась мысль о том, что теперь, наконец, его королевство в безопасности, что в будущем все побережье Барбары не будет принадлежать другому повелителю, кроме него.

Немедленно начались приготовления к путешествию, и в знак нового значения, которое он приобрел благодаря успехам Солимана, корсар отправил подарки королю Франции и предложил ему свою помощь против его врагов. До такого состояния один из самых могущественных монархов христианства был низведен изменой Андреа Дориа. Алжир он оставил на попечение своего сына Хасана, а в подчинение Хасану передал своего родственника Селеби Рабадана и капитана по имени Аги. В середине августа 1533 года Барбаросса покинул Алжир, его флот состоял из семи галер и одиннадцати фуст. Плывая на север, он столкнулся с флотом, который, как он сначала опасался, принадлежал Дориа, но который, к счастью для него, оказался флотом корсара по имени Делизуфф из Лос-Гелуэса. Два лидера обменялись любезностями, и Барбароссе удалось убедить Делизуфа сопровождать его на Сицилию, где они могли столкнуться с Дориа и общими силами нанести поражение христианскому адмиралу. Делизуфф не хотел объединять свои силы с таким выдающимся полководцем, как Хейр-эд-Дин, поскольку не имел ни малейшего желания сражаться с Дориа в одиночку и в то же время желал расширить сферу своих грабежей, которая в последнее время была жестоко ограничена полезным страхом, внушенным морским волкам новым адмиралом Карла V.

Поэтому, усиленный пятнадцатью фустами и одной галерой Делизуфа, алжирский флот вновь отправился в плавание. Хотя по просьбе Солимана он направлялся в Константинополь, в то время, когда можно было подумать, что медлить не только опасно, но и невежливо, и хотя корсар старался слить пирата с королем, который на равных вел дела с теми, кого он теперь

считал своими братьями-монархами, все же старый инстинкт грабежа был слишком силен, чтобы ему сопротивляться; жажда наживы и жажда приключений все еще были присущи человеку, чья знаменитая борода теперь была гораздо более белой, чем рыжей. Преклонный возраст не укротил дух и не ослабил силу духа этого лидера мусульман.

Проплыв через пролив Бонифация, они достигли Монте-Кристо, небольшого острова, где нашли раба, ранее принадлежавшего Делизуфу. Этот человек оказался достаточно подлым, чтобы предать свой родной остров Биба в руки корсаров, которые основательно разграбили его и увели жителей; они также захватили тринадцать больших кораблей, шедших в Сицилию за пшеницей, и сожгли их, сделав рабами их экипажи. В бою с этими кораблями был убит Делизуф. Вскоре после этого, когда между экипажами кораблей Барбароссы и людьми из флота Делизуфа возникли разногласия, алжирский командующий схватил человека с одной из галер Делизуфа и приказал его расстрелять. Смерть Делизуфа, естественно, вызвала некоторое замешательство в его командовании, а бесцеремонные действия Хейр-эд-Дина вызвали сильное недовольство, не смешанное со страхом, поскольку ужас, внушаемый барбароссами, был вполне реальным чувством. Под их командованием ни один человек не знал, когда и в какой короткий срок от него не потребуют жизни; но вокруг них всегда витал ореол успеха, и они никогда не испытывали недостатка в последователях. Но захват и расстрел одного из их товарищей был слишком серьезным испытанием для пиратов с островов Лос-Гелуэс, откуда Делизуфф имел привычку "действовать". По словам Сандовалья, "они не привыкли к такой тирании и жестокому обращению". В результате они договорились между собой и однажды темной ночью отплыли, оставив Хейр-эд-Дина продолжать путешествие со своим прежним отрядом.

Этот воин, ничуть не смущаясь, продолжил свой путь к острову Занте, где столкнулся с турецкой "флотой" под командованием башасов Зая и Гимерала. В адрес этих офицеров Великого Турка Барбаросса использовал самые оскорбительные выражения, горько упрекая их в том, что они не разыскали и не уничтожили Андреа Дориа, что, по его мнению, они должны были и обязаны были сделать. Это еще один пример необыкновенного характера этого человека. Эти люди были высшими офицерами флота Османской империи; было более чем вероятно, что они перейдут под командование Барбароссы, как только его новая должность адмиралиссимуса будет утверждена в Константинополе; и все же, несмотря на эти факты, корсар воспользовался первой же представившейся возможностью, чтобы грубо оскорбить этих людей. Правда, как мы увидим, в будущем его обидные слова вернулись домой; но высокомерный, завоевательный, презрительный, Барбаросса, похоже, шел по жизни, не боясь никого и опасаясь всех.

Известная жестокость Барбароссы во многом объясняет тот ужас, который он внушал, но было нечто гораздо большее, чем это, что заставляло сына албанского ренегата ездить по всем, с кем он вступал в контакт. Люди, имея дело с Барбароссой, чувствовали, что перед ними скала, о которую они могут разбиться впустую. Во всех своих предприятиях он не щадил себя. Он не просил никого делать то, что не был готов сделать сам, но если кто-то подводил его, то не было пощады для этого человека; и хотя в угоду современной восприимчивости не упоминаются пытки, которым он так часто подвергал своих жертв, они были не менее ежедневным зрелищем для тех, кто жил под его властью. Правда, он обладал грубоватой приветливостью боевого человека, приветствуя старых товарищей в манере "Привет, дружище, хорошо встретил!", и все же не было ни одного человека, который не дрожал бы в агонии страха, когда кустистые брови склонялись, когда знаменитая рыжая борода щетинилась в одной из его неконтролируемых яростей. Настоящий секрет его успеха, должно быть, заключался в том, что, какими бы неуправляемыми ни казались его

страсти, он всегда оставался настоящим хозяином самого себя. Кроме того, он обладал удивительной проницательностью в том, что касается его собственных интересов. Он использовал в качестве инструментов тела и умы подчиненных ему людей и доводил свои замыслы до гарантированного успеха с помощью той проницательной, дальновидной силы ума, которой он, должно быть, был одарен прежде всего. Он мог управлять людьми, он мог вести их за собой, он мог неизменно убеждать, когда все остальное не помогало ему. В этом мы убедились, когда его прогнали из Алжира совместными усилиями Веналькади и Хасана, которых он выпорол; не успел он встретиться с другими корсарами, как уговорил их принять его ссору, которая, надо понимать, была не их, и заменить его на том шатком троне, с которого он был так грубо сброшен. Мы уже говорили, что он был человеком, который никогда не знал, когда его бьют, и в годы, которые нам еще предстоит описать, эта особенность проявилась вновь и вновь; ибо возраст, очевидно, не оказывал никакого влияния, ни умственного, ни физического, на этого железного человека, которому к тому времени исполнилось семьдесят семь лет.

Оставив высших офицеров своего будущего повелителя, Великого Турка, сокрушаться по поводу поношения, которое он обрушил на их головы, Барбаросса направился со своим флотом в Салоники, захватив по пути венецианскую галеру; оттуда он направился в Дарданеллы, где бросил якорь и простоял несколько дней, чтобы подготовить свой флот к эффектному вторжению, которое он намеревался совершить в Константинополь.

Город на Золотом Роге с нетерпением ждал прибытия Барбароссы; какие бы частные мнения ни были у жителей о нем, о которых мы еще услышим, все они были не менее любопытны, чтобы увидеть этого человека, столь известного своим злым превосходством на этом далеком берегу Северной Африки.

Хейр-эд-Дин, помимо прочих своих качеств, в высшей степени обладал способностями успешного режиссера; ни одно представление, за которое он брался, не могло провалиться из-за отсутствия ярких и драматических моментов. Теперь его задачей было внушить жителям Константинополя представление о своем величии, и никто лучше него не знал, что внешние и видимые признаки важны для восточных людей больше, чем внутренняя и духовная благодать: возможно, он также чувствовал, что не обладает последней в какой-либо подавляющей степени.

Еще до отплытия из Алжира этот въезд в главный город Османской империи был на уме у Барбароссы, который заказал на множество флагов и выпелов для украшения своих мрачных военных галер, когда они войдут в Золотой Рог. Были и музыкальные оркестры, которые, надо полагать, воспользовались задержкой в Дарданеллах, чтобы достичь чего-то вроде "согласия сладостных звуков", поскольку происшествия во время плавания из Алжира вряд ли позволяли выделить много времени для репетиций оркестра. Галеры были вычищены и нарядно раскрашены; вокруг корабля Хейр-эд-Дина по внешнему настилу протянулась широкая золотая полоса, обозначавшая присутствие короля Алжира, и наконец все было готово. Флот бросил якорь и с развевающимися знаменами и играющими оркестрами вошел в гавань. Берега были черны от зрителей; даже сам султан соизволил взглянуть на приход человека, от которого он ожидал столь великих свершений.

Церемониал был в порядке вещей. Солиман Великолепный был слишком мудрым человеком, чтобы не знать, о чем говорят в его столице в этот день; его задачей было приучить умы людей к тому, что он, Солиман, избрал Барбароссу командующим своим флотом и что пути назад уже не будет. Указ был подписан, приглашение отправлено, человек прибыл, и отступать было нельзя. Якоря бросили в спокойные воды недалеко от берега, и вскоре

корабли были так окружены лодками, что к ним почти невозможно было подойти; затем прибыли официальные лица от султана с приветствиями знаменитому моряку; также прибыли баши и офицеры ("con carga de guerra", говорит Сандоваль), чтобы выразить приветствие и нескрываемым любопытством посмотреть на человека, которого их государь выбрал для сражения со знаменитой Андреа Дориа. После этой предварительной любезности наступил следующий акт драмы, который заключался в подношении даров от Барбароссы к султану, от вассала к сюзерену, по вековому обычаю Востока. Янычары, великолепные в алом и золотом, ростом выше обычного человека, ошетилившиеся оружием, инкрустированным золотом и серебром, очищали улицы от простого люда, приближаясь к султанскому дворцу; они возглавляли процессию, расчищая путь королю Алжира, который, восседая на великолепном гнедом жеребце, подарке султана по его прибытии, возглавлял пленников, несущих дары. Точное число их не указано, но процессию возглавляли двести женщин и девушек, каждая из которых несла в руке подарок из золота или серебра; сто верблюдов были нагружены шелками и золотыми украшениями, а также другими "диловинными богатствами" ("con otras mil cosas de que hizo ostentacion"), говорит Сандовал. Там были также львы и другие животные, парча и богатые одежды.

Все это, несомненно, слишком напоминает сказки "Арабских ночей", но мы должны помнить, что, если вы прожили долгую и чрезвычайно успешную жизнь в качестве разбойника, вы обязательно накопили запас богатств. В случае с Барбароссой он начинал в юности, а теперь был уже стариком; он промышлял воровством оптом, а теперь хотел заплатить хорошую цену за то, чего жаждал, а именно за пост адмиралиссимуса при Великом Турке. На это могут возразить, что ему уже предлагали эту должность и он ее принял; это совершенно верно, но существовали определенные условности, которые должны были быть выполнены со стороны получателя щедрот султана, вполне понятные обеим сторонам, хотя об этом не было сказано ни слова. В те времена человек, желавший расположения восточного владыки, никогда не мечтал прийти к нему с пустыми руками, и чем либеральнее он был в вопросах подарков, тем с большей благосклонностью к нему относились. Поэтому принцип, которым руководствовался Хейр-эд-Дин в этом случае, был и мудрым, и политическим; то есть он поместил часть своих богатств в совершенно надежное вложение, которое принесет ему восхитительный процент не только в виде дополнительного личного престижа, но и в виде предоставления под его командование такой силы, какой он никогда прежде не командовал, с неограниченными возможностями нападения на ненавистных христиан в гораздо больших масштабах, чем это когда-либо удавалось ему раньше.

Султана Солимана не без оснований называли "Великолепным"; его жизнь была великолепна в своей социальной расточительности, как и в войне, и в государственной деятельности; но даже он был несколько поражен удивительным богатством даров, которые были положены к его ногам человеком, которого он знал, что тот, несмотря на царский титул, который он принял, был всего лишь морским разбойником. Поэтому, несмотря на себя, он был поражен. Правда, для него, в его блеске и великолепии, внутренняя ценность того, что принес ему Барбаросса, не имела большого значения; но тот факт, что корсар был в состоянии сделать это, открыл султану глаза на то, с каким человеком ему пришлось иметь дело. До сих пор он знал о нем лишь понаслышке, как о единственном мусульманском моряке, способном противостоять ужасному Дориа, который теперь стал чумой султанского существования. Теперь он знал, что человек, распоряжающийся такими невероятными богатствами, должен быть, независимо от его моральных качеств, человеком, который на голову и плечи превосходит любого командира османского флота, отплывающего из Золотого Рога.

И материально, и психологически этот человек несколько озадачил деспота: его *единомышленник*, великий визирь, находился в командировке в Алеппо, и у Солимана не было никого, с кем можно было бы посоветоваться в строго конфиденциальном порядке; ведь, как и подобает автократам, у него было мало знакомых, можно сказать, вообще никого, кроме упомянутого государственного деятеля. Однако его прием корсара не отличался радушием. Он расспрашивал о происшествиях во время плавания, любезно интересовался всем, что ему рассказывали об Африке и противоречивых притязаниях христиан и мусульман в этом регионе, и в целом был учтив со своим уважаемым гостем. Он предоставил в его распоряжение дворец и прислугу, соизмеримые с состоянием царствующего государя, и отправил своих самых выдающихся генералов для переговоров с Хейр-эд-дином. Последний впервые в жизни оказался не в своей тарелке. Вначале он вел жизнь моряка и солдата, а в последние годы - грубого и беспрекословного деспота на диком побережье, окруженного мирмидонами, для которых его голос был подобен голосу бога. Никогда прежде ему не выпадало жить в пределах такой сравнительной цивилизации, как та, что сложилась в Константинополе к этому времени; никогда прежде ему не приходилось сдерживать свой вспыльчивый и порывистый нрав и говорить со всеми людьми честно.

Напряжение должно было быть огромным, усилия - колоссальными, и он знал, как и должен был знать, что его приезд вызвал ревность и сердечные переживания, с которыми он не мог справиться обычным для него радикальным способом. Наступала зима, которая, как мы уже отмечали, была очень близким сезоном как для пирата, так и для честного торгового моряка. Поэтому шансов против врагов Солимана пока было немного. Когда представится такая возможность, он пообещал себе, что придворные и солдаты Великого турка очень скоро узнают, что слава Хейр-эд-Дина Барбароссы - не пустой звук и что во всех османских владениях нет моряка, с которым они могли бы сравнить "африканского пирата", как, по его мнению, его презрительно называли за спиной.

Более слабый человек был бы обескуражен окружающей обстановкой, явно недружелюбной атмосферой, в которой он жил, и страхом, что, возможно, в конце концов, Солиман может отказаться от своего слова. Он прекрасно знал, что нет недостатка в советниках, которые могли бы посоветовать султану погубить его, если бы монарх предоставил им такую возможность; и по мере того как шло время, его беспокойство росло. Солиман также не мог чувствовать себя особенно комфортно в этот момент: угрюмый дух овладел его людьми "*con carga de guerra*", горько возмущаясь предпринятым шагом и назначением, которое он сделал. Однако в настоящее время он не подавал никаких знаков, обращаясь к Хейр-эд-Дину с подчеркнутой вежливостью, но не делая никаких намеков на будущее. Солиман в это время напряженно размышлял над проблемой, сопоставляя непопулярность своего шага с теми услугами, которые мог оказать ему его странный гость. Так прошло несколько недель в Константинополе, вероятно, одних из самых тяжелых в необычайно затянувшейся жизни Хейр-эд-Дина.

ГЛАВА VIII

НАБЕГ НА ПОБЕРЕЖЬЕ ИТАЛИИ; ЮЛИЯ ГОНЗАГА

Великий турок произнес речь, назначение было сделано, Барбаросса прибыл; но хотя самодержцы могут заставить подчиниться своему мандату, они не в силах обуздать внутреннюю работу умов людей. Несмотря на благоговение, с которым относились к Солиману Великолепному, в столице ислама раздавался ропот недовольства. Сделать Барбароссу своим адмиралиссимусом султану посоветовал его великий визирь Ибрагим, который, как мы уже говорили, был его *единомышленником*. Этот великий человек поднялся с самого скромного положения - раба - до головокружительной высоты, которой он теперь достиг благодаря силе своего интеллекта и личности. Именно Великий визирь указал своему господину на недостаток османского флота: храбрых людей и отчаянных бойцов у него было предостаточно, но моряку, преодолевшему Золотой Рог и пробившемуся через архипелаг в открытое море, предстояло сразиться с силами, против которых простая доблесть была малоэффективна. Где-то там, за синей линией горизонта, ждала Андреа Дория; и если мусульманскому 124 моряку удастся вырваться из лап адмирала христианского императора, то разве не было тех других, рыцарей Мальты, которые под предводительством Вилье де Л'лсль-Адама бороздили безбрежное море в неустанной и беспощадной враждебности к каждому нефу, фусте и галере, шедшей под флагом пророка?

Дошло до того, что османский боец уже не хотел выходить в море. Он был все так же храбр, как и те удивительные фанатики семи столетий назад, которые во имя Бога и Его пророка Магомета сметали с пути ислама всякую оппозицию, завоевывали и прозелитировали так, как никогда до этого не было в мире. По призыву падишаха, во имя чести Пророка, сыны ислама были готовы идти в поход и сражаться, как и воины прежних халифов. Но они всегда были солдатами; привычка к морю была им не свойственна, и они обнаружили, что раз за разом такие морские предприятия, которые они предпринимали, разбивались о гений Дория или распадались на части от безрассудных, расчетливых нападений рыцарей. Так и получилось, что во флоте падишаха было мало сердца, а те, кто служил в нем, не слишком доверяли тем, кто ими руководил. Если воспользоваться метафорой с крикетного поля, настало время "остановить гниение", прислав действительно сильного игрока. Его нельзя было найти в рамках ортодоксального ислама, и он должен был быть привнесен извне.

Человек был найден; можно ли навязать его нежелающему и недовольному населению?

Кто, спрашивали в Константинополе, этот человек, призванный командовать кораблями османов на море? Они сами отвечали на свой вопрос и говорили, что это беззаконник, корсар: разве нет хороших моряков и доблестных воинов, таких как Баш-Зай и Гимерал, которым следовало бы отдать предпочтение перед ним; этот человек, пришедший с концов земли, о котором никто не знал ничего хорошего? И опять же, можно ли ему доверять? Кое-что из истории Барбароссы дошло до столицы Турции, и было известно, что братья не всегда скрупулезно соблюдали свои обязательства: кто может сказать, что он не утащит галеры Великого Турка в какую-нибудь мародерскую экспедицию, задуманную для собственного обогащения? Против него можно было выдвинуть и другие аргументы: он не только имел скверный характер, но и не был истинным мусульманом, ведь разве его отец не был простым отступником, и, что самое ужасное, разве его мать не была христианкой?

Вот такие разговоры ходили в ту пылающую осень в Константинополе. Естественно, нашлось немало людей, которые доносили на Хейр-эд-Дина, и этот проницательный человек вскоре принял решение о наиболее выгодном для него курсе. С полного согласия султана он покинул Константинополь и отправился в Алеппо, чтобы встретиться с Ибрагимом. Последний оказался хитрым и упорным. Удаленный от столицы, поток сплетен и недовольства доходил до него лишь из вторых рук; но его не остановили народные волнения, даже если бы он находился в их гуще. Никто лучше него не знал, кто и что такое Барбаросса; более того, можно с уверенностью утверждать, что никто в Константинополе не имел ничего похожего на знание этого человека и всего, что его касалось. Ибрагим не называл Барбароссу своим государем, не взвесив все "за" и "против", и то, что сейчас происходило в столице, было им полностью предвидено. Великому визирю было очень приятно, что Хейр-эд-Дин предпринял это долгое путешествие, чтобы повидаться с ним; не из-за нелепой идеи, что это акт почтения, обусловленный достоинством его положения - Ибрагим был слишком великим человеком для таких мелочей, - но потому, что это позволяло ему лично увидеть, что за человек был этот неустрашимый пират, на которого он полагался в победе над врагами Возвышенной Порты на море. Корсар, должно быть, произвел на великого визиря самое благоприятное впечатление, поскольку этот государственный деятель писал Солиману:

"Мы получили в свои руки настоящего человека моря. Назовите его без колебаний Баша, член Дивана, генерал-капитан флота".

Великий турок не собирался возвращаться к уже сделанному назначению, но ему было не менее приятно получить от своего визиря столь сильное одобрение своей политики, и теперь настало время заткнуть рты константинопольским ропотникам и скандалистам. Поэтому он официально отозвал Барбароссу из Алеппо, собственной рукой вручил ему меч и королевское знамя, наделил его полномочиями над всеми портами своих королевств, над всеми островами, находящимися под его юрисдикцией, командовал всеми кораблями, судами и галерами, а также всеми солдатами, матросами и рабами на них. Решение было принято, бывший корсар, сын ренегата Митилена и его жены-христианки отныне стал верховным главой османского флота.

Следующее описание знаменитого корсара может показаться интересным в данный момент.

Барбароссе в это время было семьдесят семь лет. Отважный и благоразумный, он был столь же дальновиден на войне, сколь и тонок в мире. Неутомимый труженик, он был, прежде всего, постоянен в переменах фортуны, ибо никакие трудности не пугали его, никакие опасности не могли унять его дух. Его румяная кожа, кустистые брови, знаменитая рыжая борода, теперь обильно покрытая белыми полосами, квадратный, мощный корпус, несколько склонный к тучности, а главное, пронзительные глаза придавали его облику некий ужас, перед которым трепетали мужчины и в ужасе шарахались женщины.

Все это хорошо сочеталось с его репутацией вождя, столь решительного, столь безжалостного, что его последователи хвастались, что само его имя, выкрикиваемое в бою, обращает в бегство христианские корабли. Его улыбка была тонкой и злобной, речь - изящной, и под грубой внешностью корсара скрывался тонкий человек, который из ничего стал королем Алжира, а теперь, по приглашению Солимана Великолепного, адмиралиссимусом османского флота.

Жюрьен де ла Гравьер может с полным правом сказать, что "в 1600 шестнадцатом веке даже пираты были великими людьми".

Утверждают, что Барбаросса был очень изящен в речи. Он не только был таким, но и обладал способностью обращаться к такому человеку, как Солиман, в выражениях, которые, деликатно льстя этому могущественному монарху, давали ему пример, которому он мог бы следовать в будущем при распоряжении такой властью, какой он обладал на море.

По возвращении из Алеппо Хейр-эд-Дин был принят султаном на аудиенции. Нас простят, если мы приведем длинную речь, с которой он обратился к своему новому повелителю, полностью; мы должны помнить, что человек, произнесший ее, был уже стариком, который всю свою жизнь был абсолютно свободен и беспрепятственен, никому не подчинялся, следовал своим собственным капризам и сметал со своего пути всех, кого находил достаточно смелым, чтобы не соглашаться с ним. То, что этот безжалостный деспот смог так изменить весь стиль и манеру своего обращения в столь поздний период жизни, лишь еще раз доказывает, какими чудесными дарами он обладал.

Корсар обратился к султану в следующих словах:

"Грозный государь, сама фортуна поставила в закон, что она будет сопутствовать вам во всех ваших предприятиях, потому что вы всегда готовы объявить войну врагам Магомета, пророка Божьего, да будет мир с ним. Вы расширили пределы своих обширных владений, вы победили и убили короля Венгрии, вы унизили Карла V., этого императора, с которым христиане смеют вас сравнивать. Таково было вознаграждение, полученное вами за чистое пламя, которым всегда горела ваша ревность к религии Магомета.

"Но эти успехи и эти триумфы не способны удовлетворить ту жажду славы, которой одушевлено ваше существо, и я смиренно желаю указать вам средство добыть новые лавры. Опыт научил меня этому, и я могу утверждать, не боясь быть обвиненным в тщеславии, что в этом вопросе я могу быть очень полезен Вашему Величеству".

"Что удача делала для меня в прошлом, то она будет делать и в будущем. Возраст не ослабил меня, постоянные упражнения только укрепили меня; поэтому я могу обещать вам самую готовую службу как на суше, так и на море. Желание преследовать христиан, которое всегда было моим, привело меня к мысли служить в вашей морской армии.

"Если Небо будет благосклонно к моим клятвам, то испанцы вскоре будут изгнаны из Африки; карфагеняне, мавры вскоре станут вашими покорными подданными; Сардиния, Корсика, Сицилия будут повиноваться вашей воле. Что касается Италии, то она скоро будет опустошена голодом, когда я нападу на нее с грозной силой, не опасаясь, что христианские князья придут ей на помощь".

"Магомет II, ваш прославленный дед, разработал проект завоевания этой страны; он бы преуспел, если бы не был унесен смертью. Если я советую вам, грозный государь, перенести войну в Европу и Африку, то это не значит, что я хочу, чтобы ваше оружие было обращено в Азии против персов, древних врагов османов. Мне нужна только ваша морская армия, которая не пригодится против персов. Пока вы будете завоевывать Азию, я буду покорять Африку. Первое предприятие, которое я предприму, будет направлено против Мулей Хасана, короля Туниса; он обладает всеми пороками и не имеет ни одной добродетели. Это человек гнусной алчности, беспримерной жестокости; он стал одиозен для всего человечества.

"У него было двадцать два брата, и все они были убиты по его приказу. Это общий недостаток тиранов: он не осмеливается поставить себя во главе своих войск. Он

предпочитает терпеть оскорбления, которые ему причиняют мавры, чем взять в руки оружие и отомстить им. У него хватило подлости заключить союз с испанцами и способствовать их завоеваниям в Африке. Мне будет тем легче истребить этого дикого зверя, что со мной его брат, который молил меня спасти его от жестокости Мулей Хасана.

"Когда я осажу Тунис, я представлю его жителям, которые любят его так же сильно, как ненавидят Мулей Хасана. Они откроют передо мной свои ворота, и я овладею городом, не потеряв ни одного человека: тогда хозяином станешь ты. По пути туда я причиню христианам все возможное зло; я постараюсь победить Андреа Дориа, который является моим личным врагом и соперником в славе: если мне удастся победить его, ваше величество будет владеть морской империей. Убедите меня, великий князь, и поверьте, что тот, кто владеет морем, очень скоро станет хозяином и на суше".

Трудно понять причины, побудившие Барбароссу обратиться к Солиману со своей ханжеской диатрибой о тунисском короле; исходящая от пирата, она была просто смехотворной и не могла ни на мгновение обмануть того, кому она была адресована. Корсар верно изложил факты, но причины, побудившие восточного самодержца избавиться от своей семьи подобным образом, были в то время настолько очевидны, что если Солиман и испытывал какие-то эмоции по поводу этого события, то, скорее всего, восхищение! Если рассматривать это событие с практической, а не сентиментальной стороны, то предложение сводилось к тому, чтобы Барбаросса напал на короля, с которым у Великого Турка не было никаких разногласий, и чтобы после того, как у него будет отнята территория, она была передана правителю Константинополя для большей славы Возвышенной Порты. Какие душевные оговорки были у корсара, нам неизвестно, но если бы Солиман знал его лучше, он бы понял, что Барбаросса никогда не таскал из огня жизни каштаны, которые не предназначались для его собственного употребления, и что в его годы было крайне маловероятно, чтобы он изменил привычкам своей долгой и напряженной карьеры.

Однако Хейр-эд-Дину было свойственно одно: он не был хвастуном или бахвалом, и, какими бы ни были его душевные оговорки во время беседы с султаном, то, что он заявил, что сделает, он сделал. И вот пришло время, когда старый мрачный морской волк покончил с интригами и непривычной атмосферой двора и вернулся в свою родную стихию - море.

Солиман, надо отдать ему должное, не был человеком, который занимается полумерами, и когда он однажды оказал свое доверие, то сделал это от всего сердца, щедро. В результате он предоставил Барбароссе восемьдесят галер, восемьсот янычар, восемь тысяч турецких солдат и восемьсот тысяч дукатов на расходы (около трехсот тысяч фунтов стерлингов на наши деньги). Все необходимые приготовления были проведены по приказу Барбароссы, которому было дано поручение делать все, что покажется ему наилучшим для укрепления славы его господина и посрамления его христианских врагов. Поручение, которое он получил, было практически тем же, что Карл V дал Дориа, самым лестным из всех, какие только могут быть доверены человеку, поскольку в его руках оставались вопросы мира и войны, обычно принадлежащие только государю.

Все начало лета 1534 года верфи и арсеналы Константинополя гудели от приготовлений; Ибрагим вернулся из Алеппо и душой и сердцем погрузился в эту деятельность, которая означала отплытие османского флота под командованием "этого истинного человека моря", Хейр-эд-Дина Барбароссы. Ропот, поднятый годом ранее, утих; корсар, наделенный самим султаном широкими полномочиями, теперь мог заявить о своей власти; к тому же более

благоразумные из недовольных были приведены великим визирем к мнению, что, поскольку до сих пор османский флот был явно неуспешен на море, следует использовать самого способного мусульманского моряка, к которому можно приложить руку. Что касается его морального облика, то это можно было не принимать во внимание, а что касается вопроса о его верности или наоборот, то Ибрагим с неотразимой логикой указал, что никогда прежде у Морского Волка не было таких славных возможностей для грабежа, как сейчас, когда он мог насчитать десять кораблей на каждый, который следовал за ним раньше.

В июле 1534 года османский флот покинул Константинополь, и Хейр-эд-Дин начал операции со спуска на Реджио, который он разграбил. 1 августа он прибыл к Мессинскому фаросу, где сжег несколько христианских кораблей и захватил их экипажи; затем он двинулся на север от Реджо к Неаполю, опустошая побережье и обезлюживая всю литораль, сжигая деревни, уничтожая корабли, обращая людей в рабство. Считается, что в ходе этой экспедиции он захватил одиннадцать тысяч христианских рабов. Пожалуй, нет ничего более удивительного во всей истории этой эпохи, чем количество рабов, захваченных корсарами, и проклятые жестокости, которым они подвергались; разумеется, христиане возвращали их с процентами, когда это было возможно. В качестве примера того, как обращались с рабами, достаточно упомянуть действия Барбароссы, когда он покинул Алжир в предыдущем году. В то время в его власти находилось семь тысяч христианских пленников; перед самым отъездом он выставил их всех перед собой и под предлогом раскрытия заговора, который ни при каких обстоятельствах не мог существовать из-за надзора за рабами, приказал обезглавить двадцать из них на месте, чтобы вселить ужас в остальных во время своего отсутствия.

В Золотой Рог возвращались корабль за кораблем, нагруженные добычей и рабами. "Настоящий человек моря" доказывал правильность выбора султана и дальновидность великого визиря, рекомендовавшего его назначение. Барбаросса был полон решимости ничего не упустить, чтобы доказать Солиману, что его выбор был действительно достойным, когда он выбрал его адмиралом своего флота: он также имел в виду тех, кто отзывался о нем свысока как об "африканском пирате"; они должны знать, на что способен этот пират, так же хорошо, как и их хозяин. На север устремилось опустошительное войско Барбароссы; прекрасные берега Италии дымились до небес, когда факелы корсаров поджигали деревни. Кровь и агония, пытки и отчаяние вечно следовали по пятам морских волков Средиземноморья. И вот теперь новая стая вырвалась на свободу, так как Барбаросса, конечно же, в чрезвычайно возросших силах вернулся на место своих былых триумфов.

Грабеж и рабы - все это хорошо и вполне приемлемо на берегах Золотого Рога, но у Хейр-эд-Дина в этом походе была своя цель: захватить Юлию Гонзага и подарить ее Солиману для его гарема. Дама, которой он предназначил эту приятную участь, по слухам, была самой прекрасной женщиной в Европе - подходящий подарок для такого человека, как Великий Турок. Слава о ее непревзойденной красоте дошла даже до корсаров. Она была вдовой Веспасиана Колонны, герцогини Траджетто и графини Фунди; она была вдовой с 1528 года и жила в Фунди, примерно в девяноста милях к северо-востоку от Неаполя. Барбаросса разработал свои планы с привычной для него точностью, и только благодаря случайности они сорвались.

В системе, при которой в рабство уводилось все население страны, было одно неоспоримое преимущество: если в какой-то момент в определенной точке побережья требовался проводник, он обязательно находился на одном из кораблей флота. Барбаросса не знал точно, где можно найти Юлию Гонзагу, поэтому он поручил своим капитанам найти нужного раба. Вскоре это было сделано, да и раб в данном случае не понадобился, поскольку один из

ренегатов Неаполя знал замок, в котором в то время проживала Юлия Гонзага, и с готовностью согласился выступить в качестве проводника экспедиции, отправленной для ее захвата. Для этого захвата Хейр-эд-Дин внезапно бросился вдоль побережья на самых быстрых галерах. В результате жители Неаполя и его окрестностей даже не подозревали, что пиратская эскадра находится на побережье, прежде чем они бросили якорь, насколько это было возможно, у резиденции герцогини Траджетто. Флот прибыл уже после наступления темноты, так как в течение дня держался в море и вне поля зрения.

Как только якоря были спущены, на берег высадился отряд из двух тысяч отборных людей, которые бесшумно и стремительно направились к замку Фунди. Спасение герцогини было поистине провидческим. Она уже легла спать, и свирепые мародеры оказались на территории замка прежде, чем ее растерянные люди узнали об их присутствии. Но, к счастью, некоторые из них не потеряли головы, к тому же так получилось, что ее спальня находилась в противоположной стороне замка от той, по которой приближались пираты. Под окно комнаты подвели лошадь, и Юлия Гонзага в ночном платье и накинутой на голову шали спустилась из окна на спину лошади. Когда она мчалась галопом по аллее своего дома, то слышала крики своих несчастных домочадцев, хладнокровно убитых разъяренными пиратами, которые таким образом лишились своей добычи.

Корсары жестоко отомстили. Они разграбили Фунди и сожгли город; они убили всех мужчин, на которых смогли наложить руки, а женщин и девушек унесли на флот.

Хейр-эд-Дин был вне себя от гнева и разочарования. "Что стоит весь этот хлам?" - требовал он с громогласной клятвой у командира неудачливых налетчиков, осматривая несчастных, дрожащих женщин и девушек. "Я послал тебя, чтобы ты принес жемчужину без цены, а ты возвращаешься с этим скотом".

Лишившись таким образом добычи, Барбаросса развернул свой флот на юг и запад и отплыл в Сардинию, где от пролива Бонифачо до мыса Спартивенто не оставил ни одного дома, который бы горел, ни одного человека в живых, который не был бы взят в плен. Нашествие корсаров в таком количестве, какое было в распоряжении Хейр-эд-Дина, было одним из самых ужасных бедствий для страны, какое только можно себе представить. Когда Сардиния перестала приносить добычу и рабов, флот отплыл в Тунис, куда прибыл 15 августа перед Бизертой. Прибытие корсаров было совершенно неожиданным и вызвало сильнейшее замешательство. История, которую Барбаросса рассказал султану Солиману о правящем короле Мулей Хасане, была верна во всех деталях, и нет никаких сомнений в том, что он был кровавым и жестоким тираном самого худшего пошиба.

Поэтому, когда хитрый Барбаросса отправился на берег и сообщил шейхам и улемам этого места, что он прибыл от имени главы магометанской религии, чтобы освободить их от этого чудовища, которым они были угнетены, и что он намерен посадить на трон брата Мулей Хасана, Рашида, и что он намерен посадить на трон брата Мулей Хасана, Рашида, который чудом избежал участи, постигшей всех остальных членов его дома, горожане были склонны выслушать его предложения и восхититься нарисованной им картиной мира и процветания, которые наступят, если на троне их страны окажется Рашид, а не Мулей Хасан. Из всего, что он делал в общении с этими людьми, следовало, что Рашид находится при нем и готов занять место своего непопулярного брата, как только тот будет свергнут справедливо возмущенным населением. Дело было в том, что Хейр-эд-Дин взял с собой в Константинополь беглого принца, думая использовать его, и что, когда он отплывал, Солиман категорически запретил ему удалять Рашида из своей столицы.

Совершенно обманутые, горожане разрешили высадку восьмисот янычар. Тиран, который, как сказал Барбаросса султану, был подлым трусом, не стал дожидаться дальнейшей демонстрации силы, а бессодержательно бежал вглубь города теми ценностями, которые смог унести. Как только об этом доложили Барбароссе, он высадился на берег и вошел в город, и тут горожане заметили, что все солдаты кричат о Солимане и Барбароссе. Тогда они потребовали, чтобы Рашид предстал перед ними в соответствии с обещанием, но, естественно, его не последовало. Те, кто прославлял солдат Солимана как освободителей, теперь начали вооружаться против них, и очень скоро они узнали от некоторых тунисцев, прибывших на флоте из Константинополя, что Рашид был оставлен в этом городе.

ГЛАВА IX

БАРСЕЛОНА, МАЙ 1535 ГОДА; СБОР ХРИСТИАНСКОГО ВОИНСТВА

Некоторое представление о том, какой ужас внушали действия морских волков в этот период, дает следующая выдержка из "Золотого века Возрождения" Ланчиани:

"Бастион дель Бельведер, возвышающийся в хмуром величии на северо-восточном конце Ватиканского сада и контролирующий подход к Борго со стороны верхней части долины Тибра, был начат Антонио де Сангулло младшим и закончен Микелем Анджели после смерти Антонио, которая произошла 30 сентября 1546 года. Это великое произведение военной инженерии следует рассматривать не само по себе, а как часть большой схемы обороны, задуманной Павлом III для защиты города от враждебного вторжения с моря. Папа не мог забыть, что в августе 1534 года флот неверных под командованием Барбароссы бросил якорь в устье Тибра, чтобы пополнить запасы воды, и что, если бы его предводитель считал нужным, они могли бы взять город штурмом, разграбить его и увести самого Папу в рабство без какой-либо возможности защиты со стороны христиан. Этот момент не был принят во внимание современными авторами; укрепления Рима, спроектированные или начатые или законченные во времена Павла III, не имеют ничего общего с разграблением 1527 года, с коннетаблем Бурбоном или императором Карлом V. Все бастионы, за исключением Бельведера, направлены к морскому побережью, которое постоянно тревожили и пугали турецкие или барбарийские пираты. Они появлялись с молниеносной быстротой сразу в нескольких местах и уносили с собой столько несчастных мужчин, женщин и детей, сколько могли собрать. Чтобы предотвратить повторение подобных бедствий, на морском побережье были установлены сторожевые башни, пушки которых могли предупреждать крестьян о приближении подозрительных судов".

О том, что Павел III имел все основания для принятия мер предосторожности, говорит не только тот факт, что Барбаросса бросил якорь в устье Тибра во время набега, о котором мы сейчас говорим, но и то, что произошло с его предшественником на папском престоле в 1516 году. Папа Лев, сын Лоренцо Великолепного, имел обыкновение покидать Рим осенью для охоты и морской рыбалки, которую он особенно любил. Одним из его любимых мест отдыха был замок Маглиана, расположенный в пяти милях от Рима, на берегу Тибра. 18 сентября

1516 года он покинул Рим и направился в Чивита-Лавинию, на Лаврентийском побережье. Здесь его поджидал корсар Куртогали, который, имея пятнадцать кораблей у берега и засаду на берегу, был готов унести его с собой. Предполагается, что Куртогали получил информацию о передвижениях Папы от некоего предателя при папском дворе, который желал гибели "рокового дома Медичи".

Кто-то, однако, предупредил Папу, который в сопровождении своей свиты помчался галопом в Рим, не снимая узды, пока не достиг безопасного уединения Ватикана.

Однако теперь мы должны вернуться к тому орлу, который так трепетал над голубятней, как христианской, так и мусульманской, и чья громко провозглашенная вера в Пророка никогда не позволяла его религии встать на неудобном пути его материального продвижения в мире. Солдаты и матросы корсара вошли в Бизерту с криками о Солимане и Барбароссе. О Рашиде, принце из династии Хафситов, которого Хейр-эд-Дин объявил горожанам, что пришел восстановить на троне своих предков, не было и речи. Слишком поздно город взялся за оружие под предводительством Абдахара и вначале добился значительного успеха. Люди Барбароссы оказались неподготовленными, и многие из них были убиты. Загнанные в бастион стены, корсары отчаянно защищались, когда некий Баэтио, испанский ренегат, обнаружил, что пушка позади них, направленная в сторону моря, заряжена. С помощью других ему удалось развернуть ее и выстрелить с близкого расстояния в скопление врагов. Это вызвало страшную деморализацию; корсары сплотились и вскоре смяли всех перед собой. Резня перекинулась с одной стороны на другую, и, как говорят, было убито не менее трех тысяч несчастных горожан. Барбаросса отозвал своих людей только тогда, когда они были измотаны резней.

Хейр-эд-Дин милостиво принял покорность горожан, то есть тех, кто остался, и взял на себя управление всем королевством в качестве наместника турецкого султана. Он отправил послов к соседним арабским и берберским вождям внутренних областей, отремонтировал укрепления, назначил магистратов - и все это якобы от имени того призрачного принца, которого тунисцам суждено было никогда не увидеть и который так и не вернулся в родную страну.

Король Алжира, *фактический* король Туниса, адмиралиссимус Солимана Великолепного, его имя было нарицательным в христианстве, его слава простиралась от Спартеля до Туниса и от берегов Франции до подножия Атласа, Хейр-эд-Дин Барбаросса находился на пике своего могущества. Никогда еще корсар не поднимался до такого высокого положения, никогда еще не суждено было появиться столь великолепному морскому разбойнику. Так мрачно открылся 1535 год для всех держав, чьи берега омывало безбрежное море. Италия, растерзанная и истекающая кровью, ее сильные мужчины убиты, ее самые прекрасные матроны и девы уведены в самый одиозный плен, оплакивала ужасную судьбу, которой ее подвергли набеги пиратского адмирала. В Каталонии, в Генуе, в Венеции, на всем протяжении Ривьеры мужчины дрожали, а женщины плакали, ибо кто мог сказать, что именно на них не обрушится следующий удар грома? В Венеции налоги были подняты до предела, чтобы обеспечить галеры для борьбы с врагом, а генуэзцы укрепляли свои берега и лили деньги как воду на оружие, вооружение и боеприпасы. Говорит Сандовал:

"Desde el Estrecho de Meçina hasta el de Gibraltar ninguno de la parte de Europa pudiera tomar comida ni sueño seguro de lo que viviera en las riberas del mar." (От Мессинского пролива до Гибралтара никто из европейцев, живущих на берегу моря, не мог спокойно есть или спать).

Император Карл V. был побужден к действию, уязвленный нестерпимым унижением положения, в которое его поставил простой корсар.

Король Сицилии, Неаполя и Испании, а также император Германии, в какую бы сторону он ни повернулся, он обнаружил бы кровавые и огненные следы на честном лице своих владений в Средиземноморье. Хотя признание того, что его враг грозен, могло задеть его гордость, Карл был слишком мудрым человеком и слишком опытным воином, чтобы недооценивать своего противника. Он с большими затратами отремонтировал укрепления Неаполя и Сицилии, написал письма Папе Римскому, Андреа Дориа, вице-королям Неаполя, Сицилии и Сардинии, маркизу де Васто и Антонио де Лейве, чтобы собрать все оружие и боеприпасы, необходимые для нападения на Барбароссу. Он послал приказ дону Луису Уртадо де Мендосе, маркизу де Мондехару, генерал-капитану королевства Гранада, собрать деньги и подготовить людей в портах Андалусии. Он отдал приказ держать в готовности восемь тысяч немецких солдат; к ним должны были присоединиться ветераны Корона и Неаполя, которых насчитывалось еще четыре тысячи; в Италии он также собрал еще восемь тысяч человек. Все это делалось под грифом секретности, которую император самым настоятельным образом приказал соблюдать.

Но в первой половине XVI века новости распространялись, хотя газет, военных корреспондентов и телеграфов еще не было; когда все феодалы величайшего короля христианства были заняты, невозможно было, чтобы это дело оставалось в тайне. Даже если бы было возможно скрыть происходящее, существовало одно обстоятельство, которое сделало бы все усилия в этом направлении напрасными. Карл предложил Франциску Французскому присоединиться к этой священной войне против бича христианства: Франциск не только отказался, но и имел невероятную подлость предать Барбароссу. Приятнее было бы думать, что в этом вопросе была допущена какая-то ошибка, но, к сожалению, это не подлежит сомнению, поскольку факты были зафиксированы Сандовалем, чья история, как следует помнить, была опубликована в 1614 году. В этом вопросе он довольно точен, поскольку утверждает, что "клириго Франциска", некий месье де Флорета, был отправлен с депешами Франциска к Барбароссе в Тунис, и что этот вероломный посланник из христианства передал королю корсаров всю доступную информацию, которую тот смог собрать перед началом путешествия.

Это было типично для того "золотого века Возрождения", в котором происходило дело; когда настоящая преданность всем искусствам, наукам и удобствам высшей цивилизации шла рука об руку с преступлениями самого низкого пошиба и вероломством самого подлого свойства. Барбаросса и такие, как он, могли смеяться над притязаниями на то, что его враги-христиане были ничуть не лучше, чем они, когда они могли указать на тот факт, что ради личной мести великий христианский король мог предать своих единоверцев врагам-мусульманам. Морские волки бесстыдно искали добычу везде, где ее можно было найти; их методы были злодейскими и, казалось бы, не имели оправдания, но, в конце концов, в их действиях была какая-то окраска, какая-то тень правоты, ведь их аргументом было то, что они просто возвращали христианству то, что было отнято у них в недалеком прошлом в королевствах Кордова и Гранада. Но кто найдет оправдание христианским королям, правителям и князьям в эту эпоху? Они искали свою добычу не менее хищно, чем пираты, и примерно с тем же количеством оправданий: свидетельствуют разграбление Рима Карлом V.

в 1527 году и беспримерный акт вероломства Франциска Французского, о котором мы только что рассказали.

Всю свою бурную жизнь Хейр-эд-Дин прожил среди войн и слухов о них: с ранней юности в его руке была головка румпеля, рукоять скимитара, приклад аркебузы; кровопролитие и раздоры были атмосферой, в которой он жил и дышал. Отчаянные приключения на суше и на море были его уделом с тех пор, как он себя помнил; не было такой опасности, которой бы он не подвергся, такой опасности, на которую бы он не отваживался. Но сейчас даже он, ветеран более чем ста боев, был серьезен и озабочен, когда думал о величии и неизбежности своей опасности. Из "Клериго Франсезе" он узнал, что Карлос Квинто напрягает все свои силы для предстоящей битвы; а Барбаросса был слишком старым бойцом, слишком мудрым воином, чтобы недооценить одним солдатом или одной галерой те силы, которые император мог выставить против него; Вдали и вблизи собирались враги для его уничтожения, и он нисколько не обманывал себя относительно того, какая участь постигнет его последователей и его самого в случае победы христианских войск.

Но, тем не менее, в такой чрезвычайной ситуации этот человек был на высоте: готовый принять фортуна, когда она улыбалась ему, он был, пожалуй, самым лучшим в беде; и когда все вокруг дрожало и наносило один из своих нечастых визитов в мечеть, чтобы молить о помощи Пророка, корсар-ветеран спокойно оценивал ситуацию, ища способ переждать бурю, перед которой меньшие люди дрожали в ужасе, объявляя, что конец настал. Шторм надвигался с такой силой, какой не испытывал даже он, но, благодаря своему другу королю Франции, он был предупрежден. Он сразу же послал к своему господину, Солиману Великолепному, в Константинополь, чтобы передать ему страшную весть; затем бани были открыты, и под нещадными ударами плети и бича пленные христиане с рассвета до темноты трудились над ремонтом укреплений Туниса. Молчаливый и неприступный, ни с кем не советуясь, мрачный старый Морской волк сидел в своем дворце с видом на залив и размышлял о том, где ему дать сражение - на суше или на море, когда придет время. Если бы это было возможно, он пришел к выводу, что это должно быть последнее; он уже однажды был изгнан из своего королевства на суше, но он знал, что в открытом океане мало кто готов столкнуться с Барбароссой, и он может обрушиться на Дориа первым, а на рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского вторым, если дела пойдут благоприятно для него. В любом случае он должен был призвать на помощь всех, кого только можно.

На восток и запад летели галеры Хейр-эд-Дина, плывя по ветру, если он был благоприятным, или взбивая поверхность моря напряженными веслами, если ветер был слабым или царил штиль.

Это был призыв о помощи мусульманским корсарам из Алжира, Тлемсена, Орана, Лос-Гелуэса (или Джербаха) и со всех бесчисленных островов Архипелага, где они таились, чтобы захватить свою добычу - Тунис, над которым развевался полумесячный флаг Пророка, был в опасности - пусть они объединятся против внука того, кто изгнал мавров из Испании.

Мрачные и зловещие, корсары стекались под знамена Барбароссы. Они прекрасно понимали, что если он падет, то это будет лишь вопрос времени, и их всех сметут с лица воды. Сплоченности среди них было немного, и, несмотря на узы общей религии и общую ненависть к христианам, они руководствовались скорее жадностью грабежа, чем такими соображениями, как эти. Однако во времена неминуемой опасности люди, естественно, стремятся к лидерству, и в пиратских кругах все теперь было подчинено инстинкту самосохранения.

Тем временем в христианском мире созревали планы их великого врага. Маркизу де Каньете, вице-королю и генерал-капитану Наваррского королевства, Карл написал письмо, в котором вверил его попечению императрицы, с указанием, что ее приказы должны беспрекословно выполняться во время его отсутствия. Сделав это, он отправился в Барселону, куда прибыл 8 апреля 1535 года. Здесь к нему сразу же присоединилась армада Португалии - двадцать каравелл, собранных, вооруженных и оплаченных королем, доном Жуаном Португальским. Этим флотом командовал инфант дон Луис, брат императрицы, а на борту судов, из которых он состоял, находился целый сонм дворян и знатных господ, прибывших сражаться под одобрительным взглядом Сезара современного мира.

Первого мая прибыл Андреа Дориа с двадцатью двумя галерами, и те, кто уже находился в гавани, столпились у бортов своих судов, чтобы посмотреть на прибытие знаменитого генуэзского мореплавателя.

Величественной процессией по четыре в ряд огромные галеры вплыли в гавань. С любовью к зрелищам, столь присущей южной натуре, было сделано все, чтобы обеспечить военную пышность и торжественность прибытия первого морского командира императора. Сначала с бешеной поспешностью, а затем замедляя ход, чтобы сделать приближение более величественным, флот Андреа двинулся в путь. С мачт, верфей и шканцев галер адмирала развевались двадцать четыре больших шелковых и золотых знамени, расшитых гербами императора, Испании, Генуи и Дорий, князей Онеггии. На главном штандарте было изображено распятие, по бокам расшитое изображениями святого Иоанна и Девы Марии; на другом - Богородица с Сыном на руках. Под звуки труб, кларионов, чиримий и атамбуров флот приблизился на небольшое расстояние к португальцам и отсалютовал им; затем, когда гром пушек затих и легкий ветер унес дым, они обогнули корабль и остановились рядом с королевским судном, на которое сел Карл. Снова прогремел королевский салют, а рыцари и дворяне, моряки и солдаты приветствовали своего императора неистовыми криками "Imperio! Imperio!"

Затем Андреа Дориа сел в свою лодку и поплыл по сверкающей воде к императору, который принял его, как нам говорят, "с великой честью и многими знаками любви".

12 мая прибыл дон Альваро де Базан, генерал галер Испании. Этот великолепный кабальеро прибыл в Барселону в том же виде и при тех же обстоятельствах, что и Дориа, и в течение всего оставшегося времени пребывания армады в Барселоне было много банкетов, пиров и питий за здоровье императора и смятение мусульманского врага. Все снова было так, как в те дни, когда Фердинанд и Изабелла обрушились на обреченный город Гранаду и на глазах у его защитников построили город, который они называли Санта-Фе (или Святая вера) в знак того, что никогда не покинут его, пока этот символ их веры не восторжествует. Чтобы стать свидетелями этой победы, стекалась лучшая кровь Европы, и теперь, сорок три года спустя, когда дерзкий мусульманин вновь поднял голову, потомки воинов, следовавших за "Лос Рейес Католикос", сплотились под знаменем, которое Карлос Кинто, их внук, установил на берегах Каталонии. Сандоваль посвящает страницы своего труда именам, стилям и титулам знатных кабальеро, которые присоединились к армии для уничтожения Барбароссы.

16 мая Карл отплыл на галере *"Капитана"* Андреа Дориа в сопровождении многих вельмож и кабальеро двора, а также знаменитых иностранцев, таких как принц Луиш Португальский, и провел смотр армады. Было потрачено много пороха на салюты императору, и все наперебой кричали в честь великого монарха, который осмелился лично возглавить войска христианства против неверного, бросившего вызов его могуществу и осмелившегося предложить ему сражение. 28 мая император проехал несколько лиг вглубь страны,

отправившись еще до рассвета, чтобы посетить монастырь Нуэстра Сеньора де Монферрато, в котором хранился необычайно святой образ Богородицы. Здесь он исповедовался и принял причастие, а затем вернулся в Барселону.

ИМПЕРАТОР КАРЛ V.

30 мая он взошел на королевскую галеру *Galera Bastarda*, подготовленную для него Андреа Дориа, генерал-капитаном галер. Это судно, похоже, несколько напоминало баржу Клеопатры по великолепию своего оснащения, так как его интерьер был позолочен, и оно было оборудовано со всей роскошью, которую только можно было придумать в этот период. Шелковые ковры и золотые сосуды для питья, запасы самой изысканной еды и редчайших вин были заложены, чтобы максимально смягчить неизбежные тяготы морского путешествия, и не было недостатка в музыкальных инструментах, чтобы умиротворять Цезаря созвучием сладких звуков. Пожалуй, что больше всего поражает современного моряка в этом перечислении всех бесполезных вещей, которыми были обременены великие

суда в этот период, так это необычайное количество флагов и знамен, с которыми они выходили в море.

Их количество на галере *"Бастарда"* заставляет задуматься о том, как в ней нашлось место для чего-либо еще, имеющего более практическую пользу, когда речь шла о боевых действиях. На этой галере было двадцать четыре желтых дамасских знамени с надписью императорского герба; главный вымпел из малиновой тафты огромной длины и ширины, с вышитым на нем золотым распятием. На двух таких же были щиты с гербом императора, а также огромный флаг из белого дамаста, расшитый изображениями ключей, потиров для причастия и креста святого Андрея, пунцового цвета, с латинской надписью. Было еще два других из алого дамаста "такого же великолепия", вышитых по краю *"Plus Ultra"*, символом Испании. Среди еще более разнообразного ассортимента была одна с надписью: "Пошли, Боже, ангела твоего, чтобы охранял его во всех его путешествиях".

Флот под командованием Андреа Дориа насчитывал шестьдесят две галеры и сто пятьдесят нефов. Кроме того, в состав флота входило множество мелких судов, известных в те времена как "бригантины", которые использовались для перевозки запасов и боеприпасов. В прошлом мы уже видели, какие ужасные потери понесла одна из этих армад, когда наступила очень плохая погода, и поэтому неудивительно, что для своего второго предприятия Карл выбрал самое лучшее время года для спуска к берегам Африки. Они были храбрыми людьми, эти средиземноморские моряки, и риск, которому они подвергались на своем странном, немореходном судне, конечно же, значительно увеличивался, когда они были нагружены до отказа магазинами, провизией, лошадьми, знаменами и, наконец, но не в последнюю очередь, толпой больных морем солдат.

В эту армаду влились двадцать пять тысяч пехотинцев и шестьсот улан с их лошадьми.

Последним пунктом назначения экспедиции был Кальяри на Сардинии, куда она прибыла в начале июня и где неделю занималась последними приготовлениями; наконец, 10 июня был дан старт к берегам Африки.

Тем временем в Тунисе Хейр-эд-Дин работал с удвоенной энергией. Его хорошо информировали шпионы обо всем, что происходило, и его приготовления к обороне были настолько адекватными, насколько это вообще возможно; корсары, как мы уже говорили, стекались по его зову. Он отозвал из Алжира столько своих бойцов, сколько посчитал нужным. Зная, что атака направлена против него лично, он не слишком опасался, что в последний момент она будет отклонена. Со стороны Карла это было бы верной стратегией, но император считал, что его честь требует, чтобы атака была абсолютно прямой, и поэтому Алжир был оставлен с одной стороны, чтобы окончательно расстроить его планы. Мы говорим так потому, что, хотя в этом случае он должен был взять Тунис и восстановить на троне марионеточного короля Мулей Хасана, и хотя он должен был спасти около двадцати тысяч христианских пленников, он не захватил Барбароссу, который должен был жить еще много лет, чтобы продолжать и продолжать свою непрекращающуюся войну с христианами.

Тунисский деспот не оставлял без внимания ни одну хитрость. К африканским князьям, как маврам, так и арабам и берберам, Хейр-эд-Дин отправлял посольства. Для них он выбрал хитрых людей, хорошо знакомых со способами возбуждения неистовых страстей этих примитивных и свирепых народов, и их задачей было представить Мулей Хасана как позорного отступника, которого честолюбие и месть побудили не только стать вассалом христианского короля, но и вступить с ним в сговор с целью истребления магометанской веры. Хитроумная политика этих невежественных и фанатичных магометан доводила их до безумия, и они издавна бросали свой жребий человеку, который представлялся им

объединителем всех тех в Африке, кто желал не только сохранить свою святую религию, но и личную свободу. Из Триполи и Джербы, из Буги и Боны, с берегов Шотт-эль-Джериды, через всю туманную глубинку, которая простиралась от этого места на северо-запад до Алжира, стекались соплеменники. Дикие всадники пустыни были собраны, и, как говорят, не менее двадцати тысяч всадников, помимо бесчисленной толпы пехоты, откликнулись на призыв главного интригана, который использовал этих бесхитростных дикарей для достижения своих личных целей. Сухопутные пираты пустыни, эти буревестники, чья жизнь отличалась от жизни последователей Хейр-эд-Дина только тем, что они совершали свои грабежи на суше, а не на море, тысячами разбивали лагерь в окрестностях Туниса и хвастались подвигами, которые они собирались совершить. Хейр-эд-Дин подбадривал их энтузиазм самыми дорогими подарками. Всегда мудрый и политичный, он знал, когда нужно платить по-королевски, и в этот раз превзошел себя в расточительности. При всем том он не питал никаких иллюзий; он по пальцам знал боевой состав своих противников, и самое большее, чего он ожидал от этих диких иррегуляров, - что они, возможно, задержат наступление и потревожат императорскую армию лихими кавалерийскими набегами. Но о том, что они смогут противостоять несравненной пехоте Испании или одержать верх над непоколебимой доблестью немецких стрелков, Барбаросса и не помышлял. На янычар, на выносливых бойцов с галер он мог рассчитывать; но их было всего несколько тысяч, в то время как дисциплинированная армия, с которой ему предстояло сражаться, насчитывала не менее двадцати пяти тысяч - цвет имперских сил. Ситуация была уникальной, такой, какой мир еще не видел - вся мощь христианства против того, кто, как бы он себя ни называл, был не более чем вульгарным разбойником. Однако он был разбойником такого масштаба, равного которому еще не было, - силой, которая оставалась непокоренной на протяжении всей его необычной и необычайно затянувшейся карьеры.

ГЛАВА X

ПАДЕНИЕ ТУНИСА И БЕГСТВО БАРБАРОССЫ

Самодержавие в шестнадцатом веке было вполне реальным и конкретным фактом. Приказы великих королей, как правило, беспрекословно выполнялись, а когда они не выполнялись, то тех, кто их нарушал, ожидали неприятности самого худшего свойства. Именно это заставляет нас считать самым необычным одно из событий, произошедших с армадой, отплывшей из Барселоны к берегам Африки. Был отдан строжайший приказ, согласно которому на кораблях не должно быть ни женщин, ни мальчиков, ни вообще никого, кроме достойных мужчин. Сандоваль говорит: "В армаду не допускались ни мужеложцы, ни мучачос, ни другие бесполезные люди, кроме одиноких мужчин, которые должны были сражаться". (В армаду не допускались ни женщины, ни мальчики, ни бесполезные люди, а только те, кто был способен сражаться). Однако, судя по всему, женщины не обращали на это предписание никакого внимания, и историк сокрушенно сообщает, что "не было смысла высаживать их из кораблей, поскольку, как только вы спускали их с одного борта, они возвращались и поднимались на другой". Кажется почти невероятным, но тем не менее факт, что 156 четыре тысячи женщин сопровождали экспедицию и высадились в Тунисе. Самодержавие императора, по-видимому, останавливалось там, где речь шла о женщинах, или же ему было безразлично, придут они или нет.

16 июня армада прибыла в Тунис, и армия высадилась, чтобы атаковать крепость, известную как Ла-Голетта. В эту сильную крепость Барбаросса направил около шести тысяч своих лучших людей, в основном турецких солдат, под командованием Синан-Реиса, еврея-отступника, одного из самых яростных и верных своих сторонников. В лагерь императора прибыл беглый король Мулей Хасан, на чьи средства номинально была собрана армада - насколько номинально, мы увидим позже в свете договора, заключенного между ним и императором. На данный момент Карл полностью владел морем, и, как следствие, бывший султан был поражен изобилием и роскошью, царившими в лагере христиан; он пришел к выводу, что это действительно должны быть владыки земли, поскольку роскошь и изобилие вряд ли были характерны для таких дворов, какие тогда существовали в северной части африканского континента.

Хотя армия была высажена на берег, а вместе с ней и артиллерия для обстрела Голетты, оставалась, конечно же, "морская армия", под командованием грозного Дория; и пока маркиз дель Гуасто, верховный командир на берегу, готовился разрушить оборону крепости со стороны суши, одновременно с моря атаку вели галеры. Фактическое присутствие императора побуждало представителей разных национальностей под его взглядом соревноваться друг с другом в смелости, и они боролись между собой за самые почетные и опасные посты. Атаки африканских всадников были отбиты с одной стороны дисциплинированной доблестью андалузской кавалерии, а со стороны суши и моря по стенам обреченной Голетты грохотали огромные пушки. Синан и его османские солдаты проявляли чудеса, заделывая проломы в стенах, как только они появлялись; но Хейр-эд-Дин из города мрачно наблюдал за ходом обстрела, так как видел и знал, что падение Голетты - вопрос нескольких дней. Все это время он был далеко не праздным; вылазка за вылазкой, отважный старый воин лично возглавлял вылазку против тех, кто занимался бомбардировкой. Снова и снова он побуждал арабские и берберские войска к атаке, но атаки были отбиты, а легковооруженных африканцев, как мякину, гнали по ветру, когда они обрушивались на линии обороны.

Но наконец пришло время, когда Синан и его доблестные турки больше не могли удерживать город; стены были пробиты в шести или семи местах, и испанцы, немцы и итальянцы предприняли одновременную атаку. Синан, сражаясь до последнего, эвакуировал крепость и отступил по воде через мелководную часть залива в город с остатками своих некогда великолепных сил; теперь Барбаросса знал, что пришел конец, и Тунис должен перейти из его рук в руки христианского императора. Его беспокоило не только падение Голетты, но и тот не менее важный факт, что благодаря этому флот противника получил возможность наложить руки на его собственный флот, состоящий из восьмидесяти семи галер и галиотов, вместе с его арсеналом и не менее чем тремя сотнями пушек, в основном медных орудий отличной конструкции, установленных на стенах и высаженных на валах. Удивительное количество этой артиллерии дает представление о силе крепости и о том, каких усилий стоило осаждающим командовать ею с таким человеком, как Синан.

О том, что конец близок, знали все, и не последнюю роль в этом сыграло нахождение в стенах города около двадцати тысяч христианских пленников. Город был велик, оборонительные сооружения располагались на большой территории, было совершенно очевидно, что удержать его не удастся, и поэтому Барбаросса созвал своих главных офицеров и сообщил им о своем решении.

"Мы не останемся здесь, чтобы быть убитыми, как крысы в ловушке, проклятыми Богом, которые на нас напали. Нет, скорее мы погибнем с мечом в руке, как это делали наши отцы до нас; но сначала есть опасность, от которой мы должны защититься. В этих стенах

находится двадцать тысяч пленных, которые при первой же возможности восстанут против нас; давайте же сначала предадим их смерти, а затем покинем это место и покажем нашим врагам, как умеют умирать истинные мусульмане".

Даже эти закоренелые люди крови дрогнули перед ужасом, который предложил им их вождь, а Синан-Рейс взял на вооружение свою притчу и выразил мысли всех, сказав, что они с радостью пойдут за ним на смерть, но запятнать себя столь ужасной расправой - значит навсегда вычеркнуть себя из жизни человечества. Редко кто перечил ему, и Барбаросса слушал в хмуром молчании, принимая в качестве частичного оправдания, что время поджидает, и на то, чтобы предать смерти двадцать тысяч человек, уйдет больше времени, чем они могли бы выделить. На следующий день состоялась битва, которая, как и предполагал Хейр-эд-Дин, закончилась полным разгромом мусульман. Король корсаров повсюду находился в авангарде сражения, и говорят, что он распоряжался пятьюдесятью тысячами человек; но это, вероятно, преувеличение, и в любом случае основная часть его сил состояла из тех африканских левитов, которые в битве с европейскими войсками практически бесполезны из-за отсутствия дисциплины и сплоченности. Очень скоро войска императора одержали верх, и арабы и берберы бежали обратно в пустыню, откуда они пришли, и преследовать их было бесполезно. Барбаросса во главе оставшихся корсаров и турок, число которых оценивается примерно в три-четыре тысячи, прорвался через все сопротивление и тоже спасся бегством, причем так быстро, что преследование было прекращено почти сразу же. И тут произошло событие, которое предводитель мусульман предвидел: некоторые из христианских пленников сумели освободиться от оков в городе и освободили других; они одолели тех, кто остался их охранять, и открыли ворота перед солдатами императора.

И тут произошло одно из тех ужасов, которыми так богато это время: прежде чем Карл или его генералы смогли им помешать, солдаты ворвались в город и принялись убивать, грабить и насиловать, без различия возраста, пола и национальности. Якобы эти христианские воины пришли спасти жителей Туниса от гнета Барбароссы, но пока тот вождь бежал через горы к Боне, те, кого он победил, вошли в город, который они пришли спасать, и устроили такую ужасную резню, что, как говорят, погибло не менее тридцати тысяч человек. Это ужасное пятно на эмблеме императора; хотя он и его генералы осуждали резню и, по справедливости, пытались ее предотвратить, это не оправдание для того, чтобы позволить своим людям выйти из-под контроля, когда они должны были знать о неизбежном результате: как мусульманские корсары в их худшем случае были равны в своих беззакониях европейским солдатам, как только сильная рука дисциплины ослабляла свою хватку.

Возможно, император был недоволен таким излишним рвением своей армии, но если это и так, то летописцы молчат об этом, будучи слишком заняты воспеванием славы Сезара, чтобы думать о таком пустяке, как расправа над большинством людей, которых он пришел освободить. Несчастливым жителям Туниса, должно быть, было трудно провести различие между корсаром, убившим три тысячи их соотечественников, и христианским императором, истребившим в десять раз больше. Карл, однако, получил огромную славу от экспедиции, которая имела только один хороший результат - ему удалось спасти двадцать тысяч пленников; эти люди, вполне естественно, по возвращении в свои дома во всех уголках Европы, превозносили чудесные деяния принца, который помог им освободиться, а резня тунисцев была легко проигнорирована. Карл победил Барбароссу и изгнал его из Туниса; теперь он проявил свое великодушие и альтруизм, поставив условия несчастному Мулей Хасану. Что касается этого человека, то он, конечно, не заслуживал ничего лучшего; но как *финал* экспедиции, благословленной Папой и рассматриваемой почти в свете современного

крестового похода, он, безусловно, демонстрирует удивительно острое видение главного шанса.

Преамбула договора гласит следующее:

"Король Туниса, признавая, что он был изгнан из своего королевства Барбароссой, и что император лично, с мощной армадой, пришел и изгнал этого тирана, отобрав у него крепость и город Тунис и вернув их королю Мулей Хасану: что этот монарх весьма признателен за столь великолепную услугу и в знак признания заключает договор об освобождении всех христианских пленников, которые могут находиться в его королевстве, о предоставлении им свободного прохода к их домам, и с этого времени обязуется оказывать всем христианам доброе и великодушное обращение."

Не может быть никаких исключений из этого, что было наименьшим, чего император имел право ожидать; но это была только, как мы уже сказали, преамбула.

Далее Мулей Хасан был вынужден заключить договор о передаче своего королевства в собственность испанской короне, , что ни один корсар не будет использовать его порты ни для каких целей, что император не только сохранит Голетту, но и передаст в его руки все другие укрепленные морские порты, что король Туниса должен в будущем выплачивать двенадцать тысяч крон в год на содержание испанского гарнизона Голетты, что он не будет вступать в союз с врагами императора и должен ежегодно дарить в знак признания своего вассалитета шесть мавританских лошадей и шесть ястребов.

Мулей Хасан променял сравнительно достойное положение принца в изгнании, экспроприированного сильной рукой, на положение марионетки одного из главных врагов своей религии. Ни он сам, ни его народ не стали ни на йоту лучше от этой перемены, а что касается вассальной зависимости, то при тогдашнем состоянии религиозных чувств они, по всей вероятности, скорее подчинились бы корсару-мусульманину, чем христианскому королю.

МУЛЕЙ ХАСАН, КОРОЛЬ ТУНИСА.

Барбаросса, как мы видели, откровенно признавал, что искал собственной выгоды, и, когда он овладел Тунисом, не претендовал на альтруистические мотивы. Император же, пришедший под видом христианского реформатора, просто отобрал королевство у

Барбароссы и оставил его себе. Кстати, он освободил пленников, что позволило ему вновь предстать в образе великого защитника угнетенных. Но как бы там ни было, несомненно, он совершил выдающийся подвиг, и даже самый могущественный монарх Европы чувствовал себя приподнято от того, что он победил величайшего из корсаров: так, 25 июля Карл написал в Англию, Францию, Португалию, Милан, Флоренцию, Венецию, Геную, Сиену, Мантую и Неаполь: "De manera que en pocas dias se supo in toda Europa su buena fortuna." (Так за несколько дней вся Европа узнала о его удаче).

Мартин Нуньес, "кабальеро из Толедо", был отправлен со специальным посольством к Папе, чтобы из первых рук ознакомить понтифика со всем, что произошло, и с успехом, который сопровождал оружие императора, а также поблагодарить его Святейшество за помощь, которую он оказал, отправив папские галеры. Жоржи де Мело, португальский кабальеро, был отправлен с депешами в свою страну, а другие вельможи и высокопоставленные чиновники - к наместникам императора в различных частях его владений. В длинном циркулярном письме, которое Карл адресовал всем этим правителям и которое полностью воспроизвел Сандовал, говорится, что "христианских пленников в Тунисе насчитывается от восемнадцати до двадцати тысяч, что Барбаросса бежал с пятью тысячами турок, корсаров и ренегатов, из которых три тысячи были верхом и две тысячи пешими; Что, поскольку они страдали от большой нехватки провизии и почти полного отсутствия воды, многие падали по дороге, а многие другие были убиты их закадычными союзниками за те товары, которыми они обладали, или за стоимость их оружия и одежды."

Теперь мы должны вернуться к Хейр-эд-Дину. Каковы были страдания этого вождя и остатков его доблестной армии во время их бегства в Бона, известно только им одним. Стоял разгар лета, нужно было преодолеть жгучие тропы пустыни и труднопроходимые горные перевалы; естественно, они могли взять с собой лишь немного еды, а воду им пришлось искать по дороге. К тому же, как мы видели из депеши Карла, соплеменники ополчились против них, отрезая отставших, убивая и грабя при первой возможности. Сам Барбаросса был уже старым человеком, настолько старым, что кажется просто чудом, что он смог пережить все тяготы этого ужасного похода. Он не только выдержал его, но и, судя по всему, прибыл в Бону в таком состоянии, чтобы сразу же продолжить путешествие по морю, если бы он захотел это сделать. Он потерял свое недавно приобретенное королевство, он потерял почти весь свой флот, его арсенал и запасы были в руках врагов; если когда-либо человек был полностью разбит, то это был он в этот памятный случай. Однако, как мы уже говорили, именно в самые тяжелые времена неукротимый характер этого человека восставал на помощь, и, пока его враги поздравляли друг друга с тем, что наконец-то покончено с бичом Средиземноморья и жупелом христианства, загнанный беглец лишь готовился к новым актам агрессии.

На самом деле он был прежде всего моряком. Поражение Хейр-эд-Дина означало лишь перенос его вредоносной деятельности из одной сферы в другую - с моря на сушу или с суши на море. Он называл себя королем и *де-факто* был им и в Алжире, и в Тунисе, правя с беспримерной жестокостью, являясь прототипом тех других корсарских королей, которым он пришел на смену. Но истинный источник его могущества лежал не в каменных стенах и укреплениях, не в плохо обученных войсках африканских племен, а в его собственном гении командования на море и в том, как он умел вдохновлять своим бесстрашным и отчаянным духом тех выносливых мореплавателей, которые шли за ним, потомков "морисков", происходивших из древних мавританских королевств Кордовы и Гранады.

Так было и в данном случае. Он не смог противостоять мощи Сезара и его легионов, но Тунис - это не вся Северная Африка, и не все его яйца были собраны в одной корзине. Он держал пятнадцать галер в резерве в Боне, и поэтому, прибыв туда, мог сразу же отправиться в путь.

Он так и сделал, и едва успел это сделать, как на сцене появились пятнадцать галер под командованием Адана Центуриона и Джона Дориа. Хейр-эд-Дину надоело сражаться, его люди и он сам были измотаны тяготами бегства, поэтому он поставил свои галеры под фортом в Боне и стал ждать нападения, если враг вздумает его предпринять. Но сердце Адана Центуриона не выдержало: вырезать старого морского волка из-под одной из его собственных батарей было выше его сил, и он отплыл. "Fue sin duda la perdida grande" (это, несомненно, было очень жаль), - комментирует Сандоваль, который продолжает, что, если бы генуэзцы были такими людьми, какими они были раньше, этого бы никогда не случилось, и что они бы вошли и сожгли или вывели из строя галеры корсаров, убили бы их лидера или согнали его на берег. По горячим следам Адана Центуриона и его племянника Иоанна прибыл ветеран Андреа Дориа с сорока галерами, но он опоздал, и птица улетела; если бы именно он прибыл первым, то более чем вероятно, что все сложилось бы иначе, и Хейр-эд-Дин на этом закончил бы свою карьеру. Правда, Андреа завладел Боной, а король корсаров лишился еще одного своего земельного владения, но на время он оторвался от земли и вернулся к той стихии, в которой был особенно близок к дому.

Дориа оставил Бону под командованием Альвара Гомеса и роты испанских солдат, а сам отплыл, чтобы по возможности найти и захватить Барбароссу и тем самым поставить печать полноты на победе, которую одержал его господин император. Другой оплот корсаров теперь находился в самых надежных руках, поскольку Альвар Гомес Загаль был одним из самых известных кабальеро Испании, сыном того самого Перо Лопеса де Оруско, которому сами мавры дали титул "Аль Загаль", или "Доблестный", за его необычайную храбрость.

17 августа Карл высадил свою армию и эвакуировал страну, оставив, однако, тысячу испанских ветеранов под командованием Бернарда де Мендосы в Голетте в качестве постоянной памяти об экспедиции и гарантии того, что несчастный Мулей Хасан будет полностью соблюдать наложенные на него договорные обязательства. Правда, Барбаросса не был взят в плен, но его город был взят, флот уничтожен, а сам он теперь был беглецом, не способным более нарушать мир христианства и достоинство императора, которого он так жестоко наказал. В итоге, цесаревич удалился довольный собой и теми, кто действовал по его приказу, которым он раздал ордена и титулы на память о том, что они окончательно разрушили власть тех, кто так долго нарушал его покой.

Одна из трудностей в изучении карьеры Хейр-эд-Дина Барбароссы заключается в том, что в периоды, когда он терпел неудачи или, как в данном случае, терпел серьезные поражения, практически невозможно выяснить, чем он занимался и где именно готовился к следующему перевороту. В данном случае, в частности, историки старого времени благодарили Бога за то, что император избавил мир от особо вредоносного плута, и перестали беспокоиться о нем, пока он снова не заставил их обратить на себя внимание. Если бы Карл в это время осознал величие человека, которого он только что так знаменательно победил, он мог бы изменить ход истории. Если бы он, вместо того чтобы отплыть в Европу, довольствуясь тем, чего добился в Тунисе, продолжил наступление на Алжир, он мог бы стать хозяином всей Северной Африки, поскольку в том дезорганизованном состоянии, в котором сейчас находились корсары, они, конечно, не смогли бы оказать эффективного сопротивления. Но для императора эти морские скитальцы предстали всего лишь в свете грабителей. Грабители, правда, в несколько больших масштабах, но все же не настолько важные персоны, чтобы отвлекать его от бесконечно более насущных дел, которые ждали его на противоположных берегах Средиземного моря.

В дополнение к пятнадцати галерам, которые Хейр-эд-Дин подобрал в Боне, у него в Алжире было еще около пятидесяти. Избежав внимания Адана Центуриона и Иоанна Дориа, а также

бесконечно более грозной эскадры Андреа, он снова направился в Алжир и некоторое время, похоже, оставался в тишине, несомненно, восстанавливая силы после усталости, разочарований и физических лишений, которые он так недавно пережил. В течение зимы его, очевидно, не беспокоили враги-христиане, и поэтому он мог обдумывать планы будущих кампаний, собирать и воодушевлять своих разрозненных последователей, которые, по одному и по двое, постепенно, кто как мог, возвращались в штаб-квартиру пиратства и к ее неукротимому вождю.

Этот хладнокровный расчетчик жизненных случайностей знал, что так и должно быть; могущество корсаров в целом получило сильнейший удар с тех пор, как лишенные собственности мориски вышли в море на заработки; те из них, кто остался в живых, были без кораблей, то есть без единственного средства к существованию, и то, что они должны тяготеть к Алжиру и его хозяину, было почти несомненно, как ничто человеческое. И, как и предвидел вождь, так оно и вышло. В город потянулись сломленные, голодные, угрюмые люди, потерявшие все, для которых будущее сулило лишь страдания и отчаяние, если только они снова не выйдут в море.

Именно в таких случаях и проявлялось интеллектуальное превосходство Барбароссы. Грубый и жестокий, он, тем не менее, обладал магнетической силой воздействия на умы людей, на которой, когда ему это было угодно, он мог играть с самым необычайным эффектом. Вот и сейчас, когда рядовые корсары были оборваны, голодны и страдали от поражения, он обращался с ними ласково и милостиво; суть его наставлений сводилась к тому, что им стоит только еще раз последовать за ним, и все беды, от которых они страдают, будут немедленно устранены. Так и вышло, что люди, которые до поражения командовали собственными кораблями, с радостью перешли на борт галеры Хейр-эд-Дина, воодушевленные приятной надеждой, что вскоре под руководством этого человека они вновь обретут все, а может быть, и больше, чем потеряли. Следует помнить, что Барбаросса исходил из здравых оснований, когда внушал подобные надежды отчаявшимся остаткам корсаров в Алжире той печальной зимой 1535 года. Он был величайшим из них, и они, как и он, знали, что это факт: если они и потеряли все свои силы в прошлых битвах, то сражались за общее дело, чтобы сохранить свои жизни и свободу грабить христиан на море. И вот теперь нашлась работа и хлеб насущный для тех, кто снова со своим старым вождем; и хотя можно сказать, что у этих людей не было альтернативы, они все же с душой бросились в то, что по воле главного разума должно было стать их работой, а это было не что иное, как подготовка галер к новому походу против христиан.

"Что за дело, товарищи?" - сказал ветеран однажды, когда руководил оснащением галер. "Эти собаки вернулись туда, откуда пришли, и оставили эту тварь, Мулей Хасана, исполнять свою волю в Тунисе. Верно, что в Голетте находится Мендоса со своей тысячей испанцев, но разве Мартин де Варгас не удерживал здесь Пеньон? И где сейчас де Варгас, и в чьих руках сейчас Пеньон? Мы знаем, откуда гарнизоны Испании черпают припасы, и поверьте мне, что в Голетте в наступающем году будут голодные люди. Как только мы снова выйдем в море, там будет более чем достаточно для каждого доброго человека, который верит в Пророка и у которого хватит ума последовать за Барбароссой. За каждый дукат, который вы потеряли, смотрите, не приобретете ли вы в будущем году десять; христиане сейчас не начеку и думают, что покончили со мной, потому что захватили Тунис". Он рассмеялся своим большим, веселым смехом. "Клянусь бородой Пророка, да будет мир с ним, им еще предстоит узнать человека, с которым им придется иметь дело".

Нужно было обладать большим умом, чтобы внушить благодатное сердце людям, которые совсем недавно подверглись столь жестоким побоям, как эти; но в конце концов они начали

приободряться, и вспоминать, как Барбаросса рано или поздно всегда восставал после поражения таким же сильным или даже сильнее, чем прежде; Кроме того, они вспомнили, что он был избранником падишаха и что этот властитель, представитель Пророка на земле, непременно придет ему на помощь теперь, когда Тунис, взятый от его имени, был отнят христианами у Барбароссы. Постепенно надежда сменилась отчаянием, и когда в начале следующего года корсары вышли в море, они вновь обрели уверенность в себе и своем предводителе.

ГЛАВА XI

РОКСАЛАНА И УБИЙСТВО ИБРАГИМА

С наступлением весны Барбаросса снова вышел в море с тридцатью двумя кораблями, готовыми к любым обстоятельствам, а его экипажи пылали жаждой мести тем, с кем они так грубо обошлись. Местом проведения операций он выбрал побережье Майорки в пятнадцати милях от Пальмы; отсюда он командовал маршрутом испанцев из своей страны к африканскому побережью, и именно против этого народа он испытывал сильное ожесточение из-за недавних событий. Корсар и его люди с нетерпением следили за испанскими кораблями: более тяжелые суда стояли на якоре, а легкие и быстрые галеры высматривали и искали вдаль, чтобы не пропустить ни одного. Очень скоро бдительность мусульман была вознаграждена захватом нескольких судов, посланных Бернардом де Мендосой с турецкими и мавританскими рабами, предназначенными для использования в качестве гребцов на испанских галерах. Эти люди были встречены как долгожданное подкрепление и с радостью присоединились к войскам Хейр-эд-Дина, когда тот двинулся на Минорку, захватил замок внезапным штурмом, совершил набег на окрестности и взял в плен пять тысяч семьсот христиан, среди которых было 173 восемьсот человек, раненых при нападении на Тунис - все эти несчастные были отправлены пополнять банию Алжира.

Однако этой частной войне мести суждено было вскоре закончиться, так как в этом году Солиман Великолепный ввязался в споры с Венецианской республикой и отозвал "этого настоящего человека моря", как описывал Барбароссу Ибрагим, в Константинополь.

В этом городе на берегу моря произошла трагедия, которая, хотя и повлекла за собой смерть одного человека, тем не менее имела далеко идущие последствия; этим человеком был не кто иной, как великий государственный деятель Ибрагим, великий визирь и единственный доверенный советник падишаха. Тот, кто изначально был рабом, шаг за шагом поднимался к своему господину, пока не достиг того головокружительного положения, которое занимал к моменту своей смерти. Это несколько любопытный комментарий к демократическому статусу автократии, что человек мог таким образом подняться до положения, уступающего только положению самого автократа, и, по всей вероятности, обладающего не меньшей властью.

На протяжении многих лет Ибрагим относился к Солиману скорее как к брату, чем как к зависимому человеку, которым он, несмотря на свое Великое визирство, на самом деле и являлся. Они жили в самом тесном общении, вместе принимали пищу и даже спали в одной комнате. Солиман, сам обладавший высоким интеллектом и постоянно находившийся в курсе всех событий, происходивших в его огромных владениях, желал всегда иметь под

рукой человека, которого любил; от которого, с его удивительным пониманием политических проблем и бесконечной плодотворностью ресурсов, он был уверен в сочувствии и дельном совете. Но в восточной деспотии действуют и другие силы, помимо тех, что относятся к *высшей политике*, и у Ибрагима был один смертельный враг, который поклялся настигнуть его. Султана Роксалана была светом гарема Великого турка. Эта необыкновенно красивая женщина, изначально русская рабыня, была предметом самой страстной преданности Солимана; но она была столь же честолюбива, сколь и прекрасна, и не терпела соперниц в привязанностях Солимана, будь то мужчина, женщина или ребенок. В ее руках повелитель миллионов, деспот, чьим кивком была смерть, превратился в покорного раба; недисциплинированные страсти этой властной женщины сметали со своего пути всех, кого она подозревала в том, что разделяет ее влияние, каким бы отдаленным оно ни было. По ее приказу Солиман убил своего сына Мустафу, подающего большие надежды юношу, потому что своим умом и победоносными манерами он грозил затмить Селима, сына самой Роксаланы.

Эта женщина обладала сильным природным умом, хотя и была совершенно необразованной; она видела и знала, что Ибрагим всемогущ с ее любовником, и это возбуждало ее ревность до лихорадочного жара. Она не обладала холодным рассудком, который подсказал бы ей, что Ибрагим - государственный деятель, занимающийся внешними делами Возвышенной Порты, и что в ее дела он не желает и не имеет права вмешиваться. Однако султана знала, что в этих государственных делах ее мнение - пыль на весах, когда оно сопоставляется с мнением великого визиря.

Солиман обладал истинным атрибутом высшего величия - безошибочной способностью выбирать правильного человека. Он выбрал Ибрагима из своей огромной свиты и ни разу не пожалел о своем выборе. С течением времени ум и сила этого человека все больше раскрывались перед его господином, и государь оставил в его руках даже такие дела, которые деспоты склонны охранять очень ревностно. Мы видели, как, несмотря на ропот всей своей столицы и почти непокорное отношение флота, он упорствовал в назначении Хейр-эд-Дина Барбароссы, потому что решение Ибрагима было в пользу его исполнения. Для Роксаланы это было желчью и полынью; она прекрасно понимала, что, пока жив великий визирь, ее суверенитет в лучшем случае будет лишь разделен. Наступил момент, когда ее уговоры прекратились; тогда она обнаружила, что ее мнение не совпадает с мнением министра. Она, как мы видели на примере ее сына, была не из тех, кто заикливается на мелочах, и она решила, что Ибрагим должен умереть.

В этом не могло быть никакой подковерной возни: он должен умереть, а когда его убийство будет совершено, она смело признается своему любовнику в содеянном и принимает на себя последствия, веря в свою власть над ним, чтобы выйти из этой авантюры невредимой. В те времена, когда человеческая жизнь была так дешева, она могла попросить о смерти почти любого, и ее прихоть была бы удовлетворена любовником, который без колебаний предал бы смерти собственного сына под ее диктовку. Но с Ибрагимом все было иначе: он был знаком султану, фактически его *альтер эго*. О смелости султаны говорит тот факт, что она решилась на столь серьезный шаг в этом памятном и печальном случае.

5 марта 1536 года Ибрагим отправился в королевский сераль и, следуя своему древнему обычаю, был допущен к столу своего господина, а после трапезы спал рядом с ним. По крайней мере, так считалось, но никто, кроме тех, кто участвовал в убийстве, не знал, что произошло в ту роковую ночь; на следующий день его мертвое тело лежало в доме султана.

По яшмовому полу во дворце, который был подходящей резиденцией для того, кого по праву называли "Великолепным", кровь Ибрагима стекала к ногам Роксаланы. Беспорядочная одежда, ужасное выражение лица мертвеца, зияющие раны, полученные им, свидетельствовали о том, что прежде чем железный каркас и великолепный интеллект были сравнены с пылью, произошла жестокая борьба. Многие просочилось впоследствии, как и положено просочившимся вещам, и тогда султана отвела Солимана в свои покои и заглянула ему в глаза. Мужчина был ошеломлен безмерным бедствием, постигшим его и его королевство, но его мужественность не помогла ему противостоять козням этой Цирцеи. Ибрагим был зверски убит в собственном дворце, и эта женщина, так любовно прижавшаяся к его шее, теперь была убийцей. Сердечная кровь его лучшего друга свернулась на пороге его собственных апартаментов, когда он простил ту, что совершила его убийство. Такова была месть Роксаланы, и кто скажет, что она не была полной?

Османская империя стала беднее от потери своего величайшего человека, ревность султаны была смягчена, деспот, допустивший это убийство без наказания, все еще находился на троне, преследуемый женщиной, которая сначала убила его сына, а затем его друга и министра. Но этот поступок повлек за собой дурные последствия, которые вполне могли возникнуть, когда в столь критический момент был смещен столь способный глава государства. В воздухе витали новые раздоры и бесконечные распри между Венецией и Портой. Они нас не касаются, но, помимо других жалоб, громко и непрерывно звучали жалобы на корсаров. Венеция, "морская невеста", не имела ни отдыха, ни покоя; пираты кишмя кишели на Корфу, в Занте, в Кандии, в Кефалонии, а грабежи и убийства подданных республики были темой вечных представлений султану. В этой партизанской войне преимущество было на стороне корсаров, пока Джироламе Канале, венецианский капитан, не захватил одного из мусульманских лидеров, известного как "Молодой мавр Александрии". Победа Канале была в некотором роде важной, поскольку он захватил галеру "Молодого мавра" и еще четыре, еще две были потоплены, а триста янычар и тысяча рабов попали в руки венецианского командира. Поскольку венецианцы не испытывали приятных чувств, янычары были сразу же обезглавлены до единого человека.

Вся эта история является иллюстрацией необычных отношений, существовавших между государствами Средиземноморья в это время. Солиман Великолепный, султан Турции, предоставил триста янычар, своих отборных солдат, для помощи корсарам в их набегах на венецианскую торговлю. Султан, как только узнал о случившемся, отправил в Венецию посла, некоего Йонис-бея, чтобы потребовать удовлетворения за оскорбление, нанесенное ему обезглавливанием его собственных солдат, ставших пиратами. В итоге венецианцы отпустили "молодого мавра Александрии", как только он излечился от восьми ран, полученных во время конфликта, и отправили его обратно в Африку с теми галерами, которые остались. С этим делом был связан один довольно комичный инцидент: когда Йонис-бей направлялся из Константинополя в Венецию, его преследовал венецианский флот под командованием графа Гранденико и вытеснил на берег. Граф приносил обильные извинения, когда узнал, что преследовал живого посла; но этот случай настолько возмутил Солимана, что тот в результате увеличил свои требования.

Барбаросса, который с момента падения Туниса проводил время, изводя испанцев на море, вскоре должен был снова появиться на сцене. Он получил приказ от султана и отправился в путь так быстро, как только мог принести благоприятный ветер. У Хейр-эд-Дина дела с рабами и грабежами шли хорошо, но он знал, что при поддержке Великого Турка он снова будет командовать флотом, на котором сможет повторить свой триумф прошлых лет и вновь проявить себя как незаменимый "человек моря".

Вскоре после прибытия его амбиции были удовлетворены, и он оказался с флотом из ста кораблей. После смерти Ибрагима и инцидента, закончившегося отправкой Йонис-бея в Венецию, отношения между Великим Турком и Венецианской республикой неуклонно ухудшались, и наконец султан объявил войну. 17 мая 1537 года Солиман в сопровождении двух своих сыновей, Селима и Мухаммеда, покинул Константинополь. Кампания, которую вел султан, нас здесь не касается; она была направлена против Ионических островов, которые с 1401 года находились во владении Венеции. 18 августа Солиман осадил Корфу и был катастрофически разбит, высадив своих людей 7 сентября, потеряв тысячи в бесплодной атаке на крепость. Он вернулся в Константинополь совершенно обескураженным. Это была седьмая кампания, которую султан провел лично, но первая, в которой рядом с ним не было всегда верного Ибрагима.

Однако это поражение от рук венецианцев было не единственным унижением, которое ему суждено было испытать в этом катастрофическом году; ведь Дориа, этот бич мусульман, снова вышел на свободу и стал орудовать в непосредственной близости от Корфу, где турки потерпели поражение. 17 июля Андреа вышел из порта Мессины с двадцатью пятью галерами, захватил десять богато нагруженных турецких кораблей, выпотрошил и сжег их. Хейр-эд-Дин в это время находился в море, но великим соперникам не суждено было встретиться по этому поводу. Вместо Барбароссы Андреа сошелся с Али-Чабелли, лейтенантом Санджак-бея из Галлиполи. 22 июля генуэзский адмирал и турецкий командующий из Дарданелл встретились к югу от Корфу, у небольшого острова Паксо, и завязалось остросюжетное сражение. Она закончилась поражением Али-Чабелли, чьи галеры были захвачены и отбуксированы Дориа в Паксо. Этот ветеран-боец сам оказался в самой гуще схватки и, выделяясь в своем малиновом дублете, был объектом внимания метких стрелков Чабелли на протяжении всего боя. Несмотря на тяжелое ранение в колено, адмирал отказался спускаться вниз до тех пор, пока победа не будет гарантирована. В это время его окружала преданная группа дворян, поклявшихся защищать личность своего адмирала или умереть в его защиту. Его портрет в это время набросал для нас доминиканский монах, падре Альберто Гульель-Мотто, автор книги "Пиратская война и Папская морская гавань с 1500 по 1560 год". Описание гласит следующее: "Андреа Дориа был высокого роста, лицо овальной формы, лоб широкий и властный, шея мощная, волосы короткие, борода длинная и веерообразная, губы тонкие, глаза яркие и пронзительные".

И снова он победил офицера Великого Турка; и можно отметить, что Ибрагим, вероятно, был совершенно прав в оценке, или, скорее, в отсутствии оценки, в которой он держал морских офицеров своего господина, поскольку они, похоже, были неполноценны во всех качествах, кроме личной доблести, и в их столкновениях с Дориа и рыцарями почти неизменно терпели поражение. Ради ислама, ради престижа мусульманского оружия на море Барбароссе пора было снова взять дело в свои руки.

Осень 1537 года показала, что старый морской волк не утратил своей хитрости, что его последователи были так же ужасны, как и прежде. Казалось, какое значение имеет то, что венецианцы и каталонцы, генуэзцы и французы, андалузцы и жители Архипелага объединились в союз против общего врага? Разве не тщетно бороздил моря рыцарь Андреа, и разве не тщетны были все усилия рыцарей Святого Иоанна, когда сын митиленского ренегата и его жена-христианка вышли из Золотого Рога? В чем же магия этого человека, с отчаянием спрашивали они, что никто не смог одержать над ним верх? Разве не сообщалось, что Карлос Квинто, великий император, изгнал его из Туниса загнанным беглецом, разбитым и без гроша в кармане, без галеры и без единого дуката в кармане? Неужели он настолько отличался от всего остального человечества, что его приверженцы

держались за него как в дурных слухах, так и в пору его процветания? Мужчины клялись, а женщины перекрещивались при упоминании его имени.

"Грозным, как армия со знаменами", был Хейр-эд-Дин в это насыщенное событиями лето: дела с флагом полумесяца шли плохо, падишах был неприступен в своем дворце, задумчиво размышляя о том, что "могло бы быть", если бы он не продал свою честь и жизнь своего единственного друга, чтобы удовлетворить злобу дьяволицы; присутствующие при султানে трепетали, ибо юмор деспота был поистине черным.

Но "настоящий морской человек" должен был в какой-то мере утешить его за то, что он потерял; никогда в его собственной истории - и ни с чем другим ее нельзя было сравнить - король корсаров не совершал столь плодотворных набегов. Он опустошал берега Адриатики и острова Архипелага, тысячами привозил рабов, а к концу года собрал в арсенале в Стамбуле восемнадцать тысяч. Велико было ликование в Константинополе, когда сам Адмиралиссимус вернулся из последней экспедиции против неверных; стихли голоса, намекавшие на недовольство - кто из них мог привезти четыреста тысяч золотых? Какой мореплаватель мог преподнести Великому Турку столь разнообразные и великолепные подарки?

По прибытии Барбаросса попросил разрешения поцеловать порог дворца султана, и, получив милость, совершил свой триумфальный въезд. Двести невольников, облаченных в алые одежды, несли кубки из золота и фляги из серебра, за ними шли еще тридцать человек, каждый из которых пошатывался под огромным кошельком с блестками; еще двести несли ошейники из драгоценных камней или тюки с самыми дорогими товарами; еще двести были нагружены мешочками с мелкой монетой. Конечно, если Солиман Великолепный потерял великого визира, то ему удалось найти адмирала!

Все первые месяцы 1538 года верфи Константинополя гудели от бешеной активности, ведь Солиман распорядился, чтобы морская кампания этого года началась не менее чем со ста пятьюдесятью кораблями. Однако его адмирал не согласился с этим решением; перед визирями он бушевал и бушевал. "Слушайте, - сказал он, - о люди земли, ничего не понимающие в морских событиях! К этому времени Салех-Реис, должно быть, вышел из Александрии, ведя к Босфору двадцать кораблей, наполненных богатейшими товарами; если он столкнется с проклятым генуэзцем Дориа, где тогда будет Салех-Реис, его галеры и его конвой? Я скажу вам: корабли в Генуе, галеры сожжены, Салех-Реис и все его моряки прикованы к скамьям гребцов".

Визири задрожали, как люди, когда Барбаросса ворвался в город и обратил на них страшные глаза, не знавшие ни страха, ни жалости. "Мы всего лишь люди, - отвечали они, - и наш повелитель султан так распорядился".

"У меня сорок галер, - ответил корсар, - у вас еще сорок. С ними я выйду в море; но, заметьте, - продолжал он, несколько смягчившись, - вы справедливо опасаетесь недовольства султана, и я тоже не желаю с ним сталкиваться; но суда, собранные и снаряженные в спешке, будут мне мало полезны. Во имя Аллаха милосердного и его святого Пророка дайте мне мои восемьдесят галер и отпустите меня".

В Хейр-эд-Дине Барбароссе здравый стратегический инстинкт шел рука об руку с отчаянной доблестью корсара. Мешкать в Золотом Роге, пока столь богатая добыча находится в море, чтобы ее подхватили христианские враги, было совершенно противно его инстинктам: никогда не упускать шанса в игре жизни всегда было его руководящим принципом.

Солиман, каким бы великим человеком он ни был, не обладал той непреклонной твердостью характера, которая позволяла его адмиралу рисковать всем в трудную минуту; или, возможно, великому турку не хватало той ясности стратегического инстинкта, который никогда и ни при каких обстоятельствах не отказывается от настоящего преимущества ради того, что может обернуться удачей в сомнительном будущем. Солиман, мрачный, угрюмый и неприступный, сидел в своем дворце и размышлял о несчастьях, выпавших на его долю после смерти Ибрагима. Барбаросса, так недавно потерявший практически все, чем владел, и достигший возраста, в котором большинство людей не имеет надежд на будущее, был так же ясен умом, так же неустрашим духом, как если бы он был на полвека моложе: быть еще раз с теми, кого он победил и лишил собственности, было единственным, что занимало его мысли. Захват Салех-Рейса и его конвоя стал бы триумфом, о котором он не мог даже думать. Кроме того, это еще больше деморализовало бы морские силы султана, которые так нуждались в поразительном успехе после поражений, которые так часто выпадали на их долю. Султан решил, что необходимо сто пятьдесят кораблей, но его адмирал считал иначе. Слишком многое было поставлено на карту, чтобы он мог медлить в Константинополе; его пламенная энергия сметала все на своем пути, и в концов он добился своего. 7 июня 1538 года он, наконец, одержал победу над колебаниями визирей и вышел в море с восьмьюдесятью парусами.

Султан из своего киоска, окна которого выходили на Босфор, пересчитал корабли.

"Всего восемьдесят парусов; это все?" - спросил он.

Дрожащие визири распростерлись перед ним.

"О наш повелитель, падишах, - вскричали они, - Салех-Рейс идет из Александрии с богатым конвоем; где-то скрывается проклятый Андреа Дория; необходимо было, о Великолепный, послать помощь".

Наступила пауза, во время которой сердца людей бьются так, как бьются сердца тех, кто не знает, что следующий миг может стать для них последним на земле.

Султан смотрел из окна на удаляющиеся корабли в молчании, подобном молчанию могилы. Наконец он повернулся:

"Пусть будет так, - коротко ответил он, - но проследите, чтобы подкрепление не задерживалось в пути".

Если на верфях и была раньше активность, то она не шла ни в какое сравнение с той напряженной работой, которую предстояло проделать впредь.

Перед началом экспедиции Хейр-эд-Дин ввел новшество в комплектование некоторых из самых мощных своих галер, которое имело огромное значение и должно было в огромной степени способствовать успеху его будущих морских предприятий. По обычаю, на османских галерах всегда гребли христиане, захваченные и порабощенные; разумеется, на галерах их противников все было наоборот. На галерах XVI века перевозилось огромное для их размеров количество мужчин, а средний корабль такого типа имел на борту около четырехсот человек; из них, однако, пропорция составляла двести пятьдесят рабов на сто пятьдесят боевых мужчин. Теперь Хейр-эд-Дин настаивал на том, чтобы определенную часть его самых мощных судов гребли боевые мусульмане, чтобы в день битвы гребцы могли участвовать в бою, а не оставаться прикованными к своим скамьям, как это было принято у рабов. Влияние корсара в Константинополе свидетельствует о том, что он смог добиться такого изменения в составе некоторых своих экипажей; должно быть, это произошло при

активном содействии султана, поскольку никакая власть, менее могущественная, чем власть самого государя, не могла бы побудить свободных людей взять на себя ужасный труд гребца на галере. Из-за невыносимых тягот жизни это было уделом несчастных рабов с обеих сторон, и результаты в том темпе, с которым галера двигалась по воде, обычно достигались путем нещадного применения плети по обнаженным телам гребцов.

Этот человеческий материал расходовался самым расточительным образом, поскольку у командиров не было стимула хорошо относиться к гребцам с той экономической точки зрения, которая заставляет человека так использовать свое тягловое животное, чтобы получить от него наилучшую работу. На галере, когда раб больше не мог грести, его выбрасывали за борт, а на его место ставили другого.

Однако адмирал, даже при поддержке падишаха, не мог укомплектовать большой флот галер мусульманскими гребцами, и, поскольку в движущей силе ощущалась нехватка, первым делом он занялся сбором рабов, для чего посетил острова Архипелага. Жребий несчастных обитателей этих островов был поистине тяжел. Они находились ближе к очагу мусульманской власти, чем любые другие христиане; в те времена они были совершенно неспособны противостоять силовому нападению, и поэтому были сметены тысячами.

Семь островов закрывают вход в залив Воло. Ближайший к побережью - Скиатос, который также является самым важным; его защищала крепость, построенная на скале. Этот замок был атакован Барбароссой, который шесть дней обстреливал его, взял штурмом и расправился с гарнизоном. Он пощадил жизни жителей острова и таким образом обеспечил три тысячи четыреста гребцов для своих галер. Он должен был обеспечить моторной энергией ожидаемые им подкрепления. В июле он получил из Константинополя девяносто галер, а из Египта прибыл Салех-Рейс, которому удалось избежать ужасного Дориа, еще с двадцатью; таким образом, флот был полностью укомплектован.

Барбаросса разорил Скиос, Андрос и другие острова, обложив их контрибуцией, и таким образом собрал около восьми тысяч дукатов; от пера морских свинок до королевского выкупа - ничто не ускользнуло из пасти этого самого хищного из корсаров. Кандия и некоторые другие острова принесли небольшую добычу, но страдания таких незначительных людей, как несчастные островитяне, вскоре потерялись для христианского мира в масштабах событий, которые теперь надвигались.

Хейр-эд-Дин Барбаросса, корсар, адмирал и король, бич Средиземноморья, и Андреа Дориа, принц Онегии, адмирал современного Сезара, Карл V., император и король, наконец-то встретились лицом к лицу.

ГЛАВА XII

ПРЕВЕССКАЯ КАМПАНИЯ; СБОР ФЛОТОВ

Примерно в тридцати пяти милях к юго-востоку от мыса Бьянко (самой южной точки острова Корфу) находится Превеса, у входа в залив Арта, или, как его называли в классические времена, Амбракийский залив. В этом море в 31 году до нашей эры произошло одно из самых памятных сражений древности, ведь именно здесь Октавий, впоследствии Август Сезар, разбил войска Антония и Клеопатры. В последние годы ведется много споров о том,

кому принадлежит идея прорыва линии в морских сражениях: так или иначе, она может претендовать на почтенную древность, поскольку была применена в битве при Актиуме Октавием, который искусным маневром заставил Антония удлинить свою линию, которую он затем прорвал и атаковал корабли Клеопатры, находившиеся в поддержке: это было слишком для дамы, которая бежала со своими шестьюдесятью кораблями, за которой последовал Антоний, к своему вечному позору. Оставшаяся часть его флота некоторое время храбро сражалась, но в конце концов была разбита, а сухопутная армия также сдалась Октавию. Дата фактической битвы при Актиуме - 2 сентября 31 года до н.э.: именно в сентябре 1538 года 190 состоялась битва при Превезе между Андреа Дориа и Хейр-эд-Дином Барбароссой, условия которой были почти полностью аналогичны.

На этом самом месте спустя 1569 лет сошлись христианин и мусульманин, полумесяц и крест, каждый под началом своего самого знаменитого вождя, каждая сторона пылала неистребимой ненавистью. Одна из особенностей этой войны заключалась в том, что в нее было вложено так много реальных личных чувств, что каждая сторона ненавидела другую из любви к Богу самым ядовитым образом. За исключением битвы при Лепанто в 1571 году (о которой мы расскажем позже в истории Али Баши, или Оккиали, как его называли противники-христиане), сражение при Превезе было самым важным из всех, когда-либо происходивших на этих странных судах, движимых веслами, известных как галеры. Оно было памятным во многих отношениях, но особенно в связи с возрастом главнокомандующих. Андреа Дориа было уже семьдесят лет; на самом деле Гульельмотти указывает дату его рождения как 1466 год, что делает его на два года старше. Удивительному ветерану Хейр-эд-Дину Барбароссе, который умер в своей постели в Константинополе 4 июля 1546 года в возрасте девяноста лет, должно быть, было восемьдесят два. Виченцо Капелло было шестьдесят восемь, поскольку эпитафия на его могиле в Венеции в церкви Санта-Мария-Формоза гласит, что в год смерти, 1542, ему было семьдесят два года.

Христианство снова готовилось к решительным действиям против корсаров, и в то время, когда Барбаросса совершал набеги и опустошал острова Архипелага, христианский флот постепенно собирался. Сначала он насчитывал около 150 галер, 81 венецианскую, 36 папских и 30 испанских; в последний момент Карл V прислал 50 кораблей, на которых было размещено 10 000 солдат. В общей сложности это составило от 59 000 до 60 000 человек, 195 кораблей и 2 594 пушки. Это, несомненно, была самая грозная армада, но политика тех, кто ее составлял, не была направлена на достижение одной и той же цели. В то время как Карл желал, прежде всего, истребить корсаров навсегда, что было, с учетом обстоятельств, единственным разумным взглядом на дело, венецианцы выступали за оборонительные действия, чтобы сохранить свое господство на Ионических островах, и были склонны предоставить будущее заботиться о себе. Вследствие этого среди различных командиров экспедиции не было того абсолютного единодушия, которое было необходимо для ее полного успеха.

Сосредоточение христианского флота произошло на Корфу. Первыми прибыли венецианцы с Винченцо Капелло во главе; Марко Гримани привел папский контингент; они бросили якорь и ждали, но Андреа Дориа не появлялась. Дни тянулись неделями, а Гримани и Капелли все раздражались и раздражались; провизия была на исходе, а достоинство Венеции и папы попиралось этой странной беспечностью адмирала императора. Наконец, взбешенный нетерпением, Гримани предпринял вылазку в залив Арта, вход в который защищала крепость Превеса. Единственным результатом этой несвоевременной атаки стало то, что два папских капитана и несколько солдат были убиты. После этого Гримани вернулся на Корфу, где застал Капелло, до крайности раздраженного неявкой Дориа.

Наконец, 5 сентября, императорский флот появился в поле зрения. Он состоял из сорока девяти галер, но к ним добавилось большое количество парусных судов; парусники, однако, прибыли только 22 сентября. Эти суда постепенно появлялись у испанцев с момента открытия Нового Света.

В это время венецианцы располагали четырнадцатью нефами. Дориа дополнил их двадцатью двумя своими, и в общей сложности тридцатью шестью командовал Франко Дориа, племянник адмирала. Венецианскими нефами командовал Алессандро Кондальмиери, капитан *венецианского галеона*. Это было самое грозное боевое судно в Средиземноморье; его считали отличным моряком, оно было самым хорошо вооруженным парусным кораблем на плаву; по мнению современных моряков, оно было "непобедимой крепостью".

У Дориа, Гримани и Капелло было около 200 кораблей, на которых находилось почти 60 000 человек. Такая сила во все века считалась великой. Вильгельм Завоеватель завоевал Британию с меньшим числом; это почти половина всего личного состава британского флота в наши дни, который должен защищать страну с 40 000 000 жителей, и вся эта сила была собрана, вооружена и оснащена для борьбы с мусульманским корсаром.

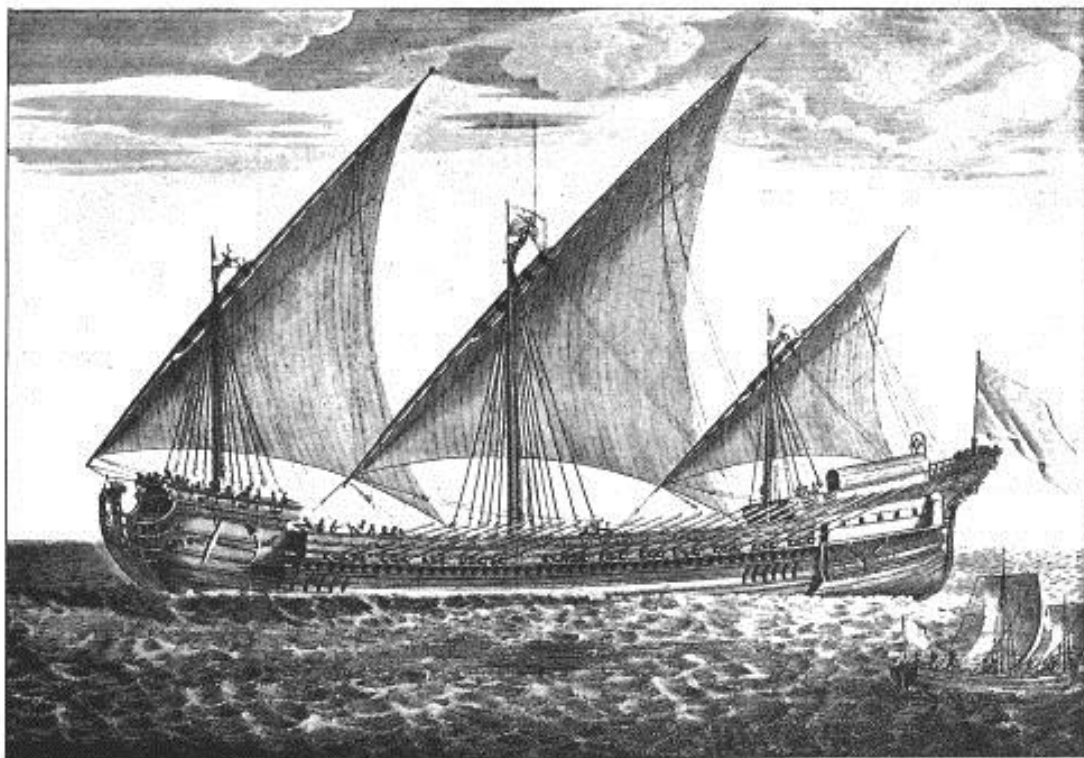
Барбароссе удалось собрать 122 корабля. Его сопровождали все самые знаменитые корсары того времени, среди которых был Драгут, павший при осаде Мальты, и о котором мы еще расскажем в свое время. Далеко-далеко пронеслись стремительные галеры османского флота, ведь план командующего мусульман состоял в том, чтобы по возможности обнаружить и уничтожить своих врагов во всех подробностях. Наконец до него дошла весть, что корабли Гримани замечены в заливе Арта. Не теряя ни минуты, он обрушился на папский контингент всеми своими силами и полностью уничтожил его. Таков, по крайней мере, был его план, когда он отплыл в Превезу; но, несмотря на поспешность, он опоздал. К счастью для себя, Гримани вернулся на Корфу до прибытия своего врага.

В этот момент Барбаросса замешкался; если бы он этого не сделал и последовал за Гримани в Корфу, то мог бы уничтожить и его, и Винченцо Капелло в деталях еще до прибытия Дориа. Кампания в Превезе - любопытное исследование колебаний с обеих сторон, и естественно возникает мысль, не были ли корсары и христианские главнокомандующие слишком стары для того дела, которым они занимались? Мужчины старше семидесяти лет, как правило, не порывисты, а серьезны и взвешенны; но нет правила без исключений, и Дориа с Барбароссой не были такими, как другие полководцы. До сих пор их лихость и инициатива оставались неизменными. Не было никаких сомнений в том, что Барбаросса не только совершил ошибку, замешкавшись, но и проиграл игру. Вместо того чтобы сразу нанести удар, он сделал то, чего не делал никогда за всю свою карьеру, - отправился в Константинополь за инструкциями. Несколько его галер захватили у острова Корфу рыбацкое судно, команда которого видела флот Дориа. Предводитель мусульман послал самих рыбаков доложить Солиману о том, что они видели, и запросить и привезти инструкции от этого властителя. Барбаросса понял, что шансы очень велики против него, настолько, что ему придется действовать в обороне. Поэтому он взял курс на Превесу и вошел в залив Арта, к которому ведет длинный узкий пролив, над которым возвышается замок Превеса. Войдя в залив, он поставил свои галеры на якорь в таком положении, чтобы они могли вести огонь прямо в море, тем самым подавляя своим огнем любое судно, пытающееся войти.

Теперь Барбаросса занимал ту же позицию, что и Октавий в бою с Антонием. Роль последнего полководца теперь занимал Дориа. У Антония, как и у Дориа, были тяжелые

корабли, которые не могли перейти в атаку из-за слишком большой осадки. Октавий с его легкими кораблями мог как атаковать, так и отступить в безопасное место, если бы его переиграли.

22 сентября Дориа, собрав все свои корабли, отдал приказ наполнить их дровами, водой и свежей провизией. 25 сентября, под звуки трубы, главнокомандующий с флотом в двести парусов снялся с якоря и понесся по ветру на юг. Гримани командовал передовым отрядом, Дориа находился в центре, Винченцо Капелло со своими венецианцами прикрывал тыл. Сформированные в две колонны, нефы следовали за галерами; перед ними шел *венецианский галеон* под командованием Кондальмиеро, который сам был эскадрой.

ГАЛИАС ПОД ПАРУСАМИ.

От якорной стоянки в Корфу до входа в залив Арта около пятидесяти восьми миль, и, преодолев это расстояние в светлое время суток, с наступлением ночи флот бросил якорь у мыса Превеса. Галеон, который выступал в роли того, что мы сейчас называем проводником флота, стоял на якорю в шестнадцати футах воды, которых едва хватало, чтобы удержаться на плаву.

Залив Арта, в котором, как мы уже говорили, стоял на якорю флот мусульман, отличается весьма любопытными физическими особенностями: его длина с востока на запад составляет двадцать две мили, а ширина с севера на юг - пятнадцать миль. Благодаря конфигурации суши этот водный массив превратился в огромный залив, а его глубина местами составляет от ста тридцати до двухсот футов. Внутри него могли бы стоять на якорю все флоты мира, если бы не тот факт, что вход закрыт баром, глубина которого колеблется от шести с половиной до тринадцати футов. Барбаросса со своими легкими кораблями занимал внутреннюю позицию, в то время как тяжелые корабли Дориа в любом случае должны были оставаться снаружи. На берегу дул сильный морской бриз; всю ночь нефы и галеры едва не заваливались набок. Можно представить себе, как страдали и испытывали неудобства

экипажи этих переполненных судов. Утром 26-го числа, однако, западный ветер стих, и с севера поднялся легкий ветер.

Положение в это время было чрезвычайно интересным. Наконец-то два самых знаменитых морских капитана того времени оказались лицом к лицу. Каждый из них знал, что его противник достоин его стали, и что от этого конфликта зависели великие вопросы, политические и национальные; это было не просто дело аванпостов, а борьба насмерть за то, кто - Полумесяц или Крест - будет в будущем верховодить в безбрежном море. И все же - такова ирония судьбы - эта битва оказалась нерешающей, и только тридцать лет спустя, в битве при Лепанто, этот судьбоносный вопрос был на время решен.

Пойдет ли Дориа, очень смелый, в атаку на укрепленную позицию, рискуя всем; или Барбаросса сделает вылазку и будет сражаться насмерть на стихии, на которой он был в высшей степени уверен в себе?

Но Дориа не собирался атаковать флот, стоящий на якоре под пушками крепости; Барбаросса не стал бы рисковать всем в столкновении с противником, обладающим большим численным превосходством, без приказа из Константинополя. Со стороны Дориа ничто, кроме высадки и сухопутной атаки, не могло обеспечить успеха; Хейр-эд-Дин, занимавший, как мы уже говорили, внутреннюю позицию, прекрасно понимал это обстоятельство и в этот решающий момент своей карьеры не собирался упускать никакого преимущества. Положение, в котором оказался Хейр-эд-Дин в битве при Превезе, в определенном смысле отличалось от того, которое он занимал раньше, поскольку в данном случае ему мешало чувство ответственности адмиралиссимуса перед Великим Турком. То, что происходило на далеких берегах Африки, мало волновало монарха, и он предоставлял своему адмиралу полную свободу действий; здесь же, в Европе, на берегах Греции, так близко к его собственной столице, дело обстояло совсем иначе, и Солиман был в курсе всех событий на своем флоте, насколько это было возможно в те дни. Но если великий корсар и не прибавил себе репутации в этой богатой событиями кампании, он все же проявил способность к осознанию ситуации, которую, как можно с уверенностью сказать, не демонстрировал никто из тех, кто находился под его командованием.

Превеса, как никакая другая акция, иллюстрирует нам трудности, с которыми, должно быть, всегда был сопряжен путь партизанского лидера в эти дни; и как получилось, что личное превосходство стало единственной силой, на которую такой лидер должен был уповать; Всю свою жизнь он командовал недисциплинированными пиратами, и вот теперь, когда он был должным образом аккредитованным офицером могущественного монарха, когда он мог ожидать гораздо большей дисциплины и подчинения, чем когда-либо в прошлом, он столкнулся с непокорностью, которую не смог подавить, и был вынужден предпринять шаги, которые, по его собственному непревзойденному знанию войны, он знал, что обречены на катастрофу.

Окружавшие его рейсы, или капитаны мусульманских галер, шумно требовали, чтобы он принял меры предосторожности против нападения на сушу. Правда, набег, предпринятый Гримани, был легко отбит, но в нынешних обстоятельствах не могло быть и речи о простом набеге, поскольку, если христианский адмирал решит, он сможет высадить двадцать тысяч человек. Синан Рейс, старый османский воин, разъяренный ревностью к тому, что главное командование окажется в руках корсара, отстаивал свое мнение так, что это не предвещало сердечного сотрудничества со всеми турецкими силами. Синан был одним из тех слеподоблестных бойцов, от которых политичный Ибрагим хотел избавить своего господина, когда настаивал на назначении Хейр-эд-Дина: храбрый, как лев, острый, как острие своего

собственного скимитара, фанатичный, как ходжа, посетивший Святые места, Синан представлял собой тип турецкого морского офицера: лишенный стратегического чутья и тактической подготовки, его единственной идеей была стремительная атака, затем победа или райские кущи. Как видно, Барбаросса имел в своем распоряжении не только Дория, но и христианский флот и армию, с которыми ему предстояло сразиться.

Опасность, придуманная Синаном Рейсом по этому случаю, была не совсем воображаемой: идея высадки, в сущности, серьезно обсуждалась тем же утром Андреа Дория и его военным советом, на котором Эрнандо де Гонзага, генералиссимус высаживающихся войск, посоветовал высадиться. Его аргументы, изложенные в длинной и техничной речи, можно свести к следующему:

"Если мы не можем пойти прямо на врага и пробить себе путь через вход под его пушками, почему бы нам не взять крепость Превеса в осаду? Овладев этой высотой, мы могли бы закрыть пролив, затопив в нем суда, нагруженные камнями, и тогда османский флот был бы у нас в милости".

Но моряк Дория не хотел идти на поводу у солдата Гонзаги. Он сказал:

"Совет кажется разумным, но на деле он окажется очень опасным, если ему последовать. Барбаросса наверняка высадил часть своих людей, конница, разгромившая набег Гримани, несомненно, при необходимости снова придет из внутренних районов. Если мы лишим наши корабли их солдат, то подвергнем себя опасности морского боя в самых невыгодных условиях. Но важнее всего то, что время поджидает; сезон уже далеко; в любой момент флот может быть отогнан от этих берегов штормом, и что тогда станет с оставшимися на берегу войсками? Опять же, если с запада подует шторм, мы можем потерять не только войска, но и корабли, то есть всю экспедицию".

В битве при Актиуме Октавий занял берег, на котором Эрнандо Гонзага хотел высадиться и напасть; но, несмотря на это, Октавий не стал пытаться переправиться через залив, а ждал врага снаружи. Поэтому Дория был тем более оправдан, что не стал жертвовать кораблями и людьми, пытаясь форсировать вход, теперь, когда этот же берег находился в руках врага. Его просили, по его словам, просунуть голову в пасть волка, и он твердо решил этого не делать.

Тем временем Барбаросса обращался к своим капитанам почти тем же языком, что и Дория.

"Братья мои, - говорил он, - вы хотите перевезти пушки и возвести редуты на этом незащищенном берегу, потому что думаете, что христиане высадутся и захватят его: если вы попытаетесь это сделать, я скажу вам, что пушки врага будут ужасно досаждать вам. Мало того, если предположить, что Дория, пользуясь тем, что на наших судах нет войск, нападет силой, мы не сможем с пятью тысячами человек отбить двадцать тысяч. Форт Превеса будет достаточно хорошо защищаться своим собственным гарнизоном; наше дело - думать о флоте и ни в коем случае не ослаблять наши средства нападения и обороны. Если неверные заставят или попытаются силой войти в порт, они, скорее всего, просто потеряют время и боеприпасы, обстреливая нас из пушек. Вы знаете, что эти проклятые псы уповают главным образом на это, в то время как мы, о люди ислама, будем уповать на Бога, на Магомета, его пророка, на силу нашего правого оружия, на остроту наших скимитаров; мы возьмем их на abordage, поэтому мы должны держать наши экипажи на борту".

Но у Барбароссы не было того абсолютного господства над войсками под его командованием, которое должно было бы быть обязательным правом любого лидера. Синан-

Рейс, непримиримый старый османли в тюрбане, относился к нему с горьким презрением. "Ваш совет, может быть, и хорош, - ответил он, - но мы считаем, что наш план лучше".

Адмирал предложил провести разведку местности, которая была лишь уловкой, чтобы выиграть время. Она была проведена под его личным наблюдением и подтвердила его мысль о том, что высадка - это глупость; но Синан-Реис и янычары упорно придерживались своего мнения, а "джолдаки", или турецкие солдаты на галерах, ворчали между, что Хейр-эд-Дин должен быть полон тщеславия, чтобы отвергать советы такого человека, как Синан-Реис.

Оба главнокомандующих, христианский и мусульманский, в данном случае, похоже, абсолютно правильно оценили проблему, как она была представлена; но в то время как Андреа Дория был настоящим главнокомандующим, Барбаросса был вынужден считаться с мнением людей, которые, как он знал, были неправы, и уступать им.

Вопреки здравому смыслу Хейр-эд-Дин наконец уступил; люди поддерживали своих офицеров, в армаде царил дух недовольства: мудрый вождь должен оценить его истинную ценность и остановить, пока он не зашел слишком далеко. Османлы роптали на "корсаров"; пришло время показать им, кто обладает большей мудростью - они или их измученный войной вождь.

По мнению мусульманских летописцев, доблесть Хейр-эд-Дина равнялась только его набожности; поэтому он пробормотал молитву в свою знаменитую бороду, которая теперь была гораздо ближе к белой, чем к рыжей, и отдал приказ немедленно высадить пушки. "Да свершится воля Бога и Его пророка; что написано, то и произойдет", - воскликнул этот благочестивый человек, наблюдая за приготовлениями, которые велись под руководством Мурада-Реиса.

И "свершилось" именно то, что с самого начала предсказывал главнокомандующий: едва Мурад-Реис высадился на открытый пляж и попытался открыть траншею, как был встречен яростным и сосредоточенным огнем с галер и неф христианского флота. В сложившихся обстоятельствах окопаться было невозможно, о чем им сообщил адмирал еще до того, как они пустились в эту безрассудную авантюру. Результат мог быть только один: после жестокой и совершенно бесполезной бойни солдаты Мурад-Реиса вынуждены были отступить под градом выстрелов, сыпавшихся на них, и с позором вернуться на свои корабли.

Не сохранилось сведений о том, что Хейр-эд-Дин сказал Синану, Мураду и другим тактикам, которые рекомендовали высадку; что, возможно, очень жаль.

Затем Дория сделал пробное движение к проливу с отрядом галер; Барбаросса выслал против них равное число, и в течение дня они вели взаимную канонаду и перестрелку. Было много шума и волнения, но практически ни одна из сторон не получила преимущества, так как люди Дория не могли рисковать, проходя мимо пушек форта, а люди Барбароссы не могли рисковать быть обстрелянными тяжелыми судами, поджидавшими их снаружи. Так день и завершился, не принеся успеха ни одной из сторон, но убедительно продемонстрировав мусульманам, что если они хотят победы, то их адмиралу лучше оставить организацию, с помощью которой она будет достигнута.

Действительно ли Дория желал сражения, мы никогда не узнаем; несомненно то, что в течение всего времени, пока флоты находились в контакте, все его действия говорили о том, что не было ничего, чего бы он так сильно боялся. И все же это был шанс всей его жизни; он имел превосходство в численности, у него были доблестные и опытные командиры и шестьдесят тысяч человек, жаждущих битвы, под его командованием. Кроме того, у него был

шанс, который, если бы он им воспользовался, должен был закончиться победой, если бы те, кто находился под его командованием, сражались так, как он имел все основания полагать, что они будут сражаться. Как бы то ни было, он отбросил подарок судьбы и оставил османам практическое господство на Средиземном море до того великого дня в 1571 году, когда дон Иоанн Австрийский, естественный сын Карла V., доказал всему миру в Лепанто, что турки не были непобедимы на воде.

Правда, Дориа был неудобно расположен; Хейр-эд-Дин занимал внутреннюю позицию, и этот лидер был убежден в том, что "если Брэг - хорошая собака, то Холдфаст - еще лучше". Он прекрасно осознавал свою численную неполноценность и, как следствие, отказывался слушать неистовые призывы возбужденных мусульман идти против христианских псов. Может показаться противоречием в терминах говорить о моральном мужестве пирата; но если когда-либо это качество проявлялось в полной мере, то Барбаросса продемонстрировал его в Превской кампании. В его интеллектуальном взгляде на все, что происходило как в заливе Арта, так и за его пределами, в сентябре 1538 года мы видим Хейр-эд-Дина в его лучшем виде. Будучи всегда бойцом, он знал, когда дать бой, а когда воздержаться, когда броситься на врага, а когда сдержаться и сбить с толку, дожидаясь психологического момента. Вокруг него хлопотали Синан-Рейс, Мурад-Рейс и еще полсотни их сородичей; они бросали оскорбления на его голову, они поносили "корсара", они практически подстрекали свои войска к мятежу в своих безумных призывах идти против врага.

Но "корсар" сохранил голову, сохранил самообладание и спас османский флот для своего хозяина от его великого соперника Дориа. Этот благородный генуэзский мореплаватель раз в жизни "позволял себе не ждать того, чего хотел бы"; он не отдавал приказа об атаке, которой ждали его люди, и никакие провокации, очевидно, не могли склонить Барбароссу сыграть роль Антония с Октавием Дориа; христианский адмирал в это время года искушал Провидение, держась в море у враждебного побережья, на которое в любой момент его могла выгнать буря. Его старый и опытный антагонист прекрасно понимал, что ветры и волны могут избавить его от необходимости уничтожать флот противника; равноденственный шторм сделает это гораздо эффективнее, чем он. Если у Дориа было тревожное сознание, что он может в любой момент увидеть берег, заваленный галерами без весел и разобранными на части нефами, а море - утопающими, то такое же видение было дано и его невозмутимому противнику. Если бы все зависело от инициативы Барбароссы, его фабианская тактика, несомненно, победила бы в конце концов; но его окружала шумная толпа людей, солдат по профессии, которые, ничего не понимая в морских событиях, просто высмеивали как трусость любое откладывание того, что они считали неизбежным сражением. Адмирал султана держался до тех пор, пока это было возможно, но в конце концов, в связи с новым обстоятельством, был вынужден, вопреки здравому смыслу, предложить сражение, от которого он был в силах отказаться.

ГЛАВА XIII

БИТВА ПРИ ПРЕВЕЗЕ

Как Алессандро Кондальмиеро сражался с венецианским *галеоном*
"Морской царь мертв".

Есть что-то почти жалкое в том, что действительно великий полководец, которого меньшие люди уговаривают и умоляют принять курс, который он, обладая превосходной проницательностью, считает несостоятельным. В вопросе высадки Барбаросса продемонстрировал, что именно он превосходит в знании войны тех, кто был так готов навязать ему свое мнение; это, однако, не удовлетворило их, и теперь они хотели закрыться от врага, ожидавшего их снаружи. Если когда-либо полководец и был оправдан в ожидании событий, то в этот момент им был Барбаросса; дело главнокомандующего - обеспечить победу, и если он видит, как это сделал мусульманский адмирал в данном случае, что промедлением можно добиться большего, чем сражением, то он вправе отказаться от битвы: особенно это касается случаев, когда противник значительно превосходящими силами блокирует открытое и опасное побережье в ненастное время года. Каждый день, проведенный Дориа в море, усугублял его трудности, ведь пресной воды и провизии становилось все меньше, а энергия человеческих двигателей, которыми приводились в движение галеры 206, ослабевала; голые люди, прикованные к скамьям, страдали от палящего зноя днем, холода и промозглой росы ночью. Все это взвешивал в уме моряк-ветеран, все это склоняло его к тому, чтобы еще подождать на той надежной якорной стоянке, где его не тронет враг.

Однако был один советник, против которого не мог устоять даже Хейр-эд-Дин, до сих пор хранивший молчание; это был евнух Монук, законный советник Солимана, сопровождавший армию. Теперь он привлек все свое влияние на сторону Синан-Реиса и его коллег.

"Вы собираетесь, - спросил он адмирала, - позволить неверным бежать без боя? Солиман может найти много дерева для строительства новых флотов, много капитанов для командования ими; он простит вас, если этот флот будет уничтожен: он никогда не простит, если вы позволите Дориа бежать без боя. У вас много храбрых людей; почему бы не повести их в атаку?"

Терпение ветерана наконец лопнуло; никто из тех, кто знал Барбароссу, не видел, чтобы он уклонялся от сражения - об этом свидетельствует вся его карьера. Он откладывал решение по самым веским стратегическим причинам, которые подчиненные ему люди были слишком глупы и слишком предвзяты, чтобы понять: что им до разума в их слепой доблести? Они хотели только сделать или умереть, не обращая внимания на то, что их жизни могут быть потрачены напрасно. Воистину не благодаря подчиненным Хейр-эд-Дина эта кампания не закончилась катастрофой для оружия Османской Порты. Адмирала поддержали и его собственные люди, корсары, чья жизнь прошла в море, но их мнение стало лишь пылью на весах, когда всемогущий Монук встал на сторону недовольных.

"Давайте сражаться, - сказал адмирал Салех-Рейсу, - иначе этот прекрасный болтун, который не является ни мужчиной, ни женщиной, обвинит нас перед Великим Турком, и мы все, вероятно, будем повешены".

В ночь с 26 на 27 сентября христианский флот прошел около тридцати миль к югу; перед самым рассветом ветер посвежел и потянул прямо вперед; Дориа подошел к острову Санта-Маура и встал на якорь у небольшого островка Сессола.

Барбаросса решил покинуть якорную стоянку, но моряк-ветеран не скрывал от себя, что рискует: более великий морской капитан, чем он, однажды сказал, что "уничтожить можно только числом", а уничтожение было целью и мусульман, и христиан: в данном случае, однако, он знал, что может надеяться только на победу, да и то лишь в том случае, если Аллах и его Пророк будут необычайно благосклонны к его делу. Он собрал своих капитанов, многие из которых служили с ним на протяжении долгих лет его карьеры, и приказал им выстроиться

в линию: "У меня есть только один приказ: внимательно следите за моими движениями и соответственно регулируйте свои собственные".

С фустами, бригантинами, галеотами и галерами османский флот насчитывал в общей сложности сто сорок парусов. С радостными криками солдаты приветствовали команду отдать якоря, и через короткое время все медленно двинулись в сторону моря.

Решение было принято: Дориа со своей якорной стоянки в Сессоле видел море, белое от парусов противника, голубую воду, взбивающуюся в пену под ударами его весел; османский флот выходил из залива Арта, точно маневрируя и выстраиваясь в одну линию по бортам; эта линия, слегка вогнутая, то ли случайно, то ли по замыслу, напоминала форму полумесяца. Впереди шли шесть больших фуст под командованием Драгута; левое крыло как можно плотнее прижималось к берегу; османский главнокомандующий намеревался начать операции по первым принципам стратегии, обрушив все свои силы на часть сил противника.

Андреа Дориа оставался в нерешительности: он находился на подветренном берегу, а этот берег был берегом врага; хотя его противники переходили в наступление, казалось, что он не собирался сражаться: то ли он собирался, то ли нет, но он проявил удивительную медлительность, три часа колебался, прежде чем поднял якоря; наконец, он взвесил их под давлением воинственного патриарха Аквилеи Винченцо Капелло и папского капитана Антонио Гримани. Дориа рассчитывал на поддержку *венецианского галеона* и нефов; но галеон оказался на мели в четырех милях от суши и в десяти милях от Сессолы, где Дориа находился в начале боя.

Кондальмиеро послал легкий ялик с *Венецианского галеона* к главнокомандующему с требованием приказать и помочь галерам.

"Начинайте бой", - ответил адмирал, - "вам помогут".

Положение "Кондальмиеро" напоминало положение современного линкора, выведенного из строя и окруженного противниками, полностью владеющими своей движущей силой; большой галеон бездействовал на воде, а галеры могли сражаться или лететь, как им заблагорассудится. У капитана галеона, однако, не было другого выбора, кроме как сдаться или сражаться; но он не колебался, ибо более галантный офицер никогда не ступал на палубу военного корабля гордой Республики, к которой он принадлежал.

Мусульманские галеры уже приблизились к нему, хотя и находились вне зоны выстрела; вокруг него они кружили и кружили, как полет огромных морских птиц, их свирепые команды выкрикивали боевые клички, призывая Аллаха и Пророка даровать им победу, которой они жаждали; многие храбрые венецианцы, впервые услышавшие имя Барбароссы, выкрикиваемое в бою, наверняка готовились к предстоящему конфликту, зная все, что связано с этим ужасным именем. Солнце сияло в безоблачном небе, галеон лежал на мели посреди яростных и хищных врагов, помощь, обещанная Дориа, находилась в десяти милях; они не видели никакого движения, указывающего на помощь, и шансы против них были действительно велики. Но вся нервозность была не на одной стороне, ведь *галеон Венеции* был чем-то новым в морской войне того времени; он нес на себе двигатели разрушения в виде огромных пушек, с которыми корсары ни в коем случае не могли сравниться. Это им было хорошо известно, и атака была отложена, пока гребцы на галеонах отдыхали на веслах вне пределов досягаемости, чтобы дать им передышку перед наступлением решающего

момента. Но гончие были только на поводке; поступил сигнал, на который ответили концентрированным воплем ярости и ненависти; затем с правого борта, с левого и правого борта, справа по корме, галеры ринулись в атаку. Но все на борту великого венецианского корабля было неподвижно, как та смерть, которая ждала многих участников этой великой битвы.

Кондальмиеро заставил команду галеона лечь на палубу, а сам стоял в одиночестве в своих сверкающих доспехах, как метка для града выстрелов, который вскоре должен был прозвучать. Он прогремел, и вместе с ним мачта галеона с львиным штандартом Святого Марка рухнула за борт в воду; с мусульман раздались новые крики триумфа, но на борту галеона по-прежнему царила зловещая тишина. Не тронутые, невредимые, османцы продолжали вести огонь как можно быстрее, пока не оказались в полной досягаемости аркебуз. Они подходили все ближе и ближе; затем борта галеона вспыхнули огнем, и пушки, направленные в упор, прорвали атакующий строй. Кондальмиеро не оставлял шансов: он велел своим артиллеристам пускать шары рикошетом перед ударом, а не отбрасывать их, позволяя пролететь над головами врага.

Первый же залп привел к ужасному результату: шар весом в сто двадцать фунтов, выпущенный главным бомбардиром, Франциско д'Арба собственной персоной, разорвался в носу галеры так эффектно, что все ее люди перелетели на корму, чтобы предотвратить попадание воды; но судно практически раскололось на две части и затонуло через несколько мгновений. Вокруг были мертвые и умирающие люди, выведенные из строя галеры, плавающие обломки; *галеон Венеции* нанес страшный урон Османли; был отдан приказ отступить за пределы досягаемости, и никогда еще приказ не выполнялся с большей готовностью.

С точностью и аккуратностью галеон обстреливал те суда, которые оставались в пределах досягаемости, и добился отличных результатов. Но теперь его ждало еще более суровое испытание, чем первая стремительная атака. Она продемонстрировала мусульманским лидерам, что это не то судно, которое может быть захвачено просто безрассудной храбростью; дисциплинированное и упорядоченное наступление - единственный план, обещающий успех; османийцы должны использовать свой мозг так же, как и свою храбрость, если хотят сорвать этот изорванный флаг, спасенный из воды и прибитый к обрубку мачты галеона. Было что-то устрашающее в самом облике массивной массы огромного венецианца, что-то странное в том, что его команда никогда не показывалась, за исключением лишь непоколебимой фигуры капитана, неподвижного, как статуя из бронзы, где он стоял на простреленном пупе.

Этот гомерический конфликт был триумфом дисциплины и артиллерии со стороны венецианцев; бдительные, точные и хладнокровные, артиллеристы галеона не выбросили ни одного боеприпаса: вдохновленные героическим духом своего капитана, они оказали большую честь благородным традициям своих предков и службе, к которой они принадлежали, на этом пораженном поле.

Первая атака была блестяще отбита, но это была лишь предварительная часть конфликта, который должен был продолжаться весь день; мусульманские галеры отошли на расстояние выстрела и перестроились; затем эскадра из двадцати человек выдвинулась вперед, открыла огонь и отступила; ее место заняла вторая эскадра, которая проделала тот же путь, а затем наступила третья. Таким образом была проведена атака, начавшаяся через час после полудня и продолжавшаяся до захода солнца. На галеоне было тринадцать человек убитых и сорок раненых; несомненно, число жертв было бы гораздо больше, если бы не огромная

толщина его бортов и тот факт, что пушки, которые несли галеры, были обязательно легкими. Несмотря на это, галеон ужасно пострадал, он представлял собой массу обломков; дважды на его борту вспыхивал пожар, он был завален поваленными мачтами, избитый почти до неузнаваемости, но все же Кондальмиеро и его доблестная команда сражались невозмутимо, не помышляя о сдаче. Залитый кровью, раненый в лицо и правую ногу летящими осколками, капитан сохранял великолепное хладнокровие, а его поредевшая команда благородно откликалась на его призыв. На закате огонь с галеона был почти таким же смертоносным, как и во время первого натиска, и многие галеры турок были спасены от потопления только благодаря активности и храбрости их плотников, которые, перегнувшись через борта в "боцманских креслах", забивали огромные деревянные пробки своими киянками в пробоины, сделанные венецианскими пушками.

В час, когда солнце опустилось за горизонт, весь турецкий флот, казалось, собрался для штурма колосса, который так долго сопротивлялся их нападению; в бою наступила пауза, и стрельба стихла. Кондальмиеро и его люди приготовились к нападению, которое, как они чувствовали, было неизбежным: ведь теперь быстро наступала темнота, в которой они уже не могли видеть, чтобы стрелять, и под прикрытием которой их многочисленные враги могли нападать на них, высаживаясь в сравнительной безопасности. Наступил момент для последнего акта в этой ужасной морской драме. Весь жаркий сентябрьский день они держались с большим перевесом, и когда лучи заходящего солнца осветили их разбитый корабль, они были готовы умереть, сражаясь до последнего человека за честь Венеции и славу Святого Марка.

На борту не было ни одного человека, который хотя бы мечтал о сдаче; все пушки были заряжены до отказа пулями и битым камнем, артиллеристы со спичками в руках мрачно ожидали приказа стрелять, напрягая глаза и уши в сгущающейся темноте; через несколько минут, не более, они знали, что судьба *венецианского галеона* должна быть решена.

На борту своей галеры, украшенной по этому случаю алыми знаменами, Барбаросса сам руководил штурмом. Никогда прежде, когда битва была уже начата, доблестный корсар не отступал; но в этот раз он не только колебался, но и фактически отступил. К своему изумлению, венецианцы увидели, что ожидаемая атака не будет отбита; Барбаросса и его капитаны обрушились на несколько меньших судов: победа досталась *венецианскому галеону*.

Тем временем Дориа демонстрировал свое мастерство в тактике, когда требовался жесткий бой; он делал вид, что хочет заманить османский флот в открытое море, чтобы уничтожить их галеры с помощью широких бортов своих нефов; следовательно, он совершал бесполезные парадные движения, когда по всем правилам ведения войны должен был сомкнуться с противником, который явно уступал ему в силах; поскольку у него был попутный ветер, можно сделать только один вывод, а именно, что он не хотел сражаться.

Его маневры, безусловно, озадачили турок, которые отнеслись к его тактике с недоверием, считая ее началом какого-то глубоко продуманного плана; в их расчеты ни на минуту не входило, что великий Андреа Дориа, ужас Средиземного моря и победитель в десятках отчаянных схваток, стремился избежать боя.

Гримани и Капелло, послушные приказам своего адмирала, следовали за ним, полные тревоги и недоверия; они были боевыми людьми самого пламенного свойства; вопрос казался им самым простым: вот враг, уступающий им в силах, вот погода, зачем медлить с атакой?

"За гораздо меньшее, чем это, - говорит адмирал Жюрьен де ла Гравьер, - англичане застрелили адмирала Бинга в 1756 году". Поведение Дориа в этом случае, конечно, никогда не было объяснено; два других лидера поднялись на борт и возразили своему главнокомандующему; они не были людьми, с которыми можно было бы обращаться как с незначительными величинами на поле боя; оба принадлежали к блестящей венецианской знати, столь известной в торговле и на войне. Марко Гримани командовал папскими галерами, что само по себе являлось знаком высочайшего уважения и доверия со стороны могущественного государства, не уступающего никому по своему влиянию в цивилизованном мире. Винченцо Капелло Генрих Седьмой доверил свою королевскую особу и командование флотом, когда пересекал Ла-Манш, чтобы сразиться с Ричардом Вторым на Босвортском поле. Пять раз он занимал должность провидицы в Венеции, дважды был главнокомандующим ее флотом, бессрочно являлся прокуратором Святого Марка, ему Венеция обязана своей морской дисциплиной. Он надел в этот день мантию из малинового шелка, которой Республика одаривала своих генералов. Горький гнев был в его сердце, и, должно быть, он с горечью говорил с Дориа, который, несмотря на все уговоры, продолжал свои тщетные маневры.

В этот день была завоевана слава, но она не досталась ни Андреа Дориа, ни Хейр-эд-Дину Барбароссе. *Венецианский галеон* с Алессандро Кондальмиеро и его доблестной командой показал всем великолепный пример дисциплинированной доблести, не имеющий себе равных в летописях XVI века.

Барбаросса захватил венецианскую галеру, папскую галеру и пять испанских нефов, но от нападения на Кондальмиеро он отступил, когда приз был уже в его руках. Для остальных это был день маневрирования и тактики; тактики, когда шестьдесят тысяч человек были посажены на двести кораблей для конкретной и определенной цели на стороне христиан и под командованием их самого знаменитого адмирала; и все же перевес оказался на стороне меньших сил. Никакая последующая слава не сможет стереть это пятно с клейма Дориа и не оправдает того факта, что в самый ответственный момент своей карьеры он не смог сразиться в битве, которую он был обязан дать по чести, по совести и по долгу службы. На следующий день в Корфу подул попутный ветер, и Дориа, его корабли остались нетронутыми, целыми и невредимыми, поднял штурвал и уплыл вслед за своим флотом.

Сандоваль сообщает, что Барбаросса, смеясь при этом, имел обыкновение говорить, что Дориа даже потушил фонари, чтобы никто не видел, куда он бежал. Это был намек на тот факт - или предположение, - что Дориа в ту ночь погасил большой фонарь, который он носил с собой как адмирал.

Когда Солиман Великолепный узнал о результатах этого сражения, он приказал осветить город Ямболи, где он находился в то время, и в избытке своей радости добавил сто тысяч аспр к доходам завоевателя; в Большую мечеть были направлены процессии, и весь ислам ликовал и пел хвалу непобедимому адмиралу, который смирил в прах гордость христиан и заставил страшного Дориа бежать от флота султана.

Этот самый исторический, если не самый великий подвиг в жизни Хейр-эд-Дина Барбароссы был для него поистине триумфом; со значительно меньшими силами он изгнал с поля боя своего "соперника в славе", как он сам называл Андреа Дориа, и он совершил этот подвиг, несмотря на почти мятежное состояние своих собственных сил. Несмотря на это, слава этого дня должна принадлежать Кондальмиеро и только ему одному; один, абсолютно без поддержки, как мы видели, он вел одну из тех битв, от которых сердце замирает, когда мы читаем о них; Суровая гордость венецианского дворянина, презиравшего, как *canaille*,

пиратские отряды, на которые он нападал, нашла свое отражение в стойкой доблести главного бомбардира Франциско д'Арба и других безымянных героев, из которых состояла эта славная компания; им мы воздаем должное, которое так справедливо им причитается.

Вся кампания Превезы, как мы уже говорили, представляет собой любопытное исследование нерешительности, медлительности, абсолютного отсутствия инициативы и мужества со стороны двух главных действующих лиц драмы: то, что Дориа должен был бежать с поля боя на нетронutom корабле, лишь на одну степень менее невероятно, чем то, что Барбаросса должен был отказаться от атаки на *венецианский галеон*. Казалось бы, в этот раз каждый из великих соперников был загипнотизирован присутствием другого; всю свою жизнь они искали чести и богатства на море, они знали, конечно, что все люди в мире ислама и христианства смотрят на них как на особых чемпионов противоборствующих сект, что глаза всего мира прикованы к этой встрече их в классических водах Амбракийского залива. В результате ни один из них не был на высоте; более того, мы могли бы пойти дальше и сказать, что по этому случаю оба потерпели прискорбную неудачу. Нет никакой вины в стратегических предпосылках финального конфликта, каждый адмирал действовал с благоразумием и мудростью в той ситуации, в которой оказался. То, что Барбаросса отказался от совершенно правильной идеи не давать сражения превосходящим силам, занимая столь сильную внутреннюю позицию, как мы видели, не было его виной; и когда он снялся с якорной стоянки, подчиняясь настроению среди своих подчиненных, которым он не мог больше сопротивляться, его диспозиция, похоже, была сделана с его обычным мастерством. Однако он потерпел неудачу там, где, исходя из всей его предыдущей истории, мы меньше всего должны были ожидать неудачи, - в отказе от атаки на *венецианский галеон*; это, конечно, было непростительно, и может быть объяснено только тем, что в самый ответственный момент у него не выдержали нервы. Корабль весь день подвергался артиллерийскому обстрелу, огромный процент его команды был убит и ранен, а остальные измотаны усталостью. С мусульманской стороны, как мы видели, имелись эскадры галер, способные оказать помощь друг другу без помех со стороны Дориа, который продолжал свои бесполезные маневры на расстоянии многих миль. Если бы галеон был взят на абордаж, как это можно и нужно было сделать в сумерках, ничто не могло бы спасти Кондальмиеро и его команду: однако их сопротивление было столь упорным, что турецкие моряки опасались, что дело не выгорит; в результате битва между ними и венецианцами была затяжной, и все почести оказались на стороне христиан.

На этом мы оставим Хейр-эд-Дина Барбароссу, поскольку, хотя ему предстояло прожить еще восемь лет, прежде чем он умер в своей постели в Константинополе в июле 1548 года, в его карьере больше не произошло ничего важного.

"Доблестный, но благоразумный, яростный в атаке, дальновидный в подготовке, он считается первым морским капитаном своего времени";¹ по мере того как история его жизни разворачивалась на этих страницах, мы видели, что это был за человек, который наводил ужас на Европу, который создал себе репутацию, выделяющуюся среди всех великих людей, которыми был так богат этот век. Один из самых надежных методов оценки энергичного человека - это поиск имен тех, кто его окружал: людей, выбранных им для помощи в выполнении дела его жизни; так, читая о Наполеоне Бонапарте, мы интересуемся его маршалами, читая о Нельсоне, мы отмечаем капитанов, которые его поддерживали. В случае с Хейр-эд-Дином Барбароссой, великим человеком действия, если таковой когда-либо жил, мы не находим никаких следов преданных сторонников на том высоком командном уровне, который мы указали в приведенных выше случаях. То, что у него было достаточно преданных последователей, совершенно точно, но мы очень редко находим следы высших офицеров, к

которым он относился с презрением и оскорблениями во многих случаях; засвидетельствуйте отношение к Хасану и Веналькади. Практически нет никаких следов его домашней жизни, мы не можем обнаружить, что у него был хоть один близкий друг. Во всей истории нет другого человека, с которым его можно было бы удовлетворительно сравнить; мало кто в своем поколении обладал такой огромной властью, кто поднялся так высоко, опираясь на силу собственного интеллекта и своего характера.

1 Стэнли Лейн Пул.

Физическая сила, какая дается одному человеку на миллион, телосложение, которое ничто не может ослабить, несравненная выносливость - таковы были его телесные атрибуты: холодный, ясный и пронизательный интеллект, соединенный с невозмутимостью темперамента, позволявшей ему с бодрой философией принимать удары, от которых более слабые люди были абсолютно поражены; его взгляд на жизнь не был омрачен никакими привязанностями, а жалость была чувством, которое ему было совершенно чуждо. В этом отчете о его деяниях читатель избавлен от упоминания о зверских пытках, которым он имел привычку подвергать своих жертв по любому поводу или без него, и многие из них столь же непонятны, сколь и отвратительны. В чем он был превосходен, так это в своем ремесле моряка в эпоху, когда настоящие моряки были редкостью; на суше он часто терпел поражения, на море же, кажется, нет ни одной записи о подобном случае. В общем, в свете истории он предстает перед нами как тело, мозг и интеллект, без малейших признаков сердца. Его жизненный путь - это бесконечный шлейф крови и огня, смоченный слезами его бесчисленных жертв и сопровождаемый проклятиями тех, кого он осквернил. Но, несмотря на это, невозможно не восхищаться человеком, который своей сверхчеловеческой энергией сметал все преграды со своего пути и заставлял весь цивилизованный мир трепетать перед именем Барбароссы.

Он мирно скончался в своей постели в Константинополе в июле 1546 года, к огорчению всего исламского мира и невыразимой радости христианства. "Морской царь мертв", выраженное тремя арабскими словами, дает числовое значение 953, год хиджры, в который он умер.

В течение многих лет после его смерти ни один турецкий корабль не выходил из Золотого Рога без того, чтобы его команда не повторила молитву и не произвела салют над могилой Бешикцаха, где покоятся кости первого и величайшего из турецких адмиралов, корсара, который был одновременно адмиралом, пиратом и королем.

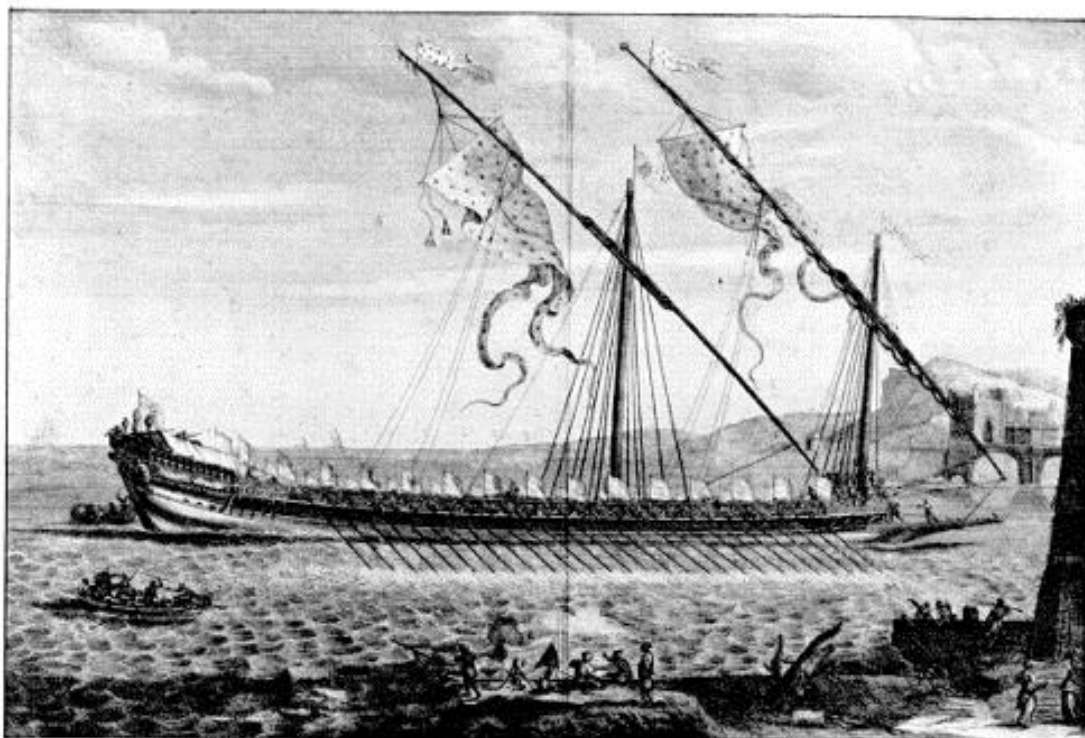
ГЛАВА XIV

ФЛОТ НА ВЕСЛАХ. ГАЛЕРА, ГАЛЕАС И НЕФ

В XVI веке военным судном в Средиземноморье было, по сути, веслоходное судно, известное нам как галера. Со временем ее постепенно вытеснил парусный военный корабль, способный нести тяжелые боеприпасы, которые легкая обшивка галеры не позволяла установить на нее; но для корсаров, живших за счет набегов и внезапных нападений, чьим бизнесом было лежать в засаде на торговых путях, мобильность галеры имела первостепенное значение, и они не могли позволить себе полагаться только на ветер в

качестве движущей силы. Галера была аналогом парового судна, поскольку в значительной степени не зависела от ветра: человеческие кости и мышцы выполняли роль двигателей, и те, кто сражался на море, перемещали себя по водной глади благодаря усилиям своих врагов. Правда, в одном случае, как мы видели, Хейред-Дин Барбаросса обладал флотом галер, гребцами которых были одни мусульмане, и эта команда после вступления в бой бросила весла, схватила оружие и помогла победить врага. 222. Но это был единичный случай, поскольку в любое время и при любых обстоятельствах было практически невозможно найти свободных людей, готовых к такой невыносимой жизни, как жизнь гребца на борту галеры; поэтому эти люди почти всегда были рабами, а в более поздние времена - осужденными преступниками, которых судьи отправляли отбывать наказание на скамью гребцов. Главной особенностью галеры была ее подвижность и, в некоторой степени, скорость, так как в течение короткого времени, когда команда гребцов была свежей, их натренированные мышцы были способны на огромные усилия; однако в течение любого длительного времени, очевидно, что скорость должна была снижаться по мере того, как гребцы истощались. Корабль был длинным, узким, с очень малым свободным бортом и небольшой глубиной трюма; галион длиной 125 футов между перпендикулярами был бы, возможно, 180 футов в длину, если учесть полую и носовую части. Балка галеры такой длины составляла бы всего 19 футов, а глубина трюма - 7 футов 6 дюймов. Парусное судно современности при той же длине имело бы ширину около 40 футов и очень высокий фриборд; следовательно, оно было медленным и неспособным идти против ветра.

В это время между парусным судном и галерой была проведена настолько четкая грань, что фактически использовалась совершенно разная терминология, то есть названия таких вещей, как мачты, паруса, руль, румпель, корма, форштевень, рубка и т. д., не были одинаковыми словами; моряк, использующий паруса, не мог понять своего брата-моряка, использующего весла, и наоборот.

ГАЛЕРА ПОД ВЕСЛАМИ.

Разумеется, на галере было необходимо много весел и много рук для их использования; судно было сконструировано для этой цели самым искусным образом, чтобы получить максимальную мощность от своих человеческих двигателей; в результате люди теснились на ее борту до такой степени, что едва хватало места для дыхания; такое судно, как то, размеры которого были приведены, имело на борту около четырехсот человек.

Баррас де ла Пенне, французский офицер, который в 1713 году впервые поднялся на борт галеры, так описывает увиденное:

"Те, кто впервые видит галеру, удивляются, что на ней так много людей; в Европе есть бесконечное количество деревень, в которых нет такого количества жителей; однако не это является главной причиной удивления, а то, что на таком маленьком пространстве можно собрать столько людей. Правда, многим из них не хватает места, чтобы спать в полный рост, потому что они размещают семь человек на одной скамье, то есть на пространстве около десяти футов в длину и четырех в ширину; на носу можно увидеть около тридцати матросов, которые имеют для своего жилья пол рамбады (это платформа на носу галеры), состоящий из прямоугольного пространства десять футов в длину и восемь в ширину. Капитан и офицеры, живущие на полуяте, имеют едва ли лучшее жилье, и возникает соблазн сравнить их величие с величием Диогена в его ванне.

"Когда жалкое Ливийское море застаёт эти галеры у римских берегов, когда северный ветер заливаёт пеной Лионский залив, когда влажный восточный ветер Сирии гонит их от берега, все вместе превращает жизнь на борту современной галеры в ад страданий и дискомфорта. Скрип блоков и шнуров, громкие крики матросов, ужасные крики галерных рабов, стон бревен, смешивающийся с лязгом цепей и воплями бури, вызывают чувства ужаса в самых неустрашимых душах. Дождь, град, молнии, привычные спутники этих ужасных штормов, волны, обрушивающиеся на судно, - все это усиливает ужас ситуации, и хотя на борту галеры набожность, как правило, не очень выражена, вы услышите, как эти люди молятся Богу, а другие дают обеты Святым; им было бы гораздо лучше не забывать Бога и Святых, когда опасность миновала.

"Спокойствие имеет и свои неудобства, так как дурные запахи, исходящие с галеры, тогда настолько сильны, что от них невозможно избавиться, несмотря на табак, которым приходится затыкать ноздри с утра до вечера".

Здесь доблестный офицер вдаётся в дальнейшие подробности, касающиеся паразитов на борту, от которых читатель будет избавлен.

"Жан Мартейль де Бержерак, умерший в Куленбурге в 1777 году, был приговорен к службе на галерах в 1707 году "в качестве протестанта"; должно быть, он действительно был человеком железной закалки, поскольку дожил до девяноста пяти лет. Вот его описание жизни *форсата*:

"Их приковывают по шесть к скамье; скамьи шириной в четыре фута покрыты мешковиной, набитой шерстью, поверх которой наброшены овчины, доходящие до пола. Офицер, который является хозяином рабов на галере, остается на корме с капитаном, чтобы получать его приказы; есть два младших офицера, один на середине корабля, другой на носу; все они вооружены кнутами, которыми они пороли абсолютно голые тела рабов. Когда капитан отдает приказ грести, офицер подает сигнал серебряным свистком, который висит на шнурке у него на шее;

сигнал повторяют младшие офицеры, и очень скоро все пятьдесят весел ударяют по воде как одно. Представьте себе шестерых мужчин, прикованных к скамье, голых до пояса, одна нога на носилках, другая поднята и поставлена на скамью перед ними, держащих в руках весла огромного веса, вытянувших свои тела в сторону задней части галеры с вытянутыми руками, чтобы оттолкнуть лопасть весла от спин тех, кто находится перед ними в таком же положении. Они погружают лопасти весел в воду и бросаются назад, падая на сиденье, которое прогибается под их весом. Иногда рабы на галерах гребут по десять, двенадцать, а то и двадцать часов подряд, без малейшего перерыва или отдыха, и в таких случаях офицер обходит их, вкладывая в рот несчастным гребцам кусочки хлеба, смоченные в вине, чтобы они не потеряли сознание. Затем капитан призывает офицеров удвоить удары, и если один из рабов падает в обморок на весла, что случается часто, его бьют до тех пор, пока он не покажется мертвым, а затем без церемоний выбрасывают за борт".

Итальянский капитан галеры "*Санта Лючия*" Пантеро Пантера в своей работе "Морская армата", опубликованной в 1614 году, утверждает, что, хотя солдат и матросов можно привлечь к службе на галерах, если за это хорошо заплатить, никакие деньги не могут соблазнить свободного человека на длительное приключение в качестве гребца из-за невыносимых страданий, которые приходится терпеть "галерщику". Однако, поскольку, по мнению капитана, было крайне необходимо, чтобы галеры были укомплектованы, он решил, что в будущем все судьи должны отправлять на борт преступников: тех, кто совершил убийство, - "пожизненно", тех, кто совершил меньшие преступления, - *пропорционально*. Те, кто в силу знатности своего происхождения или физической некомпетентности не мог справиться с веслом, должны были платить за то, чтобы их заменяли; таких называли "*Buone-Voglie*".

В конце концов, между методами, использовавшимися итальянцем XVII века, и теми, что действовали в Англии гораздо позже, когда банда прессы заманивала в свои сети честных и бесчестных во время полуночных рейдов, не было большой разницы.

"Рабы на галерах, - замечает Пантера, - очень любят отдыхать и искренне хотят избежать усталости; чтобы побудить их к выполнению своих обязанностей, необходимо использовать кнут, а также свисток; применяя его со всей строгостью, офицеры увидят, что их лучше слушаются, и это, как следствие, пойдет на пользу службе, ведь страх перед кнутом - главная причина хорошего поведения галерников". Далее он замечает, что не следует пороть их слишком строго и без причины, "ибо это раздражает галерников, как я часто замечал: это может привести их в отчаяние и заставить желать смерти как единственного верного выхода из беды". Чуть позже превосходный Пантера даже говорит, что не может согласиться с тем, что попытка вылечить больного галлерианина - "это полная чепуха, как утверждают некоторые люди", поскольку больные люди - источник опасности на борту. Он, очевидно, не готов выбрасывать их за борт живыми, но настаивает на том, что лучший способ избежать таких моров среди них, как , убивший сорок тысяч венецианцев в порту Зара в 1570 году, - это взять на борт здоровое и хорошее продовольствие.

Интересен современный взгляд на правильное обращение с галерным рабом со стороны тех, кто имел с ним дело. В случае с корсарами и их противниками галеры, как правило, были военнопленными, но со временем, когда войны стали реже, чем это было на протяжении всего XVI века, появился еще один источник снабжения: на галеры стали отправлять преступников из любой страны, желающих заполнить скамейки гребцов. Как следствие, на борту галеры всегда существовала одна вещь, которой боялись больше всего на свете, - это восстание рабов.

Если они не были вашими врагами официально, они были набором отчаянных преступников, готовых на любую беду, если вырвутся на свободу, и закованные в цепи, голодные, избитые, замерзшие от холода, испепеленные летним зноем, замученные, убитые, они не имели ничего, на что можно было бы надеяться, кроме побега. Если в пылу сражения происходило восстание рабов, то их хозяева знали, что победа непременно окажется на стороне врага. Поэтому надежно приковать их было первым и самым важным делом, на которое должны были обратить внимание боцман галеры и его товарищи. Если же они смелым движением освобождались от оков, то для тех, кто до этого командовал, это был бой насмерть, поскольку галеры, превосходящие их числом и не заботящиеся об их жизни в сравнении с их свободой, были самыми грозными врагами, с которыми они могли столкнуться. Когда с людьми обращаются так, что их повседневная жизнь превращается в одно долгое мученичество, они становятся самой опасной силой из всех существующих, и в тех случаях, когда рабы брали верх, не оставалось ни одного боевого человека с галеры, который мог бы рассказать о своем поражении.

Во время сражения галеры, конечно, подвергались смертям и ранениям от снарядов противника в равной степени с ортодоксальными бойцами, но они не радовались победе, а молились о поражении своих хозяев, так как часто случалось, что те, против кого они выступали, были их собственными соотечественниками и друзьями, которых они надеялись освободить. Так, при Лепанто рабы-христиане, видя, что правое крыло турецкого флота повергнуто в беспорядок галерами союзников, подняли яростный мятеж, сумели разбить свои путы и цепи, с невероятной энергией атаковали своих хозяев-турок в тылу любым оружием, которое попадалось им под руку, и тем самым в немалой степени способствовали окончательному триумфу христианского оружия.

Капитаны Пантеро Пантера и Баррас де ла Пейн исчерпывающе написали о галере, ее команде, вооружении, способе снабжения, мачтах, парусах, такелаже и т. д., а адмирал Жюрьен де ла Гравьер дал самое тщательное изложение технических особенностей этих судов. Но вдаваться в излишние подробности означало бы излишне утомлять читателя, который, как мы понимаем, просто желает получить общее представление о том, как управлялись и сражались эти суда.

Очевидно, что за все время использования судов с веслами в качестве боевых кораблей их форма не претерпела существенных изменений, поскольку определенные ограничения по размеру были наложены на них самим фактом того, что они должны были приводиться в движение столь малой и слабой силой, как человеческие мышцы, сердца и легкие. Никакая жестокость, какой бы ужасной она ни была, не могла отнять у галлерианцев больше, чем определенное количество работы, и капитан Пантеро Пантера, как мы уже видели, даже выступает за то, чтобы проявлять к ним определенный минимум внимания, чтобы получить лучшую работу. Вероятно, однако, что в случае с рабами-христианами, захваченными корсарами, даже этого минимума следовало добиваться, поскольку их количество было столь огромным, что их можно было использовать и заменить, не причиняя неудобств этим морским скитальцам, которым сострадание к страданиям было совершенно неведомо.

Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского, или Мальтийские рыцари, как их еще называли, использовали галеры в своей непрекращающейся войне с мусульманами. Генерал галер был Большим крестом ордена, капитаны - рыцарями, а второй офицер, или первый лейтенант, назывался Патроном. Экипаж рыцарской галеры состоял из двадцати шести гребных скамей и вмещал двести восемьдесят гребцов и двести восемьдесят бойцов; вооружение состояло из одной носовой пушки, стрелявшей сорока восьмифунтовыми шарами, четырех других небольших пушек, восьмифунтовых, и еще четырнадцать пушек, стрелявших камнями.

В "Религии", как принято было называть рыцарей, каждому рыцарю, моряку или офицеру во время боя отводились определенные места. Однако можно предположить, что они предназначались только для предварительных этапов боя, поскольку редко когда удавалось сделать больше одного или максимум двух выстрелов из артиллерии, прежде чем противоборствующие галеры сходились в рукопашном бою, который сразу же превращался в беспорядочное месиво.

О том, как галеры должны вступать в бой, говорится в ответе на вопрос дона Иоанна Австрийского, победителя при Лепанто. Он написал Гарсиа де Толедо, четвертому маркизу Виллафранка и генералу галер Сицилии, чтобы узнать его мнение о том, с какого расстояния эффективнее всего открывать огонь в морском бою. Толедо ответил, что "нельзя стрелять более двух раз, прежде чем галеры сомкнутся. Поэтому я рекомендую аркебузирам не стрелять до тех пор, пока они не приблизятся к противнику настолько, что его кровь бросится в лицо тому, кто выстрелит. Я всегда слышал, как говорят, и это говорят капитаны, хорошо владеющие военным искусством, что последний выстрел пушки должен совпадать с шумом, издаваемым ломающимися шпорами, которые несут в носках галеры; фактически эти два звука должны быть как один; некоторые предлагают стрелять до того, как это сделает противник: это ни в коем случае не мой совет."

Артиллерия, как видно из этого, играла сравнительно небольшую роль в сражениях между галерами и галионами; в этом ремесле мужчины все еще полагались на силу правой руки и острие меча; все еще существовало определенное презрение к злодейской селитре, которая рассматривалась как несколько трусливое вещество, мешающее воину решать свои споры по старой доброй моде его предков. В любом случае, когда для того, чтобы попасть в противника, приходилось практически прижимать дуло пистолета к его телу, это было не то оружие, на которое можно было сильно рассчитывать.

Кроме галеры, существовали еще неф и галиас; первый из них представлял собой простое парусное судно, подобное тем замечательным каравеллам, на которых Колумб открыл Америку.

Какими именно были эти каравеллы, писателю посчастливилось увидеть в 1893 году. В это время в Чикаго проходила большая выставка, и американское правительство очень хотело иметь и по возможности выставить точную копию этих исторических судов. В связи с этим они связались с испанским правительством и поинтересовались, нет ли у них случайно планов и спецификаций каравелл Колумба? Были проведены поиски в архивах верфи Кадиса, и эти бесценные документы были обнаружены. На их основе были построены корабли, во всех отношениях идентичные чудесным оригиналам, а затем отбуксированы через Атлантику крейсером Соединенных Штатов "*Ланкастер*". По пути они были доставлены в Гибралтар, где в то время находился корабль писателя, и поставлены на якорь в Новом моле. *Санта-Мария*", флагман Колумба, была трехмачтовым судном с очень высокими "форкастлом" и "стернкастлом" и очень глубоким в талии; у нее было три мачты, на фор-мачте - один квадратный парус, на грот-мачте - грот и грот-топ-парус, на мизене - латинский парус, на гроте был нарисован мальтийский, а на переднем парусе - папский крест, а на палубе - кирпичный кухонный камбуз. Красивейшую модель этого судна можно увидеть в отделе науки и искусства Музея Южного Кенсингтона.

В более поздних своих проявлениях неф стал гораздо более мореходным судном, чем это, с четырьмя мачтами, две крайние из которых имели квадратную форму и несли курс и топсейл, а две последующие - латинские паруса; последние из-за своего небольшого размера и близости друг к другу не могли сильно повлиять на мореходные качества корабля. Нефы во

флоте дона Иоанна Австрийского в 1571 году были оснащены подобным образом и представляли собой суда в восемьсот, девятьсот и даже тысячу тонн, а современное английское судно, "*Великий Гарри*" или "*Анри Грейс а Дье*", достигало пятнадцатисот тонн и несло не менее ста восьмидесяти четырех орудий. Именно от нефа и галеры в процессе эволюции произошел парусный военный корабль. Вначале галеас был судном людей, сражавшихся врукопашную, людей, в которых смешивались личная сила и отчаянная храбрость, которые не желали ничего так сильно, как сойтись с врагом в рукопашной схватке. Сначала на галере были установлены такие грубые орудия войны, как пирриеры, или короткие пушки, которые обрушивали на врага сорок или пятьдесят фунтов битого камня; со временем к ним присоединилась более совершенная артиллерия. Но хотя галеры в конце концов стали нести довольно большие пушки, как, например, сорокавосемифунтовая пушка на галерах рыцарей Святого Иоанна, вскоре стало очевидно, что пушки такого веса достигли предела; галера была по сути легким судном и не выдерживать грубых ударов, вызванных стрельбой тяжелыми пороховыми зарядами.

Галера была связующим звеном между флотом весел и флотом парусов. Флот на веслах в своем поколении был пригоден для военных целей; но по своей сути это была сила, аналогичная легкой сухопутной кавалерии; полезная для набега, внезапного рывка, но лишенная той большой силы и прочности, которая появилась в более поздние годы при строительстве парусной линии линкоров.

Галеасс был на самом деле увеличенной галерой, которая использовала и паруса, и весла, на борту которой гребцы находились под прикрытием; она была построена с форкастлом и кормовым бастионом, которые возвышались примерно на шесть футов над скамьями гребцов, а ее очень длинные и очень тяжелые весла были, конечно, пропорциональны размеру судна. Жюрьен де ла Гравьер описывает галеас весом почти в тысячу тонн следующим образом:

"Ее осадка по воде составляла около 18 футов 6 дюймов, она приводилась в движение 52 веслами длиной 48 футов, на каждом весле работало 9 человек. Экипаж состоял из 452 гребцов, 350 солдат, 60 морских пехотинцев, 12 рулевых, 40 рядовых матросов, 86 канониров, 12 старшин, 4 помощников боцманов, 3 лоцманов, 2 субпилотов, 4 советников, 2 хирургов, 4 писарей, 2 сержантов, 2 плотников, 2 котельщиков, 2 поваров, 2 пекарей, 10 слуг, капитана, лейтенанта, каюра. Всего около тысячи человек, или примерно столько же, сколько экипаж трехпалубного корабля более позднего времени".

Флот "Священной лиги" в битве при Лепанто имел в своем составе шесть галер из арсенала Венеции; и если обычная галера несла 110 солдат и 222 галерных раба, то экипажи этих галер состояли из 270 солдат, 130 матросов и 300 галерных рабов.

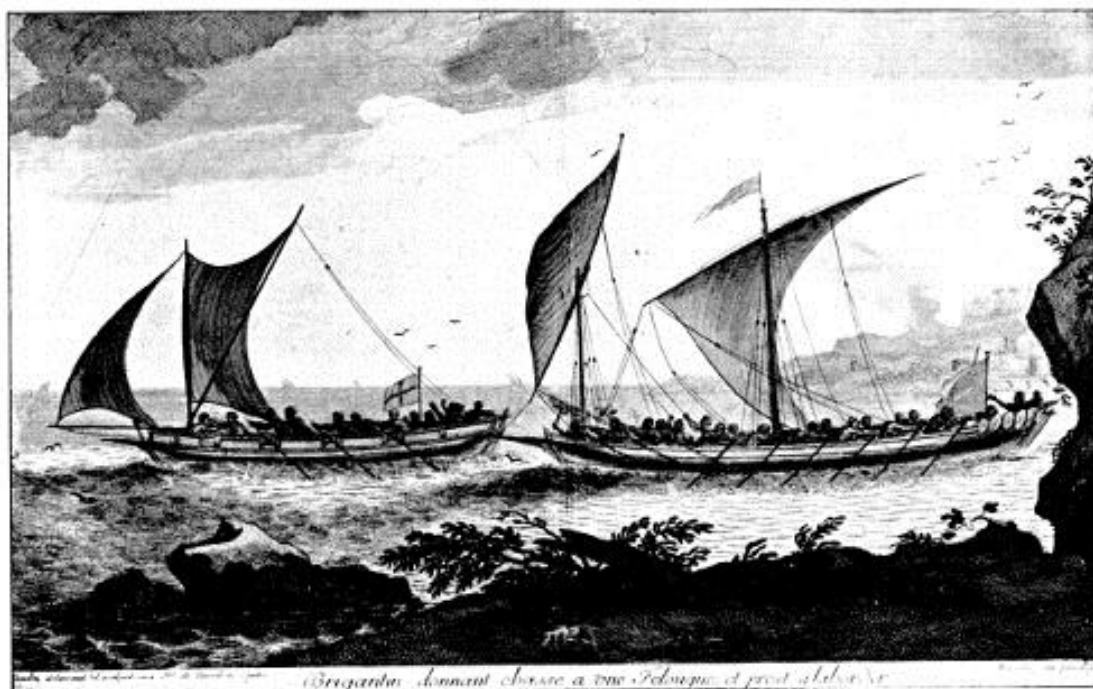
По расчетам французского инженера Форфейта, скорость галеры при самых благоприятных обстоятельствах, то есть при ровном штиле, составляла четыре с половиной узла в течение первого часа и от двух с четвертью до полутора миль в час в последующие часы; изнурение гребцов, вызванное их тяжелым трудом, не позволяло развивать большую скорость, чем эта. Исследования Форфейта проводились в то время, когда вторжение в Англию на гребных судах было предметом пристального интереса. Отсюда очевидно, что дальние плавания, полагаясь только на весла, не могли быть предприняты; но, как мы видели, галера была также снабжена движущей силой в виде двух мачт, несущих латинский парус, который до сих пор можно увидеть на многих средиземноморских судах.

О том, что галера не была судном, на которое можно было бы садиться в плохую погоду, свидетельствуют бедствия, постигшие испанский флот, состоявший из этих судов, в 1567 году под командованием Великого командующего Кастилии дона Луиса де Рекесенса. Восстание мавров в Гранаде заставило Филиппа Второго пожелать вывести некоторое количество испанских войск из Италии. Рекесенс был отправлен в Геную с двадцатью четырьмя галерами, чтобы высадить на них отряд армейского корпуса, находившегося в то время в Пьемонте. На каждую галеру погрузили по сто пятьдесят солдат; затем они отправились в путь и достигли острова Гиер, где бросили якорь, поскольку погода была слишком плохой, чтобы продолжать путь. На исходе восьмого дня их пребывания в порту было замечено несколько судов, которые летели на восток против ветра; это была генуэзская эскадра.

Рекесенс, который не был моряком, пришел в ярость. Генуэзцы в море, а он теряет время в гавани; если они могут держать море, то почему не может он, потребовал он? Он тут же приказал взвесить якоря. Командир тосканских галер, которых во флоте было десять, немедленно поднялся на борт галеры, на которой находился Рекесенс, и сообщил, что ветер дурной и что если они покинут якорную стоянку, то не смогут продвинуться вперед, как только отойдут от суши. Но Рекесенс упрямылся: "Если другие могут идти своим путем, то позорно, что я не могу идти своим", - протестовал он. Альфонсо д'Арагона тщетно спорил с ним, уверяя, что его господин, герцог Тосканский, возложит на великого командора ответственность за повреждение его галеры. Все было напрасно, так как великий командующий был слишком высокомерен и глуп, чтобы слушать чьи-либо советы. Флот вышел в море и продержался в миле от суши; когда они отошли на такое расстояние, Рекесенс обнаружил свою ошибку и пожалел, что не послушал совета мореплавателей; но было уже поздно: они дрейфовали подветренной стороной от своей стоянки и не могли вернуться обратно.

Одна галера, новое судно, столкнулась с другим, старым, и потопила его на месте, унеся на дно всю свою незадачливую команду. Оставшиеся суда разбежались в разные стороны; Альфонсо д'Арагона нашел убежище в заливе Альгиери, еще две его галеры встали на якорь у острова Сен-Пьер, другая укрылась в заливе Ористано; три галеры потерпели кораблекрушение на побережье в этом районе и потеряли многих своих людей; еще одна, под названием "*Флоренция*", дважды едва не потерпела крушение на побережье Барбары, но в конце концов достигла залива Кальяри. Один генуэзский капитан оказался далеко от острова Пантеллария, о двух галерах больше не было слышно, а сам Великий Командор бросил якорь в бухте Паламос на испанском побережье. Из двадцати четырех галер, покинувших якорную стоянку, двенадцать были потеряны, а те двенадцать, что остались, были практически бесполезны, пока не были потрачены большие суммы на ремонт.

В свете этих событий неудивительно, что моряки, бороздившие Средиземное море на судах, приводимых в движение веслами, считали зиму закрытым сезоном и закладывали свои галеры в гавани. Они были достаточно мореходны для обычной погоды, но не могли выдержать такой шторм, как тот, в который вышел в море Рекесенс. Вся эта история - лишь еще одно доказательство глупости передачи верховного командования морским судном в руки человека, совершенно не знающего, с какими опасностями ему предстоит столкнуться. В XVI и даже в XVII веках так поступали постоянно, и если катастрофы не случалось, то только потому, что не было плохой погоды.

БРИГАНТИНА, ПРЕСЛЕДУЮЩАЯ ФЕЛУКУ.

Со временем парусное судно становилось все больше и больше и могло устанавливать все более мощные орудия; это привело к снижению ценности галеры как боевого корабля; в результате после битвы при Лепанто она практически устарела для боевой линии. Несмотря на это, она еще долгие годы оставалась оружием корсаров, обосновавшихся на побережье Африки. Длинный корабль" еще не раз становился причиной ужасных морских трагедий, будь то пираты с барбарийского побережья или их наиболее способные подражатели - пресловутые разбойники из Салли.

ГЛАВА XV

ДРАГУТ-РЕЙС

Как он стал лейтенантом Хейр-эд-Дина Барбароссы - его пленение Джаннетином Дориа - четыре года в качестве раба на галере - выкуп его старым вождем.

По характеру, по способностям, по стратегической проницательности, по тактическому умению ни один из предшественников или преемников Хейр-эд-Дина Барбароссы не может сравниться с ним; он был величайшей и самой выдающейся фигурой из всех тех корсаров, о деяниях которых мы так много слышали в XVI веке, человеком, которого боялись и ненавидели его современники в христианстве. После битвы при Превезе он прожил, как мы уже говорили, еще восемь лет, но преклонный возраст не позволил ему продолжать активную карьеру. Однако были и другие, более молодые люди, прошедшие страшную школу лишений, в которой прошла его жизнь, которые показали себя очень достойными его преемниками, даже если они не проявили такого же гения в войне и государственном строительстве. Условия этого периода несколько примечательны, когда мы их рассматриваем; Европа, погрузившаяся в грубое и некультурное варварство в средние века,

под влиянием Ренессанса переходила к более высокому и благородному представлению о жизни. Правда, пробуждение шло медленно, нравственная плоскость, на которой стояли народы, была далеко не возвышенной, альтруизм не был характерной чертой жизни правителей так называемых цивилизованных наций. При всем том они вышли из той киммерийской тьмы, в которой так долго жили, и над туманным горизонтом забрезжил рассвет лучших времен, более стабильного правления, элементарного признания прав управляемых.

Но если солнце европейского прогресса медленно и мучительно пробивалось сквозь тучи, то свет, ярко сиявший на протяжении более семи веков мусульманского наступления, несомненно и уверенно умирал. Под закованной в латы пяткой христианского воина факел обучения, который так ярко горел в Кордове и Гранаде, был погашен и превращен в пыль, а потомки выпускников этих университетов искали свой хлеб в Средиземном море в облике кровожадных и отчаянных пиратов.

Среди андалузских мавров больше не было ученых философов, опытных математиков, мудрых астрономов и практичных земледельцев; среди них было только одно искусство, одна наука, одно средство добывать средства к существованию - война, и само их существование зависело от трофеев, которые можно было отнять у наследственного врага. Корсар, выросший до мужского достоинства, воспитанный в Алжире, Тунисе, Тене, Джербе или любом другом из тех мест, где скрываются морские волки, как правило, не имел иного шанса, кроме как следовать за морем, существовать так, как существовал его отец до него; он должен сражаться или голодать, и в эпоху борьбы ни один юнец не мог отстать от жизни в диком возбуждении, которую вели его старшие. Если мусульмане не следовали за одним из лидеров, таким как Барбаросса, то они были склонны выходить в море в частном порядке; некоторое количество из них объединялось для управления небольшим судном, которое называлось бригантиной. Как уже говорилось в предыдущей главе, это слово не следует понимать в свете терминологии современного моряка: бригантины мусульманских корсаров на самом деле были большими гребными судами, имевшими от четырнадцати до двадцати шести весел и обладавшими настолько высокими мореходными качествами, насколько позволяли небольшие размеры такого судна. Если предприятие команды бригантины оказывалось успешным, то реис, или капитан, мог перейти под командование галеры, на которой веслами управляли его рабы; но на первых порах он укомплектовывал свою бригантину командой мусульманских отчаянных, работавших по паевой системе и деливших между собой все, что им удавалось захватить; Таким образом, большинство корсаров, ставших знаменитыми, начинали свою карьеру и поднимались, как мы видели, от кормы бригантины до зыбкой высоты трона в Алжире, Тунисе или Тлемсене.

Эта жизнь, которую они вели, сделала их теми, кем они были, а именно отчаянными фехтовальщиками, эффективными людьми при оружии, несравненно искусными в управлении судном, на котором они вышли в море; но она не дала им ничего другого в плане образования; следовательно, тот, кто поднимался на вершину, кто стремился быть лидером среди них, а не оставаться всю жизнь простым мечником, должен был приобрести то господство, которое необходимо для управления дикими духами эпохи. Добиться такого превосходства было отнюдь не просто, поскольку рядовые бойцы вели невероятно горькую, почти невыносимую для современных представлений жизнь. Что они страдали, знали только они сами, но это были голод, жажда, жара, холод, болезни, не облегчаемые заботой и уходом, раны, которые гноились из-за отсутствия лекарств, смерть, которая всегда смотрела им в лицо, и, наконец, самое страшное - риск попасть в плен к какому-нибудь христианскому врагу, который приковывал их к скамье гребцов и вкушал совершенно невыносимую горечь. В

противовес этому человек, претендующий на лидерство, должен был предложить своим последователям хотя бы послужной список успехов в малых делах; кроме того, он должен был быть в чем-то энтузиастом, в чем-то оратором, в чем-то тонко убеждающим. Против всех неприятностей напряженной жизни корсара он должен был держать перед ослепленными глазами Селима, Али или Магомета обещание жирных захватов торговых судов противника, когда им нужно было только перерезать несколько глоток и вернуться со своими бригаantinaми, нагруженными до отказа желанной добычей. Ему снова приходилось подбадривать их перед возможными столкновениями с испанцами, с ужасными Дориа или, что еще хуже, со страшными рыцарями Святого Иоанна; указывать, что смерть в бою с неверным - это верный залог попадания в рай и его часовые, и ссылаться на великие имена, такие как имя Барбароссы, чтобы показать, до каких головокружительных высот может подняться сражающийся мусульманин. В такую эпоху и среди таких людей, как эти, было несложно стать вождем, которому люди клялись и которому они были готовы повиноваться.

Выточенные молотом несчастья на наковальне расовой экспроприации, такие лидеры возникали среди мусульман, железные люди, перед которыми склоняли колени все, кто поклонялся алтарям ислама. Эти люди, чья слава распространилась по всему Средиземноморью, научили европейских правителей значению той великой силы, которая известна нам под современным названием "морская мощь".

Следующим по значимости после самого Хейр-эд-Дина Барбароссы и во многом его достойным преемником был Драгут Рейс. Мессир Пьер де Бурдей, сеньор де Брантома, сообщил нам, что Драгут родился в небольшой деревне в Малой Азии под названием Чарабулак, напротив острова Родос, и что его родители были магоммеданами. Родившись вдали от моря, юный Драгут, естественно, прошел школу бригаантины и завершил свое образование на борту галеры. Его подготовка была той, которая делает лучших боевых моряков, поскольку, судя по современным записям, он всю свою жизнь активно занимался на корабле. В раннем возрасте он поступил на службу к мастеру-оружейнику, служившему на борту галеры Великого Турка. Под его покровительством юноша стал опытным лоцманом в родных водах, а также отличным артиллеристом. Драгут, очевидно, был юношей способным и целеустремленным, так как почти до того, как он достиг мужского достоинства, ему удалось купить долю в крейсерской бригаantine, где его предприятие процветало так успешно, что вскоре он смог стать единоличным владельцем галеаса. И тут удача вновь благоволила предприимчивому молодому человеку: его имя стало известно как грозного корсара в Леванте, где он отличался знанием этой части Средиземноморья.

Чтобы улучшить свое положение, он предложил свои услуги Барбароссе в Алжире, который принял этого нового подчиненного с радостью, радуясь, что у него в подчинении находится такой доблестный и способный человек.

"В течение нескольких лет, - пишет Дж. Морган в своей *"Полной истории Алжира"* 1728 года, - этот баша поручал ему руководство различными важными экспедициями, в которых он проявил себя, к большому удовлетворению своего начальника, так как ни разу не потерпел неудачу". Если вспомнить, как Барбаросса обращался с некоторыми из своих неудачливых лейтенантов, Драгут должен считаться очень удачливым человеком. Его хозяин, как нам рассказывают, продвигал его по всем военным должностям государства - интересно было бы узнать, какими они были в чисто пиратской конфедерации, управляемой пиратом! В конце концов Драгут был назначен кайя, или лейтенантом, и получил в командование двенадцать галер.

"С тех пор ни одно лето не проходило без опустошения берегов Неаполя и Сицилии, и ни одно христианское судно не пыталось пройти между Испанией и Италией; если ему предлагали проплыть мимо, он непременно набрасывался на них, а когда упускал добычу в море, то возмещал убытки, спускаясь вдоль побережья и грабя деревни и города и уводя в плен множество жителей".

То, что "ни одно судно не могло пройти из Испании в Италию", несомненно, является живописной формой преувеличения со стороны историка; в то же время, когда Драгут был на пике своей деятельности, нет никаких сомнений, что любой, кто проходил через эти моря, подвергался большому риску захвата; настолько большому, что в этот период, с 1538 года, даты битвы при Превезе, до Лепанто в 1571 году, вся морская торговля в Средиземноморье была сильно ограничена. В начале этой эпохи, на которую пришелся подъем мусульманских корсаров, эти разбойники были вынуждены ограничиваться североафриканским побережьем, чем впоследствии. Пионеры пиратского движения после роковой даты 1492 года, когда произошло массовое изгнание мавров из Испании, были, сравнительно говоря, неопытными практиками в искусстве и тайнах пиратства; они не имели привычки к морю и, как следствие, ограничивали свои грабежи окрестностями выбранных ими портов в Африке, которые доминировали над морским путем, идущим на восток и запад через Средиземное море, которое тогда, как и сейчас, было одной из величайших торговых магистралей мира. Постепенно, как мы уже видели, под умелым руководством двух Барбароссов, но особенно второго и величайшего из них, пиратство стало обычным явлением как на севере, так и на юге безбрежного моря; со временем корсары даже стали уделять больше времени и внимания побережью Италии и островам архипелага, чем признанным торговым путям. Последние к 1540 году стали похожи на поместье, которое слишком часто обстреливают; птицы стали и дикими, и скудными, и вряд ли стоило обходить их стороной, разве что время от времени в надежде подцепить бродягу. С другой стороны, города и острова, даже если они не приносили большой добычи, всегда были хорошим прикрытием для рабов, которые имели определенную ценность на рынках Алжира и Туниса. Еще одним обстоятельством, которое привело к частым набегам на побережье европейских стран, было благосклонное отношение и поддержка, оказываемая корсарам Великим Турком: они так хорошо вписывались в схему его амбиций, что к тому времени, когда Драгут занял командный пост, они были, так сказать, официально признаны боевым активом Возвышенной Порты; и, как мы уже видели, султан без колебаний предоставлял корсарам свои отборные войска, янычар, когда они занимались своим обычным пиратским делом. Для Великого турка корсары были мусульманами, готовыми сражаться на его стороне, и которые, если брать все в целом, почти ничего ему не стоили; на самом деле, к этому времени, благодаря великолепным подаркам, сделанным султану Хейр-эд-дином, падишах, должно быть, кое-что извлек из своей связи с морскими волками.

К 1540 году Драгут явно "прибыл"; то есть ему удалось внушить к себе такой страх, что Карл V приказал Андреа Дориа разыскать его и уничтожить любой ценой. Христианский адмирал должен был "всеми возможными способами попытаться очистить море от столь невыносимой помехи".

Андреа подготовил флот, который вместе с заботой и управлением этим делом он поручил своему племяннику Джаннетину Дориа. Это был тот самый племянник, который во время катастрофического нападения Карла на Хассана Ага в Алжире в следующем году едва не погиб во время шторма, уничтожившего флот императора; и о котором Андреа Дориа, как сообщается, сказал: "Было решено довести Джаннетина до такой крайности специально,

чтобы убедить мир, что Андреа Дориа не может пролить слезу". Конечно, судя по тому, что мы знаем о знаменитом генуэзском адмирале, трудно представить его в слезливом настроении. Джаннетин Дориа вышел в море и после долгих поисков нашел объект своих поисков в Андиоре на побережье Корсики; Драгут стоял на якоре на дороге в Гойалатту, под замком, расположенным между Кабри и Лиаццо. Корсар ничего не знал о том, что его враги находятся в море, и, следовательно, особо не следил за ними. Хотя нам не сообщают состав флота Джаннетина Дориа, он должен быть большим, так как Драгут имел в своем распоряжении тринадцать галер и не смог противостоять нападению, которому подвергся. Его атаковали не только с моря, но и с берега, так как замок, под которым он стоял на якоре, открыл по нему огонь, как только его гарнизон узнал, что новоприбывшие - христиане. Огонь был слишком жарким, чтобы корсар мог противостоять ему, и, чтобы усугубить его затруднения, на берегу вскоре появились сотни свирепых корси, ожидавших неизбежного конца, когда они смогут обрушиться на побежденных мусульман и стереть их с лица земли; это была война, в которой не было пощады, и если бы пираты попали в руки островитян, они прекрасно знали, что будут истреблены.

За всю его авантюрную жизнь дела у Драгута никогда не шли так плохо, как в этот раз. С одной стороны, если он и его люди высадутся на берег, их ждет резня, с другой - путь в открытое море преграждали значительно превосходящие силы. Понимая логику обстоятельств и не видя путей к отступлению, лидер мусульман вывесил белый флаг. Однако единственными условиями, которые он мог получить, были немедленная капитуляция или мгновенная смерть. Должно быть, для человека, который до сих пор всегда был на гребне волны успеха и достижений, это был момент мучительной боли - попасть в ловушку, как крыса; и еще горечь от мысли, что если бы он проявил моряцкую осторожность и предусмотрительность и хорошо смотрел по сторонам, то мог бы спастись. Времени на раздумья у него не было, решение пришлось принимать мгновенно: он сделал единственное, что было возможно в сложившихся обстоятельствах, - спустил флаг и попал в плен к своим пожизненным врагам.

Главных пленников заставили пройти перед юным Дориа. Увидев его, Драгут в ярости воскликнул: "Что! Я раб этого слабоумного карамита?", ведь Дориа был всего лишь безбородым юношей. Эти оскорбительные эпитеты были растолкованы молодому дворянину, "и он в ярости набросился на Драгута, вырвал у него бороду и усы и избил его самым возмутительным образом; страсть его была так велика, что, говорят, если бы ему не помешали, он непременно всадил бы свой меч в кишки этого предполагаемого пленника".

Четыре долгих года Драгут греб на галере Дориа. В те времена не было различий: рыцарь или благородный, компаньон или вельможа, баша или мальчишка, если его ловили, обрекался на скамью гребцов, чтобы рабски работать веслом под ударами боцманской плети, а то и рядом с каким-нибудь деградировавшим преступником, грязным и кишасшим паразитами. Когда Драгут работал на галере рабом, на борт судна, на котором он греб, поднялся месье Паризо, Великий магистр Мальтийских рыцарей. Этот высокопоставленный офицер, узнав своего старого врага, обратился к нему по-испански:

"Hola, Señor Dragut, usanza de guerra" ("Употребление войны, сеньор Драгут").

На что неустрашимый корсар лишь ответил со смехом:

"Y mudanza de fortuna" ("И перемена удачи").

Великий магистр, который и сам знал, что такое цепь и плеть, улыбнулся и прошел мимо - в те времена жалости не было.

Но Драгуту не суждено было закончить свою жизнь в качестве галерного раба, ибо, когда надежда, должно быть, уже умерла в нем, после более чем четырех лет этого настоящего ада на земле, однажды в гавань Генуи приплыл сам великий Хейр-эд-Дин. Адмиралиссимус Великих Турок, полный лет, почестей и добычи, совершал свое последнее плавание, и одним из последних деяний его активной жизни было спасение Драгута, человека, который так хорошо ему служил и которого он так высоко ценил как находчивого мореплавателя, из унижительного рабства, в которое тот попал. Испанский историк Мармоль сообщает, что за выкуп Драгута Хейр-эд-Дин Барбаросса заплатил три тысячи дукатов. Поскольку эта история была опубликована в 1573 году, мы должны сделать вывод, что автор, написавший об этих событиях так скоро после того, как они произошли, прав; в то же время Барбаросса командовал сотней галер Великого Турка, а в его обычаях никогда не было платить за то, что он мог взять силой. Как бы то ни было, а этот момент не имеет большого значения, генуэзский сенат был в ужасе от того, что их территория будет опустошена; они написали соответствующее письмо своему гранд-адмиралу, прося освободить Драгута и отправить его на борт галеры адмирала Баши. Это было немедленно сделано, и человек, который в течение четырех лет перетягивал на себя христианское весло, снова оказался в состоянии начать войну с теми, кто в течение этого времени был его хозяином.

Он не только перебирал христианские весла, но и пробовал христианскую плеть - и почти ничего другого, поскольку пища гребцов была столь же скудной, сколь и отвратительной; следовательно, если он и был непримиримым врагом христианства до этого события, то вряд ли стал меньше, пока трудился на генуэзской галере.

Практический уход Барбароссы из той сферы деятельности, в которой прошла его жизнь, оставил Драгут-Рейса самым страшным и самым грозным из всех мусульманских корсаров Средиземноморья. С момента своего освобождения Барбароссой и до дня своей смерти при осаде Мальты в 1565 году он следовал примеру, показанному ему этим принцем пиратов, с таким усердием, что по степени ненависти к нему он уступал только Хейр-эд-Дину. Морган говорит: "Жестокое обращение, которому он подвергался в течение четырех лет плена, в немалой степени способствовало врожденной расторопности его нрава".

В 1546 году умер Хейр-эд-Дин Барбаросса, и на смену ему султан Солиман приказал всем мореплавателям в своих владениях признать Драгут-Рейса своим адмиралом и подчиняться ему так же, как они подчинялись его предшественнику. С этого момента он стал главным корсаром Средиземноморья, и подвиги, совершенные им, показали, что падишах не ошибся в своем выборе.

Честолюбие Драгута росло вместе с его властью, и он решил, следуя примеру Барбароссы, захватить и удержать какое-нибудь сильное военное место, обладающее удобным портом, в котором он мог бы быть верховным правителем. Поэтому в глубине зимы 1548 года, в то время, которое, как мы уже отмечали, было близким сезоном для пиратских предприятий и в течение которого нападения с моря не ожидалось, он собрал всех корсаров, которых смог собрать, и обрушился на испанцев на побережье Туниса, в Сусе, в Сфаксе и в Монастире. Эти места были отняты у корсаров летом предыдущего года Андреа Дориа; они представляли собой нечто вроде регулярного поля боя, когда сражающимся нечем было заняться, и их попеременно занимали то тунисский король, то испанцы, то корсары.

Драгут прекрасно понимал, что как только наступит весна, на него нападут; он также знал, что нападение будет достаточно сильным, чтобы вытеснить его, поскольку ни один из этих

городов не был по-настоящему сильным или легко обороняемым; поэтому он сосредоточил свое внимание на городе "Африка", известном также как Мехидия, а в римских историях - как Адрументум.

Этот великий город лежал в нескольких лигах к востоку от Туниса на выступающем в море участке суши; его укрепления были регулярными, стены большой толщины, высоты и прочности, укрепленные множеством башен и фальшбортов; пушки были большими, многочисленными, и в хорошем состоянии. В задней части города, на возвышенности, стояла большая крепость, цитадель этого места; гавань была большой и безопасной, с внутренним бассейном, служившим портом для галер; вход в нее закрывала крепкая цепь. Море омывало стены города; он был полностью окружен, за исключением того места, где узкая полоса суши соединялась с берегом.

Жители, уроженцы этих мест, сбросили иго туниССкого короля и образовали своего рода независимую республику. Они не допускали в свои стены ни турок, ни христиан, не доверяя ни одной из сторон и опасаясь от них той участи, которая постигла Сузы, Сфакс и Монастир.

"Африка" была целью желаний Драгут-Реиса: овладев этим, безусловно, самым сильным городом на побережье Северной Африки, он думал, что сможет надежно защититься от нападений Карла и Андреа Дориа. Он видел, как грандиозная экспедиция 1541 года против Алжира сошла на нет из-за того, что флот, на котором она отправилась в путь, был полностью уничтожен бурей беспримерной силы. Но он был слишком здравомыслящим человеком, чтобы думать, что подобное чудо может произойти во второй раз по его вине, и предпочитал играть роль сильного вооруженного человека, который хранит свое имущество в мире. Однако сначала ему нужно было склонить жителей "Африки" к своим взглядам, а они оказались не готовы выслушать его уговоры. Чем больше он старался втереться в доверие, тем менее склонны были эти люди слушать.

"Мое стремление, - сказал корсар с серебряным языком, - стать гражданином вашего великого и прекрасного города. Если вы допустите меня к его привилегиям, я сделаю вас самыми богатыми людьми во всем Средиземноморье, а ваш город - самым страшным местом в мире".

Однако "африканцы" были упрямы; они знали пирата, когда видели его, как никто другой, и прекрасно понимали, что, если они откроют Драгуту свои ворота, рано или поздно им придется выдержать осаду христианских войск, чего они отнюдь не желали.

Но Драгут еще не исчерпал своих ресурсов; он был богат и свободно тратил деньги, чтобы привлечь на свою сторону тех важных людей, которым предстояло решать подобный вопрос. Богатыми подарками и другими уловками ему удалось заручиться дружбой некоего Ибрагима Амбурака, который был не только лидером среди жителей, но и правителем одной из башен, которыми был окружен город. Через него он обратился в совет, управлявший городом, но получил весьма решительный отказ: совет соблюдал внешние формы вежливости по отношению к этому грозному человеку, который говорил с ними так честно: на самом деле они ненавидели и боялись корсаров лишь на одну степень меньше, чем Андреа Дориа и его христиан. Принять одного из них означало навлечь на себя месть другого; поэтому, если они могли не пустить обоих, они намеревались это сделать. Злополучная любезность корсара вселяла в их сердца опасения, и они с нескрываемым облегчением восприняли его немедленный отъезд, после того как ему был передан отказ совета. Если бы они знали своего человека немного лучше, их тревога была бы гораздо сильнее, чем радость от его временного отсутствия. Те вещи, которых Драгут желал и которые не мог получить честным путем, он обычно захватывал сильной рукой; и когда он уехал так поспешно и в то же время

так незаметно, он уже вступил в сговор с Ибрагимом Амбураком. Этот лидер, разгневанный отказом, который он получил от своих коллег-советников по вопросу о принятии Драгута в гражданство "Африки", теперь был готов вероломно отдать этот город в руки корсаров.

ГЛАВА XVI

ДРАГУТ-РЕЙС

О том, как корсары захватили город "Африка", о его захвате Андреа Дориа и о его окончательном разрушении Карлом V.

Драгут взял за правило никогда не появляться в гавани "Африки" большими силами, так как не хотел пугать птиц, которых хотел поймать; в тот случай, о котором мы сейчас говорим, у него было всего две галеры, и их выход из внешней гавани прошел почти незамеченным, так как жители привыкли к визитам корсаров, которые приходили, чтобы пополнить запасы провизии и свежей воды. Быстро, как ястребы, его корабли пронеслись вдоль побережья, собирая гарнизоны Сузы, Сфакса и Монастира, чтобы помочь ему в его последнем замысле; все они были отборными людьми и необычайно приспособлены к тому суровому делу, которое предназначил им их предводитель. Таким образом, вскоре он собрал пятьсот самых крепких и безрассудных бойцов, отплывавших из портов Северной Африки, и когда среди них стало известно, для какой службы они требуются, всеобщая радость и готовность были налицо. Правда, приключение было грозным: захватить "Африку" - задача не из легких, даже для таких людей, как эти, под руководством столь знаменитого вождя; 255 еще осложнялось тем, что люди, против которых они шли сражаться, были не христианами, а такими же мусульманами, как они сами. Но против этого выступила декларация Драгута, который заявил своим последователям, что выбора в данном случае не было; что этим жестким и необычайно неблагодарным людям он предложил защиту корсаров, те самым бесславным образом отказались, и в результате им ничего не оставалось, как прибегнуть к сильной руке. Они, то есть корсары, прекрасно понимали, что какое-нибудь прочное место, где можно было бы укрыть себя и свои суда, было абсолютной необходимостью для их дальнейшего существования, поскольку в любой момент Дориа или мальтийские рыцари могли настигнуть их превосходящими силами, и тогда какова была бы их судьба, если бы у них не было гавани, в которой они могли бы укрыться? Кроме того, было намекнуто, что "Африка" обеспечит очень хорошую добычу, и когда это стало общепринятым, побуждения магометанской совести легко уступили софистике, которой ее убаюкивали.

Совет города "Африка" больше не беспокоился о Драгута, его кораблях и корсарах; он уехал, и, когда дни шли, а вестей о нем больше не поступало, эти простые люди благодарили Бога за то, что избавились от плута, и занимались своими обычными делами так же беззаботно, как если бы никакие морские волки не таились под тенистыми берегами того континента, на котором находились их дома. Они были людьми по сути сухопутными; хотя они жили на берегах океана, пути и привычки тех, кто зарабатывал на жизнь на воде, были для них закрытой книгой, а с "африканцами" дело обстояло так: "С глаз долой - из сердца вон", пока корсары были в курсе дела. Но черносердечный предатель Ибрагим Амбурак и немногие другие, кого покорило золото Драгута, наблюдали и ждали нападения, которое, как они знали, неминуемо должно было произойти.

Жители обреченного города так и не увидели нападавших, пока те не настигли их, настолько хорошо было спланировано внезапное нападение предводителем корсаров. Он собрал пятьсот человек, и это было совсем немного для нападения на столь сильное место, но Драгут прекрасно понимал, что делает, и какой эффект может произвести появление такого количества высококвалифицированных воинов среди населения, которое, хотя и было храбрым и воинственным, не имело элементов организации для защиты своего города.

Так что, закончив все приготовления, он встал на якорь вдоль побережья, не видя своей цели, но достаточно близко, чтобы добраться до нее к полуночи с наступлением темноты. Он был полностью уверен в себе, абсолютно доверял стойким бойцам, которыми собирался руководить; успех или неудача теперь зависели от предателей в городе.

"Вера неверная хранила их ложно", потому что, когда Драгут и его последователи прибыли к условленному месту встречи за стенами, там они нашли Ибрагима Амбурака и его людей, готовых помочь им преодолеть это препятствие. Следует помнить, что Ибрагим Амбурек лично командовал одной из башен, которыми охранялись стены, и поэтому его задача по оказанию помощи пришедшим извне была необычайно легкой. Но даже в полночь проход пятисот человек не мог долго оставаться незамеченным, когда они перелезали через стены. Вскоре была поднята тревога, и "африканцы" бросились к оружию и поспешили в квартал, откуда грозила опасность. Горожане были хорошо вооружены и храбры, к тому же их было много, но это была старая история о том, как недисциплинированная доблесть разбивается о высокоорганизованную атаку.

В удушливой жаре африканской ночи горожане и корсары сошлись в смертельной схватке рука об руку и нога об ногу; но у этих необученных землян было мало шансов против отборных бойцов мусульманских галер, с ранней юности приученных к кровопролитию и обученных таким мастером военного искусства, как Драгут. Этот воин с огромным изогнутым скимитаром, красным до рукояти, с кровью, капающей из раны на щеке, в разорванной и беспорядочной одежде, за которым следовал огромный негр с горящим факелом, всегда находился в самой гуще схватки. Позади него его лейтенанты Осман и Селим старались подражать ему в мастерстве, а вокруг него толпились преданные ему фанатики.

"Аллах! Аллах!" и "Драгут! Драгут!" - звучали боевые клички корсаров; нога за ногой и ярд за ярдом это острое бесстрашных смельчаков пробивалось вперед в плотную массу "африканцев", которые, упорно сражаясь, все же были отброшены назад яростью страшного натиска.

Пираты с факелами вскакивали в дома и поджигали их, пламя взвивалось и трещало, густой дым поднимался в небо, ночь превратилась в ад крови и огня.

Раздался резкий приказ, корсары отступили, и "африканцы" закричали, что триумф принадлежит им; но они мало знали Драгута, морского ястреба, готового нанести новый удар. Пылающий луч упал на улицу, горожане закричали в оскорблениях и насмешках, но радость, которую они испытали, увидев, как их противники отшатнулись, была лишь кратким и мимолетным чувством. Дав себе и тем, кто до сих пор был занят, время отдышаться и прийти в себя, Драгут подождал, пока шум разборок утихнет, и не будет слышно ничего, кроме рева пламени и грохота горящих зданий.

Вождь обратился к своим последователям, среди которых царила зловещая тишина.

"Вспомните Превезу, - вскричал он, - когда Андреа Дориа и лучшие воины христианского

бежали перед вами, как овцы перед собакой: неужели эти жалкие горожане задержат ваш дальнейший поход?"

После его слов на некоторое время воцарилась напряженная тишина; красный свет от горящих домов освещал худые лица, охваченные яростным огнем фанатизма, неугасимой жаждой убийства. В ответ раздался исступленный рев: "Ведите! Веди! Драгут! Драгут! Драгут!" Этого было достаточно: корсар испробовал закалку стали, теперь ему оставалось только использовать острое. Пираты пришли в движение: сотня свежих людей, до сих пор не принимавших участия в бою, выстроилась во фронт и образовала передовую, те, кто до этого участвовал в бою, стали опорой, а то, что было древком копья, теперь стало его головой. Во главе с Драгутом эти свежие, не раненые люди понеслись вперед по горящей балке; неудержимые, как могучая река в разливе, эти дисциплинированные грубияны под предводительством этого мастера духа прорывались сквозь неорганизованное сопротивление, противостоящее им, и убивали, убивали, убивали.

Позади них, настороженные и бдительные, шли подкрепления, не прося и не давая сдачи, разделявая раненых, топча ногами и друзей, и врагов, падавших в дымящиеся руины, которые отмечали путь их лидера и передового отряда. Очень скоро разбитые войска "африканцев" жалобно зывали о пощаде; бой был окончен, и Драгут-Рейс, израненный, бездыханный, но победоносный, стоял хозяином самого сильного места для оружия на всем африканском континенте. Правда, предательство дало ему шанс, но, как только он его получил, все остальное он сделал сам: скрытное продвижение по морю, полуночный марш к тому месту на стенах, где его ждал Ибрагим Амбурек, сбор пятисот человек для боя и само ведение сражения - все это было заслугой этого меткого ученика великого Хейр-эд-Дина Барбароссы, как и воины его последователи были достойны своего предводителя: Корсары часто терпели поражения, но в боях, в которых они участвовали, они часто, как мы видели в ходе этой истории, во многом зависели от вспомогательных войск, на которых нельзя было положиться; и в Превезе, и при осаде Мальты, и позже в битве при Лепанто место, на котором они сражались, будь то на суше или на море, всегда было тем, которое составляло ядро сопротивления. Дело не только в том, что сражаться было их особым ремеслом: это, конечно, можно сказать и о любом человеке, который с пикой или аркебузой маршировал в рядах Испании, Франции, Генуи или Венеции. В случае с морскими волками именно постоянная практика в военном искусстве, как оно тогда понималось, стала причиной того, что они стали такими, какими были. Большая часть их боевых действий вряд ли заслуживает такого названия, поскольку в своих вечных набегах на деревни и незащищенные места они редко теряли многих из своего числа: однако, когда дело доходило до настоящего дела, как в случае, о котором мы только что рассказали, долгие годы тренировок сказывались, и сопротивление должно было быть действительно сильным, чтобы не быть побежденным таким вождем, как Драгут, такими людьми, как его пять сотен.

Что произошло между Драгутом и советом "Африки", который так безоговорочно отказал воину в гражданстве, не сохранилось; известно лишь, что мусульманский вождь обошелся без их услуг и не пригласил своих новых соплеменников разделить с ним бремя правления. В управлении корсарскими государствами царила суэта, поскольку принятая ими форма правления вызывала раздражение у правителей христианства. В данном случае Драгут, изгнав испанцев из прибрежных городов, знал, что расплата с императором и его воинственным адмиралом Андреа Дориа - лишь вопрос времени, причем, по всей вероятности, очень короткого.

Быстро, торопливо, но эффективно корсар организовал свои новые владения: законы, которые он издал, не были склонны к нежности по отношению к столь неблагодарному

народу, как , который изначально отказался от его защиты и принял дар только на острие меча. Его племянник Айса, человек молодой, но прошедший школу своего ужасного дяди, был оставлен за главного, а сам Драгут снова отправился в плавание со своим флотом, ибо, по словам испанского историка Мармола, "поистине море было его стихией".

И снова мусульманский корсар бросил вызов тому правителю, которого Сандоваль и Мармоль в своих историях называют "современным Сезаром". Карлу сообщили, что Сузы, Сфакс и Монастир пали, что "Африка" находится в руках корсаров; "неужели он никогда не будет свободен от этих язвительных рыцарей", - спросил он у своих дрожащих придворных? От Карла к Андреа Дориа быстро прибыли курьеры с приказом взять Драгута живым или мертвым, но лучше живым; и летом 1549 года великий генуэзский мореплаватель носился вверх и вниз по безбрежному морю в поисках дерзкого корсара. Дориа был уже очень стар, но его взор не ослабевал, силы оставались неутомимыми, бдительность и рвение на службе у своего хозяина не ослабевали.

Живым или мертвым, но за поимку Драгута предлагалась большая награда, и адмиралу-ветерану не требовалось такого стимула, чтобы побудить его приложить все усилия, напрячь все нервы и сухожилия в погоне. Всю свою жизнь он сражался с корсарами, в основном с заметным успехом; Но что Андреа никогда не мог забыть - и что его враги никогда не позволили бы ему забыть, даже если бы он был к этому склонен, - так это тот факт, что в высший кризис своей доблестной жизни, когда он встретился с Хейр-эд-дином Барбароссой в битве при Превезе, он так неудачно выступил, что его подчиненные офицеры папского и венецианского флотов по возвращении в свои штаб-квартиры сделали заявления, которые умалили его славу и понизили его в оценке Европы. Кроме того, он знал, что Барбаросса смеялся и издевался над ним среди своих диких последователей: для аристократа, принца Онегийского, адмирала, который почти на равных общался с такими людьми, как Папа, Карл Испанский и Франциск Французский, это было оскорблением, которое трудно перенести; следующий корсар, с которым он встретится, не должен будет так легко уйти, как Хейр-эд-Дин, в чем адмирал и поклялся.

Личная неприязнь и тщеславие, расовая неприязнь и религиозный фанатизм - все это вместе взятое подстегивало его в погоне за последним из врагов императора; но, как он ни старался, в течение того лета Дориа так и не смог выйти на след Драгута. Корсары, как мы только что отметили, были прекрасными бойцами в тех случаях, когда это было необходимо для добычи добычи или бегства от тех, кто, подобно Дориа, мешал им добывать средства к существованию; но, с другой стороны, они не были дураками, они не жаждали тяжелых ударов и возможности поражения от такого человека, как адмирал императора, когда, проявив немного изобретательности, они могли не попасться ему на глаза. Драгут не собирался вступать в генеральное сражение на море только для того, чтобы угодить Дориа; в это лето удача была на его стороне, и он никогда не сталкивался с этим человеком, который с мрачной ненавистью в сердце искал его на каждом шагу. Если корсар был смел, как лев, когда представлялся случай, он был не менее скользким, чем угорь, когда хотел скрыться; встретиться лицом к лицу с двадцатью двумя королевскими галерами под командованием Дориа не входило в его программу. В случае чего Драгут не забывал о четырех годах, проведенных на галере Джаннетина Дориа, племянника адмирала, и в следующий раз намеревался сражаться до победы. В данный момент христианский адмирал был слишком силен, чтобы он мог что-то сделать, кроме как держаться подальше от него, и, к досаде Андреа, ему это удалось.

Дориа получил информацию о том, что Драгут находится в Монастире, и эта информация была совершенно верной; но к этому времени корсар уже знал, что не только поднял на ноги

все христианство, но и что адмирал идет по его следу. Вследствие этого он ускользнул из Монастира, "ибо, - как язвительно пишет Мармол, - наш корсар не хотел оставаться в таком незащищенном порту; у него были хорошие каблуки, и он любил морские просторы".

Драгут не опасался за свое новое владение, "Африку", поскольку знал, что у Дориа недостаточно сил для нападения на столь грозное место; поэтому, предоставив его судьбе, а также доблести и поведению своего племянника Айса, на которого он знал, что может положиться, "он отправился, - по словам летописца, - заниматься своим старым ремеслом, производя ужасные опустошения на побережье Испании и ее островов".

Пока Драгут занимался своими "ужасными опустошениями", Дориа не бездействовал, а в бесплодных поисках бороздил северное побережье Африки; в ходе этого он высадился на мысе Бона, на котором находился замок Калибия, удерживаемый корсарами; эти люди, составлявшие часть приверженцев Драгута, держали самую доблестную оборону; однако их было мало, и когда их капитан был убит шаром из аркебузы, они сдались. Воодушевленный этим успехом, христианский флот встал вдоль побережья, чтобы осмотреть "Африку". Проплыв совсем близко от берега, они оказались в пределах досягаемости пушек гарнизона, который под руководством Айса был очень настороже. Когда галера адмирала во главе линии проходила мимо стен города, ее обстреляли, и одно большое пушечное ядро попало в корму корабля Дориа, нанеся значительные повреждения конструкции и убив пятерых его людей. Это произошло среди бела дня на виду у всего гарнизона, который выражал свой восторг по поводу поражения врагов шумом кимвалов и атамбуров, а также дикими и свирепыми криками. Дориа, не имевший возможности высадиться и нанести ответный удар, впал в сильнейший пароксизм ярости, и нам говорят, что "он поклялся уничтожить этот ненавистный город".

Наступило время года, и Дориа вернулся домой, где его ждал приказ Карла о подготовке к захвату "Африки". Пока адмирал находился в гавани, Драгут, обнаружив, что моря снова открыты для него, вернулся из своих "Ужасных опустошений" и с пользой провел время, доставляя провизию и людей в город, который, как он знал, будет осажден в следующем году.

В течение последующей зимы Дориа совместно с наместниками Неаполя и Сицилии готовил экспедицию, которая должна была осуществить не только захват "Африки", но и, что было, по его мнению, не менее важно, уничтожение Драгут-Рейса. Ранней весной 1550 года все было готово, и армада Карла отплыла из Палермо в Трапани, где встретилась с силами дон Хуана де Веги, вице-короля Сицилии, дон Гарсии де Толедо, сына вице-короля Неаполя, а также с мальтийской эскадрой. Галеры, сопровождаемые флотом транспортов, отплыли в начале июня, а 20 числа того же месяца высадили армию немного восточнее Мегедии или "Африки".

Следует помнить, что жители Мегедии отнюдь не были в восторге от Драгут-Рейса и его пиратских последователей: Король Аист сменил короля Лога, а место прежнего монарха занял необычайно способный и свирепый человек Айса, чье правление далеко не нравилось более богатой и уважаемой части горожан.

Поэтому, когда Андреа Дориа и его капитаны осадили город, они стали роптать против его обороны, горячо желая заключить какой-нибудь договор с осаждающими; по их словам, с них было достаточно войны, и они хотели бы закончить свои дни в мире, если это возможно.

Однако Айса Рейс не желал слышать ни слова о капитуляции, заявив тем, кто роптал против обороны, что "если он услышит еще хоть слово об этих заговорах, то непременно принесет в жертву всех сыновей матери, а затем превратит город в пепел". Уже имея представление о

качествах этого несокрушимого корсара и чувствуя полную уверенность в том, что, если представится случай, он сдержит свое слово, жители больше не проявляли недовольства, смирившись с тем, что их родной город превратился в загон для ссор Дориа и Драгута. Можно искренне посочувствовать этим несчастным, которые, будучи преданы в первом случае, были вынуждены выдержать осаду во втором.

У Айса был отборный отряд из людей его дяди, около семнадцати сотен пеших и шести сотен конных, все они были опытными и грозными ветеранами, прошедшими войну на суше и на море. На них он, конечно, мог положиться до смерти. Простые жители города были склонны объединиться с корсарами в противостоянии их наследственному врагу - христианам; но магистраты и члены совета, величественные и преподобные синьоры, держались так неприметно отстраненно, что Айса был вынужден заставить их помочь в обороне, когда у него появится время заняться этим вопросом. Поскольку Драгут фактически не присутствовал при осаде, она не входит в рамки данной хроники; он находился за стенами, когда прибыли осаждающие, но все, что он мог сделать, он сделал. Со своими людьми, усиленными отрядом берберов, он преследовал христианскую армию; однако их было слишком много, чтобы он мог произвести какое-либо впечатление, и после нескольких отчаянных стычек он понял, что день потерян, и, сев на свои галеры, отплыл. Город после отчаянного и продолжительного сопротивления был наконец взят штурмом, и Дориа захватил Айсу, турецкого алькайда, и десять тысяч пленников самого низкого сорта. Из них, однако, не нашлось ни одного, кто был бы предан Драгуту; воины этого вождя не давали и не принимали пощады, так как боялись гнева грозного корсара больше, чем самой смерти.

Дон Хуан де Вега поручил командование городом своему сыну дону Альваро и отправился на поиски Драгута с двадцатью галерами, но море не оставляет следов, по которым можно было бы выследить беглеца, и его поиски оказались столь же бесплодными, как и поиски Дориа в предыдущем году. Ярость и разочарование адмирала не знали границ; что для него значили захват Айсы, турецкий алькайд, десять тысяч человек низшего сорта; да что для него значила сама "Африка", когда Драгут снова, как насмешливый дух, скрылся за горизонтом моря, чтобы опустошить, разграбить и снова убить бич и угрозу христианства.

Будет интересно вкратце описать судьбу этого города, который мы видели взятым и вновь взятым. Дон Альваро де Вега оставался губернатором до конца июля 1551 года, когда его место занял дон Санчо де Лейва; в это время произошел один из тех любопытных военных мятежей, столь характерных для шестнадцатого века. Солдаты, не получавшие жалованья месяцами, а возможно, и годами, взбунтовались, изгнали из города губернатора и других офицеров, даже сержантов, и перешли под руководство крепкого солдата по имени Антонио де Апонте, которому они дали титул "выборного мэра".

Дон Санчо отправился в Брюссель, чтобы доложить обо всем императору, и во время его отсутствия произошло обстоятельство, также необычайно характерное для этой безверной эпохи: приор Капуи, в то время генерал французских галер, вступил в переговоры с мятежниками о сдаче города французскому королю.

Блефующий Антонио де Апонте не хотел идти на такое предательство; он удерживал город для императора Карла и хотел лишь получить свою плату. В конце концов, мятеж внутри мятежа разгорелся извне, и, разделив мятежников, император вернул себе город; некоторые из мятежников были повешены, а Апонте, попавший в плен к туркам, умер в Константинополе.

Император предложил "Африку" мальтийским рыцарям с ежегодным содержанием в двадцать четыре тысячи дукатов; рыцари отказались, к большому огорчению Карла, который

отдал приказ о ее полном уничтожении. Это было сделано путем взрыва порохом стен, башен и укреплений, которые Аль-Мехеди, в честь которого был назван город, "возвел с таким искусством и силой, и его ум был настолько прикован к этой работе, что он говорил: "Если бы я думал, что строительство этих укреплений из железа и латуни сделает их более прочными, я бы непременно это сделал"".

ГЛАВА XVII

ДРАГУТ-РЕЙС

Как Драгут был блокирован на острове Джерба, как он покинул Андреа Дона "с собакой, чтобы удержать", как он вернулся в Константинополь и как он отплыл оттуда с большой экспедицией против рыцарей Мальты.

Карл V "выкурил лису", но его адмиралу не удалось поймать это удивительно хитрое животное, так как Драгут не только оставался на свободе, но и жаждал отомстить тем, кто его лишил власти. Он потерял "свой город", как он называл Африку; он потерял две тысячи пятьсот человек - среди них были самые свирепые и опытные из его корсаров; он потерял десять тысяч рабов, представлявших собой большую сумму денег и много богатства. Корсар, однако, был не из тех, кто просто сидит и унывает; для него энергичные и продолжительные действия были законом его бытия, и он сразу же отправился в Константинополь. Здесь его хорошо знали как ловкого и умелого мореплавателя и самого решительного врага христиан, и, следовательно, он был уверен не только в радушном приеме, но и в существенной помощи, если только ему удастся убедить Великого Турка отнестись к его обидам так же, как он сам 270 . В действительности же корсары, как мы видели, играли в игры падишаха, как правило, без всякого ущерба для него; поэтому, когда они попадали в беду, он был не прочь оказать им помощь.

Драгут, как и все морские волки, любил деньги и еще больше любил то, что можно купить за деньги; теперь он жаждал мести как самого сладкого лакомства, которое могли бы достать для него накопленные дукаты. Султан был настроен к нему благосклонно, и у него были все основания думать об этом; тем не менее он по-королевски тратил деньги среди продажных фаворитов двора, чтобы ничем не разжечь пыл Солимана против тех, кого он считал своими наследственными врагами.

Корсар с таким умением и ловкостью вел свои дела, что убедил султана обратиться с письмом к Карлу, требуя немедленного возвращения городов Сузы, Сфакса, Монастира и "Африки". Это, конечно, означало войну, так как Карл немедленно ответил, что эти места находятся в зависимости от короля Туниса и что этот правитель находится под его особым покровительством; далее, что они принадлежат ему по праву завоевания; наконец, что этот вопрос нисколько не касается константинопольского султана. Суровый и властный христианский император был не в настроении мириться с вмешательством, тем более что он ясно видел, что, хотя требование принадлежит Солиману, движущей силой в этом деле был не кто иной, как Драгут. Поэтому в приложении к своему ответу султану он сообщил монарху, что эти места, которые он захватил на побережье Африки, были отняты им "у некоего Драгута, корсара, одиозного для Бога и человека"; что, ни в коем случае не отступая от договора,

который он заключил с Солиманом, "он намерен преследовать этого пирата, куда бы тот ни пошел".

Оказал ли этот донос на Драгута какое-либо влияние на султана, сказать невозможно; он имел привычку нанимать корсаров и, очевидно, не заботился об их пиратской репутации, пока их грабежи ограничивались христианскими судами. Однако вскоре после получения ответа Карла султан присвоил Драгуту титул санджака или губернатора острова Санта-Маура, тем самым сделав его турецким чиновником.

Андреа Дориа снова приказал выйти в море, чтобы сразиться ни с малым, ни с великим, а только с Драгутом; он должен был взять его живым или мертвым, но живым, чтобы заставить его ответить перед христианским правосудием за все злодеяния, совершенные им на суше и на море. Корсар тем временем вернулся на Джербу, остров на восточном побережье Туниса, сильно пострадавший от морских волков, который в современных историях известен как Джерба, как Лос-Гелуэс (у испанских писателей), как Гельвес и под разными другими названиями, которые сильно запутывают его идентичность.

Дориа вышел в море с двадцатью двумя королевскими галерами еще до того, как Драгут узнал об этом. Генуэзский адмирал узнал, что его добыча находится в Джербе; не теряя ни минуты, он направился туда, убедился, что его правильно информировали, и бросил якорь в устье гавани, в месте, известном как Ла Бокка де Кантара. Драгут был полностью блокирован, Дориа был в такой силе, что не мог, как бы безрассуден он ни был, попытаться форсировать проход. Но с наступлением часа дух корсара восстал, чтобы ответить на вызов: одно дело - заманить Драгут-Рейса в ловушку, совсем другое - удержать его там. Поэтому он собрал все свои войска, подтащил пушки к устью гавани и обрушил на христианские корабли такой мощный огонь, что они вынуждены были отступить на расстояние выстрела. Эта тактика не оставила Дориа равнодушным; из гавани был только один выход, и он был совершенно уверен, что, когда Драгуту надоест голодать, он либо сдастся, либо будет вести безнадежную борьбу. Адмирал удовлетворенно оглядел свой стоящий на якоре флот: враг был отдан в его руки, и теперь ему оставалось только ждать последнего триумфа, чтобы предстать перед своим повелителем императором с пленником - знаменитым корсаром. Он видел, как на его глазах в устье гавани возвышается огромный форт, и лишь безмятежно улыбался; он отправил в Сицилию и Неаполь подкрепления, чтобы в нужный момент разгромить корсарскую твердыню так основательно, чтобы она никогда больше не поднялась. В депешах, которые он отправил, говорилось: "Лиса поймана" - "эта новость обрадовала все части христианства, и самые мощные подкрепления ежедневно стекались в морские порты со всех сторон; так жаждали страдальцы отомстить этому столь ужасному корсару".

История того, что произошло, изложена доном Луисом де Мармолем Каравахалем в его "Общем описании Африки", которое было напечатано в Гранаде "в доме Рене Рабата, импресора книг в 1573 году", то есть спустя примерно двадцать лет после этих событий; она изложена в его главе под названием "Как Андреа Дориа искал эти события; она изложена в его главе "Драгут Арраес". Мы также располагаем авторитетом выдающегося историка, месье аббата де Верто.

Капитан Хуан Васкес Коронадо отправился в Неаполь с письмами от Андреа Дориа к дону Педро де Толедо, в которых тот просил вице-короля прислать ему все галеры в Неаполе с максимальным количеством солдат, указывая, что Драгут попал в ловушку, из которой ему не выбраться, но на этот раз он желает обеспечить безопасность вдвойне. Письма с той же целью были отправлены дону Хуану де Вега, вице-королю Сицилии, и Марко Центуриону в собственный город адмирала Геную. На этот раз Дориа не оставлял ничего на волю случая.

Тем временем в Бокка-де-Кантара у входа в гавань Драгута были возведены большие земляные укрепления, и любой корабль, приближавшийся на расстояние выстрела, подвергался самой яростной бомбардировке. Это забавляло Андреа Дориа, который, будучи уверенным, что челюсти ловушки сомкнулись, внимательно следил за судами, выходящими из гавани, но в остальном несколько не беспокоился об укрепрайонах. Разве Неаполь не гудел от подготовки? Разве генуэзцы не придут тысячами на призыв своего прославленного вождя? Можно ли доверять вице-королю Сицилии, что он приложит все усилия, чтобы добиться расположения своего императорского господина?

"Время и я - двое" - любимое выражение испанского короля Филиппа II; та же мысль могла прийти в голову Дориа по этому памяtnому случаю. Ему оставалось только ждать; чем дольше он ждал, тем увереннее был бы в успехе, тем увереннее был бы в полном поражении своего врага. Но адмирал еще не знал человека, которому противостоял; за все годы, что он сражался с Драгутом, он ни разу не оценил безграничных ресурсов и расчетливой дерзости этого преемника Хейр-эд-Дина Барбароссы. Пока адмирал отправлял свои депеши и безучастно наблюдал за бесполезным, по его мнению, строительством земляных сооружений на берегу у Бокка-де-Кантара, его враг готовил ему сюрприз, который вскоре должен был сделать его посмешищем всей Европы. Драгут оказался в ловушке, и он прекрасно понимал это; через Бокка-де-Кантара бежать было невозможно, а ни примирительная капитуляция, ни полное уничтожение ни в коем случае не пришлось по вкусу пиратскому вожаку. Если бы Дориа пошел в атаку сразу, судьба корсара была бы предreshена; политика промедления, принятая христианским адмиралом, стала его спасением.

Человек менее способный, менее решительный, чем Драгут, вполне мог бы отчаяться; но он привлек к решению проблемы, с которой столкнулся, всю тонкость своей натуры, всю изворотливость прирожденного моряка, каким он был. С самого начала у него все было продумано: земляные работы в Бокка-де-Кантара, передвижения войск, яростная канонада - все это было лишь слепком, скрывающим истинный замысел, который он вынашивал. В дополнение к своим бойцам он имел в своем распоряжении около двух тысяч островитян, крепких магометан, готовых и желающих помочь ему в его замысле обманом лишить христиан их добычи. День и ночь, не покладая рук, гарнизон и островитяне трудились над планом, который придумал их предводитель. От начала гавани Драгут проложил дорогу через весь остров к морю на противоположной стороне: на нее уложили доски, прикрутили их к шпалам, а затем густо смазали жиром. Тогдашние суда были, конечно, сравнительно легкими, и при наличии достаточного количества рук с ними можно было справиться. Ночью Драгут собрал свои силы, и к утру все галеры, галеасы и бригантины были перетащены через остров и спущены на воду на противоположном берегу. Оставалось только погрузить магазины, пушки и боеприпасы и спокойно отплыть, что и произошло. И снова Драгут скрылся за горизонтом, "оставив Андреа Дориа с собакой на привязи", по причудливому выражению летописца этих событий дона Луиса де Мармоля Каравахала.

Неутомимому корсару не только удалось уйти, не вызвав никаких подозрений у адмирала, но и первым его действием после выхода в открытое море стал захват галеры "*Патрона*", присланной из Сицилии доном Хуаном де Вега с сообщением, что подкрепление уже в пути. На этом злополучном судне находился Бугер, сын Мулей Хасана, короля Туниса, который был отправлен в качестве приза Солиману в Константинополь, где султан приказал заточить его в "*Torre del Mar Negro*". Здесь он оставался до самой смерти, в наказание за то, что он, мусульманин, помогал христианам.

Никогда больше Драгут не оказывался в таком тяжелом положении, как в этот раз на острове Джерба, когда благодаря смекалке и хитрости он вырвался из ловушки, в которую его заманил Дория. Каковы были эмоции адмирала, когда он обнаружил, что его в очередной раз одурачили, нетрудно представить, поскольку ни в коем случае нельзя было замалчивать эту историю; и, несмотря на раздражение всего христианства по поводу побега Драгута, никто не мог не восхищаться его необычайной ловкостью и не смеяться над тем, как Дория и наместники Неаполя и Сицилии оказались в замешательстве.

Драгут вернулся в Константинополь, чтобы принять поздравления с побегом и поучаствовать в новом замысле подстрекательства султана против христиан. Все, кто исповедовал эту веру, естественно, были неприятны корсару; но его личная ненависть была направлена исключительно против рыцарей Мальты, с которыми он враждовал всю свою жизнь. В настоящее время султан был озабочен тем, чтобы вернуть города на побережье Африки, захваченные испанцами; но Драгут заявил ему, что "пока он не выкурит это гнездо гадюк, он нигде не сможет принести пользу". Башавы и Диван, сильно подкупленные корсарами, придерживались того же мнения, пока Солиман с утра до ночи не слышал ничего, кроме злодеяний мальтийских рыцарей. Их представляли ему как корсаров, разоряющих его торговлю и разбивающих его армады, которые не упускают ни одной возможности преследовать мусульманина, где бы он ни находился. В этом было больше, чем доля правды, как мы увидим, когда перейдем к следующей главе, которая будет посвящена обзору этого воинствующего ордена. Здесь же достаточно сказать, что рыцари сражались за то, что они называли "религией" (именно так они обозначали свою конфедерацию), и преследовать и поработать мусульман, уничтожать их, как вредных животных, где бы они ни находились, - вот причина их существования. Правда, грабили они не ради личной выгоды, но многие богатые призы буксировали на Мальту мимо Святого Эльма и зловеще названного "Пунта делле Форче" ("Точка виселицы", где вешали всех захваченных пиратов), доходы от которых шли на обогащение ордена; чтобы купить себе средства для новой битвы с магометанами.

Издавательства над рыцарями нашли понимание; в ранние годы Солиман Великолепный изгнал рыцарей с Родоса; с тех пор Карл V предоставил им острова Мальта и Гозо, а также город Триполи в Барбарии в качестве места жительства; с Мальты они никогда не прекращали войн против корсаров, а также против султана и его подданных. Поэтому в 1551 году Солиман распорядился подготовить экспедицию с целью раз и навсегда сокрушить этих нарушителей мира ислама. Приготовления были столь масштабными, что очень скоро в Европе поползли слухи о том, что готовится нечто действительно серьезное: в Константинополе, однако, люди держали свой собственный совет; о делах падишаха говорили плохо, и, кроме Драгута и предполагаемых руководителей экспедиции, султан никого не брал в свое доверие. Карл V, как ни хороши были его шпионы, был в неведении относительно назначения этой новой армады, как и более скромные люди; в ней он снова узнал руку Драгута, и Дория получил постоянный приказ поймать этого злонамеренного человека, если удастся. Однако в настоящее время не было никакой возможности осуществить столь желанное дело, поскольку Драгут руководил снаряжением новой экспедиции в Константинополе.

Тревожась и подозревая о замыслах турок, Карл приказал сосредоточить свой флот в Мессине.

Великим магистром мальтийских рыцарей в это время был испанец Хуан д'Омедес; он был, по словам де Верто, "великим магистром Испании", что означает, что он полностью подчинялся императору и был готов в любой момент отдать галеры "Религии" под приказ этого монарха. Рыцари, как и все остальные, с тревогой следили за подготовкой этой

великой экспедиции в Константинополь, и когда Великий магистр предложил отправить галеры Ордена на соединение с Дориа в Мессину, в Совете Совета было выражено большое недовольство. Члены совета сообщили Великому магистру, что им следовало бы не помогать такому великому государю, как Карл, а позаботиться о собственной безопасности, позаботившись о своих укреплениях, которые находились в отнюдь не удовлетворительном состоянии. Д'Омедес утверждал, что эта экспедиция была предназначена для службы королю Франции против императора и что Мальта не является целью. Поэтому он отправил галеры "Религии" под командованием шевалье "Железная нога", генерала галер, чтобы присоединиться к флоту, который должен был встретиться в Мессине. Едва он успел это сделать, как из Леванта пришло известие, что флот Великого Турка находится в море и направляется к Сицилии. Флот состоял из ста двенадцати королевских галер, двух больших галеасов, множества бригантин и транспортных судов. Командовал им Синан-Рейс с двенадцатью тысячами янычар, многочисленными пионерами и инженерами, а также всеми необходимыми приспособлениями для осады.

Столь большое количество янычар свидетельствовало о серьезности цели экспедиции, поскольку султан не желал расставаться с людьми из этого *элитного корпуса*, если только не принимал командование лично. Здесь следует пояснить, что именно представляли собой янычары, и это можно сделать лучше, чем с помощью выдержки из знаменитого историка Прескотта:

"Самым примечательным из турецких институтов, который, можно сказать, стал краеугольным камнем системы, был тот, который касался христианского населения империи. Раз в пять лет проводилась всеобщая воинская повинность, в результате которой все дети христианских родителей, достигшие семилетнего возраста и подававшие надежды на совершенствование ума и тела, забирались из своих домов и привозились в столицу. Затем их развезли по разным кварталам и поместили в семинарии, где они могли получить такое обучение, которое подготовило бы их к жизненным обязанностям. Тех, кто подавал наибольшие надежды на силу и выносливость, отправляли в места, приготовленные для них в Малой Азии. Здесь их подвергали суровому обучению, воздержанию, всевозможным лишениям и строгой дисциплине, которая должна была подготовить их к профессии солдата. Из этого корпуса был сформирован знаменитый корпус янычар..... Можно сказать, что вся их жизнь прошла на войне или в подготовке к ней. Им было запрещено жениться, у них не было семей, которые могли бы привлечь их привязанности, которые, как у монахов и монахов христианских стран, были сосредоточены в их собственном ордене, чье процветание было неразрывно связано с процветанием государства. Гордясь привилегиями, которые отличали их от остальной армии, они, казалось, желали доказать свое право на них тщательной дисциплиной и готовностью выполнять самые опасные и трудные задания. Одетые в свои струящиеся одежды, так мало приспособленные для войны, вооруженные аркебузами и скимитами - в их руках более чем подходящими для пики или меча европейца - с развевающимся над головой плюмажем цапли, их плотный строй всегда можно было увидеть в самой гуще боя; и не раз, когда судьба империи дрожала на весах, именно этот непобедимый корпус перевешивал чашу весов и своим бесстрашным поведением решал судьбу дня. Набирая с возрастом свежую репутацию, до тех пор, пока их дисциплина оставалась неизменной, они могли сравниться с лучшими солдатами Европы. Но в время эта восхитительная организация претерпела изменения. Один султан разрешил им жениться, другой - брать в корпус своих сыновей, третий открыл ряды как для турок, так и для христиан,

пока, утратив свой особый характер, янычары не стали смешиваться с ополчением империи. Эти изменения произошли во времена Филиппа Второго".

Но продолжим: незадолго до отплытия галер "Религии" с Мальты на этот остров прибыл из Франции знаменитый шевалье, командор де Виллеганьон. Этот великий дворянин в лицо заявил Великому магистру, что тот пренебрегает своим долгом, что экспедиция Великого турка направляется на Мальту и в Триполи: кроме того, Анна де Монморанси, коннетабль и первый министр Франции, поручила ему сообщить Великому магистру, что это вооружение направлено против "Религии". Беседа между Великим магистром и де Виллеганьоном состоялась на заседании Больших крестов ордена; когда командор закончил говорить, его холодно поблагодарил д'Омедес, который затем с поклоном удалился. Повернувшись к рыцарям Большого креста, он с усмешкой сказал: "Либо этот француз - дурак коннетабля, либо он хочет сделать нас своими". Затем он продолжил подробно излагать причины, по которым Солиман не стал бы направлять столь масштабную экспедицию против "религии". Многие рыцари были категорически не согласны с его выводами, но д'Омедес отказался выслушать их доводы. Даже прибывшие 13 июля сообщения о том, что армада движется на юг, опустошая итальянские порты, не заставили его отказаться от упрямой озабоченности; пока 16 июля прибытие османского флота не положило конец всем спекуляциям.

Армадой, отплывшей из Константинополя, командовал Синан-баша, но он получил четкий приказ не предпринимать никаких важных шагов, не посоветовавшись предварительно с Драгутом, который номинально был его лейтенантом. Для рыцарей было хорошо, что в данном случае корсар не был верховным главнокомандующим; в этом случае острова были бы захвачены, поскольку не было сделано никаких приготовлений для отражения силовой атаки, а Хуан д'Омедес был Великим магистром, который не вызывал энтузиазма ни у рыцарей, ни у жителей. Выбор Синана не был тем, что ставит в заслугу проникновенность султана. Поясним. Каждый из нас в то или иное время испытывает желание выразить какой-либо факт как можно меньшим количеством слов; поместить сделку или обстоятельство, которое мы хотим описать, в прожектор истины в такой неоспоримой манере, чтобы озарение, вызванное этим нашим умственным усилием, сразу же высветило наш смысл для интеллекта тех, к кому мы обращаемся. Этим свойством обладают немногие даже среди великих писателей - более того, некоторые исторические изречения, дошедшие до нас, исходили вовсе не от пишущей братии, а от солдат, моряков, государственных деятелей и других занятых делом людей. Качество, которое отличает человека действия от всех остальных, - это бесстрашие перед ответственностью; обладание достаточным величием души и моральных качеств, чтобы воспользоваться возможностью и извлечь из нее максимум пользы, когда возникает повод, не предусмотренный теми, кто над ним властвует. Но гораздо чаще в мировой истории случалось, что смелые и способные лидеры терпели неудачу из-за отсутствия того неопределимого качества, которое отделяло их выдающиеся заслуги от того абсолютного и реального превосходства, которое отличает первоклассного человека.

Как же различить, описать, где и в чем проявляется это везение?

К счастью, это сделал для нас в семи словах Сеньеле, морской министр Луи Кваторза в 1692 году. Говоря об адмирале де Турвиле, который победил англичан и голландцев в битве при Бичи-Хед 10 июля 1690 года, Сеньеле говорит о нем, что он был "poltron de tête mais pas de coeur". Суждение было справедливым: де Турвиль, столь же безрассудно галантный, как и любой другой французский дворянин, не оправдал возложенных на него обязанностей два

года спустя в битве при Ла-Хогге. Мэхэн говорит: "Осторожность, с которой он преследовал союзников после Бичи-Хед, хотя и была столь различна внешне, проистекала из той же черты, которая побудила его два года спустя вести свой флот на почти верную гибель при Ла-Хогге, потому что у него в кармане был приказ короля. Он был достаточно храбр, чтобы сделать все, но недостаточно силен, чтобы нести самые тяжелые бремена".

Мы видим применение этой истины в рассматриваемый нами период; особенно ярко она проявляется в случае с лидерами турков-османов. Они служили деспоту с неограниченными полномочиями, и неудача в успешном применении его оружия могла привести к немедленной и насильственной смерти командира. Поэтому, если давались точные указания, они, как правило, выполнялись до мелочей, так как в случае поражения можно было попытаться переложить ответственность на плечи падишаха. За неудачу по собственной инициативе полагалось быстрое возмездие; полный и абсолютный успех был единственным оправданием для отступления от приказа.

Совсем иначе обстояло дело с Морскими волками, которые были законом для себя и только для себя. Если им вздумается "поставить на кон кость, чтобы выиграть или проиграть все", никто не мог сказать им "нет", не существовало никакого наказания, кроме поражения. Именно это так часто способствовало их успеху. Какими бы деспотами ни были такие люди, как Хейр-эд-Дин Барбаросса и Драгут, они не в меньшей степени зависели от доброй воли своих последователей. Поэтому, решившись на отчаянное предприятие, они апеллировали к боевым инстинктам, честолюбию и фанатизму этих людей. Если им удавалось заручиться их доброй волей для задуманной попытки, значит, все было в порядке, и за ними не стояла мрачная зловещая фигура, чье слово было смертью, а дыхание - разрушением.

Освободившись от всех пут, сковывавших обычного воина того времени, в котором они жили, они, как мы видели, могли пойти далеко; ведь человек, в котором высшие способности сочетаются с абсолютной беспринципностью, - самый опасный враг человеческой расы. Деспотизм вождей морских волков не был их божественным правом, как считали люди в случае с падишахом; тем не менее в практическом применении он мало чем уступал султанскому. По соображениям политики Морские волки вступили в союз с Великим Турком; по соображениям политики этот монарх нанял их и доверил им ведение важных дел. Сделка была выгодной для обеих сторон: на морских волков распространялась эгида одной из самых могущественных империй земли, а к султану пришли "настоящие люди моря", закаленные в конфликтах, не боящиеся ответственности, как и всего остального; способные в том смысле, в каком вряд ли мог быть способен человек, выросший в атмосфере константинопольского двора. Хейр-эд-Дину султан оказал полное доверие; он был вознагражден тем, что знаменитый Дория покинул поле битвы при Превесе, а этот великий корсар постоянно наносил оскорбления и обиды своим христианским врагам. Теперь он обратился к Драгуту, и, как мы уже говорили, когда Синан-баша отплыл от Золотого Рога, он получил приказ не предпринимать ничего важного без совета с корсаром. Невозможно сказать, почему главнокомандующий не был доверен ему, ведь у султана был прецедент Хейр-эд-Дина, на который можно было опираться. Можно лишь предположить, что Солиман, обнаружив, насколько непопулярным было это назначение среди его высших офицеров, не захотел рисковать экспериментом второй раз; и в результате нанял Синана. К этому офицеру афоризм Сеньеле применим в полной мере. Он был таким храбрым человеком, какой когда-либо брал в руки меч, служа своему господину; однако он был нерешительным и

некомпетентным лидером, с одним глазом, постоянно прикованным к тому далекому дворцу на берегу Золотого Рога, в котором обитал вершитель его судьбы и всех тех, кто плывал под знаменем Полумесяца.

ГЛАВА XVIII

РЫЦАРИ СВ. ИОАННА

Рыцари Святого Иоанна Иерусалимского, впоследствии известные как рыцари Родоса, а со временем как рыцари Мальты - краткое описание ордена, включая рассказ о том, как Гозон де Дье-Донне, впоследствии Великий магистр, убил великого змея Родоса; а также о Жане Паризо де ла Валетте, сорок восьмом Великом магистре, командовавшем во время осады Мальты, в которой войска Солимана Великолепного были разбиты после осады, продолжавшейся сто тринадцать дней.

Среди всех тех княжеств и держав, против которых Драгут боролся на протяжении всего своего напряженного существования, не было ни одной, к которой он относился бы с таким отвращением, как к знаменитым рыцарям Святого Иоанна, известным в XVI веке как Мальтийские рыцари. Эта воинствующая религиозная организация возникла в Иерусалиме при особых и интересных обстоятельствах. После смерти Магомета его последователи, пылая рвением, отстаивали догматы своей религии огнем и мечом; в годы, последовавшие за хиджрой 622 года н. э., оружие мусульман повсеместно достигало успеха, и среди прочих мест, завоеванных ими, была Палестина. Император Карл Великий приобрел столь большую известность, что его слава дошла даже до Азии, и Эгинард сообщает, что халиф 287 Харун Рашид разрешил французской нации содержать дом в Иерусалиме для приема паломников, посещающих святыне, и что, далее, принц разрешил патриарху Иерусалима послать христианскому императору от его имени ключи от Гроба Господня и от Голгофы, а также штандарт, который был знаком власти и могущества, переданных мусульманским правителем своему могущественному современнику. В середине XI века итальянские купцы из Амальфи, испытавшие на себе тяжелую участь христианских паломников в достижении Святого города, добились от халифа Мустафы-Биллы уступки земли, на которой построили часовню, известную как Святой Марии Латинской, чтобы отличить ее от греческой церкви, уже основанной в Иерусалиме, а также возвели богадельню для приема паломников, как в болезни, так и в здравии, известную как богадельня Святого Иоанна.

В 1093 году неустанные усилия Петра Отшельника при поддержке папы Урбена II привели к первому крестовому походу, а в 1099 году мы впервые слышим о Жераре, основателе ордена Святого Иоанна. Жерар был французским монахом, который, видя добрые дела, совершаемые хосписом святого Иоанна, присоединился к нему, а в это время уже много лет занимался благотворительностью и посвящал себя паломникам.

Годфри де Буйон, победив сарацинов у стен Иерусалима, вошел в город и посетил богадельню святого Иоанна; там он нашел многих крестоносцев, которые были ранены во время осады и которых перенесли туда после взятия города: все эти люди громко восхваляли любящую доброту, с которой их принимали и лечили.

Крестоносцы с большим почтением и благоговением относились к этим простым монахам, ибо не было ли распространено мнение, что эти святые люди сами питались самой грубой и отвратительной пищей, чтобы пища в хосписе была чистой и обильной? Увлеченные этим прекрасным примером христианского милосердия, несколько знатных господ, которых опекали в хосписе, отказались от мысли вернуться в свои страны и посвятили себя хоспису святого Иоанна и служению паломникам, бедным и больным. Среди них был и Раймонд Дюпюи.

Великий принц Годфрид де Буйон полностью одобрил шаги этих господ и со своей стороны пожертвовал на содержание хосписа сеньорию Монбирре со всеми ее владениями, которая составляла часть его домена в Брабанте. Его примеру последовали христианские князья и знатные вельможи из числа крестоносцев, которые обогатили хоспис многими землями и сеньориями как в Палестине, так и в Европе. Все эти земли и владения были безраздельно отданы в руки святого Герарда, чтобы он распоряжался ими по своему усмотрению для развития своего дела. В 1118 году Жерар умер в глубокой старости; "он умер на руках братьев, почти без болезней, упав, как можно сказать, подобно плоду, созревшему для вечности".

Его преемником госпитальеры избрали Раймонда Дюпюи, дворянина славного происхождения из провинции Дофины, и именно он впервые стал править под титулом Великого магистра. Жизнь Жерара прошла в милосердии и доброте, братья Святого Иоанна занимались лишь уходом за больными, помощью бедным и паломникам; но Раймонд Дюпюи был воином Креста, и он представил ордену план, по которому из его членов должен быть сформирован военный корпус, обязующийся вести вечный крестовый поход против неверных. Это предложение, принятое полным конклавом, было одобрено, и тогда появилось самое замечательное тело религиозных воинов, которое когда-либо видел мир.

Этот договор против неверных был направлен в первую очередь против варваров, заплотивших Святой город, и госпитальеры, которые почти все были рыцарями и солдатами Годфрида де Буйона, с радостью снова взяли в руки оружие, чтобы применить его для защиты этого дорогого им города и для защиты паломников, которых грабили, убивали и подвергали жестокому обращению во всех окрестных странах. Став вновь воинами, они поклялись направить свое оружие против неверного и только против него; не делать и не вмешиваться с оружием в руки ни в какие споры между людьми своей веры. Состав ордена, как он был устроен Раймондом Дюпюи, состоял из трех классов. В первый помещались люди высокого происхождения и звания, которые, будучи воспитанными в оружии, были способны принимать командование. Во втором - священники и капелланы, которые, помимо обычных обязанностей, связанных с их религиозной профессией, должны были, каждый в свою очередь, сопровождать сражающихся в их войнах. Тех, кто не принадлежал ни к знатным домам, ни к церковной профессии, называли "служивыми братьями": они безразлично следовали за рыцарями в бой или ухаживали за больными в госпитале и отличались гербом другого цвета, чем тот, который носили рыцари.

Поскольку орден поразительно процветал, и к нему стекалось множество молодых дворян со всех концов Европы, чтобы записаться под его знамена, он был соответственно разделен на семь "Языков": Прованса, Оверни, Франции, Италии, Арагона, Германии и Англии. К Арагонскому языку в более поздние годы добавились языки Кастилии и Португалии. Одежда состояла из черной мантии и мантии того же цвета, все это называлось *manteau à bes*, на левой стороне которого был белый крест из ткани со светлыми точками. Восьмиконечный крест, или Мальтийский крест, как его стали называть в последующие века,

можно увидеть на доспехах, выгравированных на нагруднике, на всех изображениях Великих магистров.

В 1259 году папа Александр IV, обнаружив, что люди благородного происхождения возражают против того, чтобы их одевали, как "служивых братьев", постановил, что рыцари в походе должны носить "соправесте" из алой ткани, расшитой белым крестом; кроме того, если какой-либо рыцарь покинет строй и убежит из боя, он должен быть лишен своего ордена и привычки. Форма правления была чисто аристократической, вся власть принадлежала Совету, главой которого был Великий магистр, а в случае разделения мнений на равных решающий голос предоставлялся Великому магистру. В ордене было несколько престарелых рыцарей, называемых "прецепторами", которые, согласно полномочиям, делегированным им Советом, управляли имениями и фондами, а также оплачивали наем солдат или "светских", которых рыцари брали к себе на службу.

Кстати, можно упомянуть, что создание рыцарей Святого Иоанна привело к основанию знаменитого ордена рыцарей-тамплиеров. В 1118 году Гуг де Пайенс, Жофfrey де Сент-Альдемар и еще семь французских дворян, чьи сердца были тронуты страданиями, которым подвергались паломники на пути в Иерусалим, объединились в общество, целью которого была защита этих незащищенных людей во время их путешествия от побережья вглубь страны. Гуго де Пайенс, принятый на аудиенции папой Оноре II, был послан понтификом к пэрам Совета, собравшимся в то время в Труа в Шампани; Совет одобрил столь благотворительное предприятие, и был создан орден, а Бернар, известный как "Святой" Бернар, составил свод правил, по которым он должен был управляться. Движение распространилось, и многие принцы и дворяне вернулись в Святую землю в сопровождении де Пайенса и его спутников.

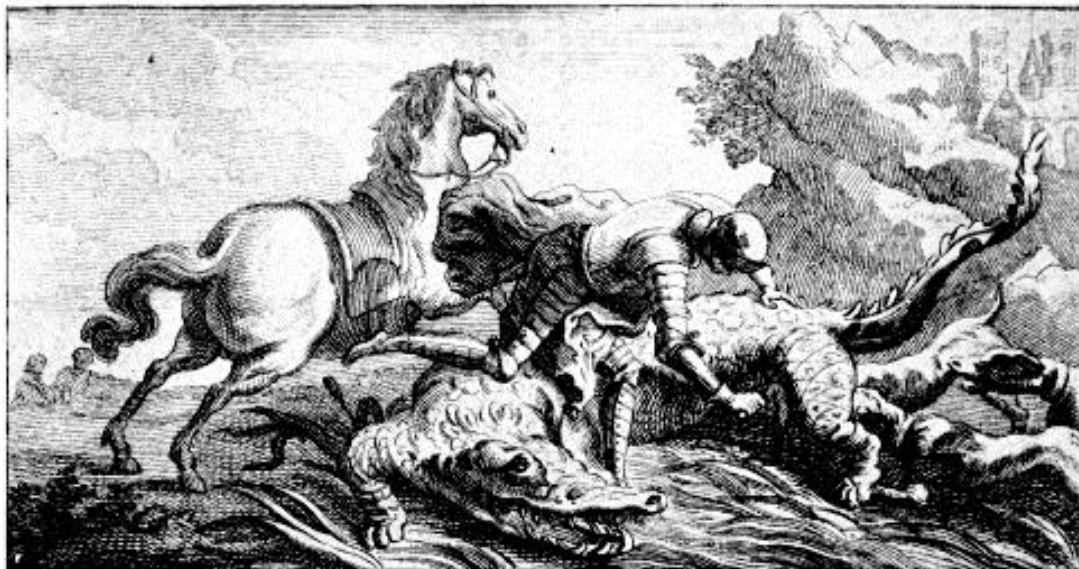
Орден Святого Иоанна стал настолько известен, что в 1133 году Альфонсо, король Наварры и Арагона, называвший себя императором Испании, довел свое рвение до того, что завещал рыцарям свои королевства Наварру и Арагон: это, однако, вызвало естественные и горячие споры в этих местах, и Раймонд Дюпюи, присутствовавший на Совете по регулированию этого вопроса, был удовлетворен компромиссом в отношении определенных земель и льгот, выделенных тем, кого он представлял.

15 августа 1310 года рыцари под предводительством Великого магистра Фулька де Вилларе завоевали остров Родос и обосновались там, и с этого времени, пока они владели островом, их стали называть рыцарями Родоса. Не успели рыцари прочно обосноваться на Родосе и привести укрепления в надлежащее состояние, как на самой высокой точке острова была построена башня огромной высоты, с которой открывался вид на море и близлежащие острова, и с которой можно было получать информацию о движении любых судов, которые были замечены. Затем было решено укрепить небольшой остров Кос или Ланго, расположенный неподалеку, поскольку он содержал отличную гавань; на острове возвели крепость, спланированную самим Великим магистром, оставили рыцаря для командования, и нам рассказывают, что при преемниках де Вилларе, который сам был двадцать четвертым Великим магистром, остров, который был очень плодородным, чрезвычайно процветал, давая много фруктов и превосходного вина.

В то время, когда рыцари захватили Родос, в Вифинии царствовал тот осман, чье имя дошло до нас, когда мы говорим об Османской империи; Несколько странное совпадение, что христианские воины, заклятые враги мусульман, должны были так утвердиться именно тогда, когда волна магометанского завоевания должна была подняться и смести Византию; что они должны были прибыть на сцену как раз тогда, когда занавес должен был подняться над

трагедией, которая в своем движении вперед должна была сделать из церкви Св. Софии в мечеть для поклонения туркам-османам.

Осман - потомок некоего Солимана, вождя кочевого племени татар, изгнанного из Персидской империи в 1214 году, - был не только воином и завоевателем, но и великим и благодетельным правителем в тех областях, где он властвовал. Приблизившись к тем своим единоверцам, которые были изгнаны с Родоса рыцарями, Осман собрал армию и напал на это место, уверяя себя в легком завоевании. Однако, несмотря на поспешно возведенные укрепления, его войска были разбиты с большими потерями, и он был вынужден снять осаду. Так неукротимые поборники христианства начали долгую и кровопролитную войну между Крестом и Полумесяцем в Средиземноморье, которая продлится еще почти пять веков.

ГОЗОН ДЕ ДЬЕ-ДОННЕ УБИВАЕТ ВЕЛИКОГО РОДОССКОГО ЗМЕЯ.

В долгой, многократной и славной истории рыцарей есть немало странных и получудесных деяний, рассказанных о них в войнах и приключениях, в которых они принимали столь заметное участие; нижеприведенный рассказ, который серьезно изложен историками того времени, можно оставить на усмотрение читателя. В 1324 году Фулька де Вилларе сменил на посту Великого магистра Гелион де Вильнев, рыцарь образцового благочестия и строгой дисциплины. Под его правлением орден вновь обрел те привычки суровой простоты, от которых отступил его предшественник. В 1329 году Родос сильно взволновал тот факт, что крокодил или змея - как его безразлично описывают - поселился в болотах у подножия горы Сент-Этьенн, в двух милях от города. Эта свирепая тварь пожирала овец и крупный рогатый скот; кроме того, несколько жителей погибли, приблизившись к месту ее обитания. На него было совершено несколько нападений, но, поскольку огнестрельного оружия не было, все снаряды, выпущенные в него, безвредно отскакивали от чешуи, которой он был покрыт. Она стала настолько опасной, что Великий магистр счел своим долгом запретить кому-либо из рыцарей пытаться ее уничтожить; приказ был выполнен с доброй волей. Однако был один рыцарь из Языка Прованса по имени Гозон де Дье-Донне, который втайне решил, что убьет змею, и сделал своим занятием как можно более тщательное наблюдение за повадками чудовища. Удостоверившись в некоторых моментах, он вернулся в свой замок Гозон в провинции Лангедок. Гозон хотел определить, какая часть тела змеи уязвима; он убедился, что брюхо существа не защищено чешуей. Поэтому он смоделировал из дерева настолько точное изображение змеи, насколько это было возможно, и раскрасил его так же, как

оригинал; брюхо модели было сделано из кожи. Затем он обучил несколько больших и свирепых гончих, которые по определенному сигналу должны были бросаться на модель и впиваться зубами в ее кожаную нижнюю часть. В течение нескольких месяцев изобретательный рыцарь упорно тренировал своих собак, сам сидя на лошади в полном вооружении и подбадривая их. Наконец он счел их совершенными в своих частях и, взяв с собой двух слуг и гончих, вернулся на Родос. Избегая всех, он велел слугам отнести свое оружие к небольшой церкви в окрестностях горы Святого Этьена. Рыцарь вошел в церковь, где провел некоторое время в молитве, рекомендуя Богу свою душу в предприятии, которое он собирался предпринять.

Затем он облачился в доспехи и сел на коня, приказав слугам, если его убьют, вернуться во Францию, а если ему удастся убить змея, немедленно явиться к нему или помочь ему, если он будет ранен. Затем он поскакал в сторону болота в сопровождении своих гончих. Не успел змей услышать звон удила и стремени, топот погонщика и рёв гончих, как он с широко раскрытой пастью и страшными горящими глазами бросился на него, чтобы убить и пожрать. Гозон, отдав душу Создателю, пришпорил коня и бросился в атаку. Но его копье дрогнуло на шкуре змеи, словно ударились о каменную стену. Его конь, обезумевший от ужаса при виде и дурманящем запахе змеи, рванулся с такой яростью, что свалил его с ног. Он упал на землю, призывая гончих; если бы не эти верные помощники, он был бы тут же убит, но они бросились на него и, вцепившись зубами в брюхо змеи, заставили ее корчиться и извиваться в мучениях. Мгновенно Гозон снова оказался на ногах и, уловив удобный момент, вонзил меч в незащищенные жилы врага. Смертельно раненная змея судорожным усилием взвилась в воздух и, упав назад, пригвоздила рыцаря к земле своей огромной массой. Слуги, с ужасом наблюдавшие за этой страшной схваткой, бросились на помощь своему господину и сумели выволить его из неприятного положения. Гозон, как они думали, был мертв, но, плеснув себе в лицо воды, открыл глаза и увидел приятное зрелище: его чудовищный враг лежал рядом с ним трупом.

Обрадованный, он вернулся на Родос, где сразу же стал популярным героем; ведь кто мог сказать или сделать достаточно для человека, убившего змея. Его с триумфом проводили во дворец Великого магистра его соратники-рыцари, но здесь его ждал неприятный сюрприз. Гелион де Вильнев очень строго посмотрел на торжествующего воина, суровым и бескомпромиссным голосом спросил его, как он посмел нарушить прямой приказ своего Великого магистра, выйдя на бой со змеем? Немедленно созвав совет, непримиримый де Вильнев, несмотря на все уговоры, лишил Гозона де Дье-Донне рыцарского звания. "Что такое, - сказал этот справедливый и суровый блюститель дисциплины, - смерть этого чудовища, что такое смерть островитян по сравнению с поддержанием дисциплины этого ордена, недостойным вождем которого я являюсь?"

Но Гелион де Вильнев был слишком мудрым и добрым человеком, чтобы сделать свой указ абсолютным, и, подтвердив таким образом свой авторитет, вскоре освободил Гозона и осчастливил его похвалами и более материальными благами.

Аббат де Верто сообщает нам, что ученый Бохарт утверждает, что финикийцы дали этому острову название Гефират-Род (откуда и название "Родос"), или Остров змей, и что когда римляне воевали с карфагенянами, Аттилий Регул убил на острове Родос чудовище, шкура которого измерялась ста футами. Тевенот в своих "Путешествиях", опубликованных в 1637 году, утверждает, что видел голову змеи Гозона, все еще прикрепленную к одним из ворот города Родос, и что она была размером с голову лошади.

После смерти Гелиона де Вильнева в 1346 году, как обычно, состоялся капитул ордена, чтобы избрать его преемника. Когда настала очередь говорить командору Гозону де Дье-Донне, он сказал:

"Вступая в этот конклав, я дал торжественную клятву не предлагать кандидатуру рыцаря, которого я не считал бы достойным этой возвышенной должности и одушевленным лучшими намерениями во славу и благоденствие ордена. Внимательно изучив состояние христианского мира, войны, которые мы постоянно вынуждены вести против неверных, твердость и энергичность, необходимые для поддержания дисциплины, я заявляю, что не нахожу человека, способного управлять нашей "Религией" так, как я".

Затем он продолжил говорить в чисто безличном тоне о великопных заслугах, которые он оказал, не забывая о знаменитом эпизоде со змеей, и обратил их внимание на тот факт, что покойный Великий магистр назначил его, Гозона, своим главным лейтенантом. Он закончил: "Вы уже испытали мое правление, вы хорошо знаете, чего можно ожидать. Я верю, что по всей справедливости получу ваши голоса".

Естественно, собравшиеся были ошеломлены, услышав такую рекомендацию от человека; однако, поразмыслив, они решили, что он сказал не меньше правды, и Гозон де Дье-Донне, "герой змеи", стал двадцать шестым Великим магистром ордена. Он умер в 1353 году, когда его сменил Пьер де Корнильян, а на его могиле были высечены такие слова:

"Cy Gist le Vainqueur du Dragon".

В 1480 и 1485 годах при Великом магистре Пьере д'Обюссоне Родос выдержал две великие осады турок. Первая из них подробно описана рыцарем Мерри Дюпюи "temoin oculaire", который излагает: "Я, Мерри Дюпюи, грубый и невоспитанный в чувствах и понимании, я должен говорить и описывать более кратко, чем я могу, и более подробно о правде, которую я вижу в люиле". Описание этого события 1485 года написано другим очевидцем, командором де Бурбоном, которому "ma semble bon et condecient a raison declarer premierement les causes qui out incite mon poure et petit entendement a faire cest petit oeuvre."

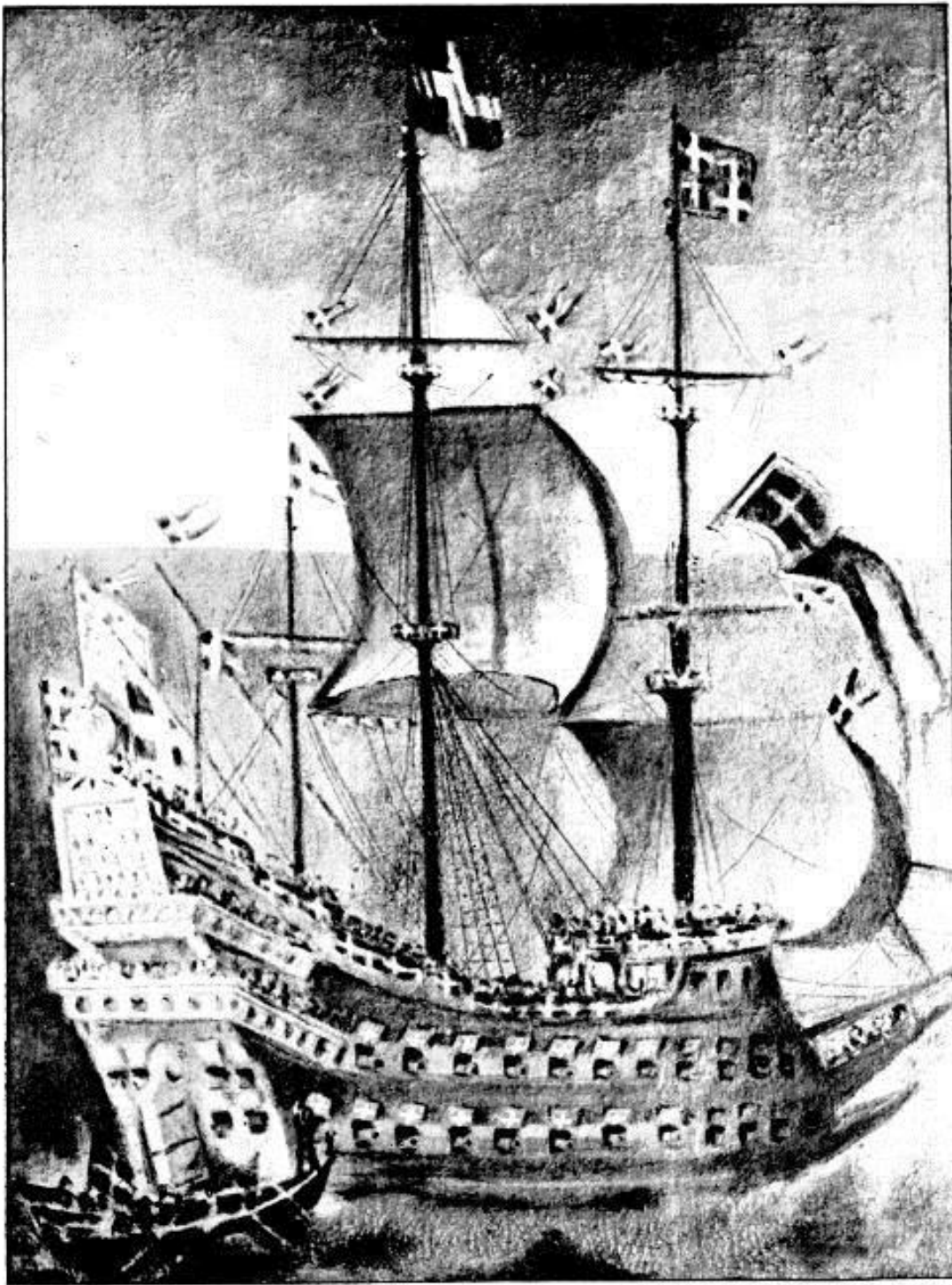
Но у нас нет места, чтобы следить за этими доблестными рыцарями, и достаточно сказать, что в обоих случаях, после невероятных усилий и ужасной резни с обеих сторон, атаки турок были в конце концов отбиты.

Солиману Великолепному было поручено окончательно победить рыцарей и изгнать их с Родоса; с июля 1522 года по январь 1523 года рыцари под командованием героического Вилье де Л'Исль-Адама вели неравную борьбу с огромными войсками Полумесяца, которые постоянно усиливались. Наконец, 1 января 1523 года рыцари, в силу договора с Солиманом, который с честью соблюдался обеими сторонами, эвакуировались с острова, на котором они обосновались почти двести двадцать лет назад.

По милости Карла V рыцари 26 октября 1530 года взяли под свой контроль острова Мальта и Гозо и утвердились на них; по-прежнему под Великим магистром Л'Исла Адамом, чьи меч и шлем до сих пор религиозно хранятся в маленькой церкви в Витториозе, прямо у дома адмирала-суперинтенданта на нынешней верфи.

Рыцари укрепили острова и жили там до тех пор, пока в 1565 году Османская империя не предприняла новую атаку.

Можно сказать, что героизм - понятие относительное, что у него много применений, и все они одинаково правдивы. С точки зрения простого физического мужества почти каждый человек, принимавший участие в той памятной осаде Мальты в 1565 году, может быть назван героем. Ни одна нога не отступила назад, ни одно мужество не дрогнуло, ни одно лицо не побледнело, когда пришлось столкнуться с опасностями, настолько ужасающими, что они означали почти неизбежную и быструю смерть; это было справедливо и для христиан, и для мусульман. Число погибших с обеих сторон было столь огромным, что доказывало это утверждение с точностью до наоборот. С 18 мая по 8 сентября 1565 года - то есть за сто тринадцать дней - погибли тридцать тысяч мусульман и восемь тысяч христиан, то есть в среднем около трехсот тридцати шести человек в день. В этой палящей жаре страдания тех, кто выживал изо дня в день, должно быть, усугублялись мириадами непогребенных трупов, в окружении которых они жили; и то, что противоборствующие силы не были сметены мором, является необычайным чудом.

КАРАВАН, В КОТОРОМ РЫЦАРИ ПРИБЫЛИ НА МАЛЬТУ, 1530 ГОД.

Во многих, да и в большинстве кампаний личные чувства играют незначительную роль. Национальность бьется с национальностью, армия с армией или флот с флотом; но никакая жгучая ненависть к противнику не одушевляет грудь бойца ни с той, ни с другой стороны; можно даже сказать, что часто, когда все кончено, побежденная сторона испытывает некоторую жалость к побежденному. В Мальте элемент реальной личной ненависти был главной движущей силой, которая приводила в движение сражающихся с обеих сторон; каждый считал другого неверным, убийство которого было жертвой, наиболее приемлемой для Бога, которому они поклонялись. "Неверный" - вот термин, которым каждый из них осыпал другого; уничтожить неверного, корень и ветвь, - вот что требовалось от тех, чья вера

была единственным залогом блаженной вечности, и те, кто пал в этой схватке, будь то христианин или мусульманин, были уверены, что для них врата рая широко распахнуты.

Великие, как и другие погибшие, верные до смерти, как и те благородные рыцари, что погибли в кульминационной агонии при Святом Эльме, ловкие, находчивые, владеющие собой и другими, как и знаменитый Драгут, но есть одно имя и только одно, которое сияет, как свет маяка на вершине холма, когда мы вспоминаем об осаде Мальты. Жан Паризо де ла Валетт, чье имя навсегда запечатлено в этом благородном городе, венчающем сегодня гору Сцеберасс, был сорок восьмым Великим магистром благородного ордена рыцарей Святого Иоанна Иерусалимского, устав которого, содержащийся в оригинальной булле папы Паскаля II от 1113 года (в которой святой отец взял орден под свое особое покровительство), и по сей день можно увидеть в оружейной палате дворца на Валетте. К тому моменту, когда ему была оказана высшая честь, в 1557 году, он прошел через все степени ордена: солдат, капитан, генерал, советник, Большой Крест: во всех них он проявлял доблесть, благочестие, самоотречение выше всяких похвал, Будучи человеком несколько строгих манер, он требовал от других того, что давал себе сам - искренней преданности ордену, которому посвятил свою жизнь. Не боясь никого в зале Совета, как не боялся он и врага в поле, он всегда высказывал свое мнение в защиту того, что считал правильным. Гордый, с достоинством, присущим человеку его древнего рода, он слил всю личную надменность с рвением, с которым отстаивал права и привилегии этой великолепной конфедерации рыцарей лучшей крови Европы, которую он был призван возглавить в зрелом возрасте шестидесяти трех лет. В истории нет примера человека, который был бы более целеустремленным, чем Ла Валетт; то, во что он верил, он лелеял с почти невероятным в наши дни пылом, и то, что меч Господень был вверен ему в руки для полного уничтожения и искоренения мусульманской ереси, было главной чертой его вероучения. То, что, получив Великий магистр, он был возведен в достоинство, не превышающее королевское, было для него лишь пылью на весах по сравнению с теми возможностями, которые давало ему преследование врагов всей его жизни; и тот, кто так хорошо умел подчиняться на протяжении всей своей молодости и юности, теперь должен был самым решительным образом доказать, что он научился повелевать. За все те ужасные сто тринадцать дней, что длилась осада, не было никого, кто мог бы сравниться с ним. По мере того как появлялась возможность, душа этого человека поднималась все выше и выше; умоляя, прося, повелевая, он просто силой примера указывал путь более слабым духам, которыми был окружен.

Говорить о слабых духом в связи с осадой Мальты кажется почти оскорблением; эти доблестные рыцари и солдаты были таковыми лишь в сравнении со своим предводителем. Дважды во время осады Сент-Эльмо гарнизон посылал к Ла Валетту донесения о том, что место больше не выдерживает; но Гарсия де Толедо, вице-король Сицилии от имени Филиппа Испанского, писал умозрительные письма, вместо того чтобы присылать подкрепления, и каждый выигранный момент был важен. Ла Валетт холодно напомнил рыцарям об их клятве, данной ордену, а когда вновь заверил, что до их гибели осталось всего несколько часов, ответил, что на их место найдутся другие, и что он, как Великий магистр, лично приедет показать им, как надо умирать. Страсть раскаяния охватила этих благородных джентльменов, которые, воодушевленные неукротимым духом своего вождя, умирали до последнего человека в полуразрушенных руинах этой конуры, которая когда-то была крепостью.

Ла Валетт был готов умереть; во всем гарнизоне не было человека, который был бы так готов. С пикой и мечом этот ветеран семидесяти одного года от роду постоянно находился на опасном посту, отражая нападения янычар и корсаров, сражаясь с духом самого молодого из рыцарей в проломах, пробитых в стенах Иль Борго. Напрасно его товарищи пытались отгородить его от этой вечной опасности; напрасно они указывали, что ценность его жизни выше ценности армии. Он был очень мягок с этими уговорами, но вполне тверд. Он настаивал на том, что в случае его падения на его место придет множество таких же хороших людей, как и он сам; пока это время не настанет, его долг - вдохновлять всех своим примером, показывать самому простому солдату, что о нем заботится его Великий Магистр.

Когда дела шли все хуже и хуже, когда положение Иль Борго стало немногим лучше, чем положение Святого Эльма, Ла Валетт не колебался, не оглядывался назад, не переставал надеяться, что нерасторопный Гарсия де Толедо пришлет помощь; а если бы он ее не прислал, то все они погибли бы с оружием в руках, как и их собратья по узкой полоске воды, которые до последнего человека удерживали Святой Эльм. Какой мужчина или женщина может читать без комка в горле эти благородные слова Великого Магистра в последние дни осады, когда все полностью потеряли надежду?

Мрачный, истощенный, покрытый потом, кровью и пылью, Ла Валетт переходил от поста к посту, увещевая и ободряя своих солдат. Доблестная рота рыцарей была так малочисленна, что командование пришлось передать младшим офицерам; но кто из них не обрел свежего мужества и новых сил, когда этот великий дворянин, глава ордена, встал рядом с ними и заговорил с ними как мужчина с женщиной?

"Братья мои, все мы - слуги Иисуса Христа; и я уверен, что если я и все эти командиры падут, вы будете продолжать сражаться за честь ордена и любовь нашей Святой Церкви".

Мы должны подумать о том, что все это значило, мы должны смутно попытаться осознать бремя, которое легло на этого человека, прежде чем мы придем к правильному представлению не только о том, что он перенес, но и о тех ужасных жертвах, которые он был призван принести. Это был не железный человек, жаждущий крови и жадный до завоеваний ради тщетных рукоплесканий людей, но человек, полный человеколюбия и привязанности к тем, среди кого он прожил все дни своей жизни. На него была возложена ответственность за поддержание чести ордена и величия Бога, которому он служил. Для этого он обрек на верную смерть своих братьев в Сент-Эльмо, своих близких друзей, напомнив им, что их долг - умереть именно так, в то время как его сердце разрывалось от мук этого ужасного решения, которое не смог бы принять ни один более слабый человек. Когда его любимый племянник был убит вместе с другим галантным юношей, он грустно улыбнулся и сказал, что они только прошли путь, который им всем предстоит пройти через несколько дней; что он скорбит по одному из них так же сильно, как и по другому. Говоря об этом человеке, можно с уверенностью сказать, что в истории нет более возвышенного персонажа; нет ни одного, который показывал бы нам картину более совершенного, кроткого и доблестного рыцаря.

ГЛАВА XIX

ДРАГУТ-РЕЙС

Как Синан Баша и Драгут совершили набег на острова Мальта и Козо и захватили город Триполи. Как мальтийские рыцари захватили "великолепный галеон", принадлежащий Кустир-аге, и одалисок из гарема Великого турка. Отчаяние дам и советы имама Солиману Великолепному. Большая армада снаряжается в Константинополе. Подготовка к обороне со стороны Ла Валетта и рыцарей. Экспедиция отплывает из Константинополя и высаживается на Мальте.

Велика, должно быть, была тревога рыцарей, когда армада под командованием Синан-Баши появилась у их берегов, и горьки были размышления Хуана д'Омедеса, Великого магистра, который все это время утверждал, что столь грозная экспедиция не может быть направлена против Мальты. Однако жители острова недолго сомневались, поскольку Синан сразу же по прибытии вошел в Большую гавань, или "Великий порт", как ее называли в те времена. Синан, на своей королевской галере, возглавлял шествие, презрительно уверенный в легкой победе над столь незначительным оружейным пунктом. Не успел он пройти и четверти мили по спокойным водам Большого порта, как его настигло первое грубое пробуждение. Гавань, как известно, хоть и длинная, но очень узкая, а по правому борту турецких галер, когда они входили в нее, командор 307 де Гимеран, испанский рыцарь, устроил засаду из трехсот аркебузирова. Когда галера Синана подошла к засаде, комендант отдал приказ открыть огонь. Залп с такого близкого расстояния произвел ужасный эффект, особенно на "чиурме", или рабов, которые гребли на галере, около сотни из которых были поставлены в боевую стойку. Синан в ярости приказал немедленно высадиться, но когда его люди высадились на берег и поднялись на высоту горы Скеберрас (возвышенность, на которой сейчас стоит город Валетта), то никого не обнаружили: комендант и люди, устроившие засаду, исчезли. Взглянув с высоты на Иль Борго, крепость на противоположной стороне гавани, где тогда обитали рыцари, Синан спросил у Драгута: "Если это, - указывая на крепость, - то место, которое, как он сказал султану, можно легко взять?"

Драгут, которого никогда не пугала никакая опасность, хладнокровно ответил:

"Конечно, ни один орел не строил своего гнезда на более легкодоступной скале".

К Синану подошел корсар, который был рабом у рыцарей, и рассказал, что он помогал строить крепость, которая, по его словам, настолько сильна, что если адмирал будет медлить с ее взятием, то наступит зима, хотя тогда был только июль месяц. Синан, как мы уже говорили, был нерешительным полководцем. Перед его глазами постоянно стоял страх перед Великим Турком, и он не был склонен к столь трудному и опасному предприятию, каким представлялось это. Оставив крепость в тылу, он отправился на возвышенность в центре острова, на которой находился город Нотабиле, столица Мальты, удаленный от моря примерно на семь миль. Во время похода по острову турки совершали свои обычные зверства, убивая несчастных жителей, обстреливая их жилища, уничтожая урожай и уводя в плен женщин. Если бы осада Нотабиле продолжалась, город должен был пасть; но Синан заявил Драгуту, что главной целью экспедиции является взятие Триполи, и, следовательно, у него нет времени, чтобы посвятить его взятию. Драгут, разгневанный такой временной политикой, потребовал немедленного штурма, и пока между двумя лидерами разгорался спор, Синану принесли письмо, захваченное на сицилийской галере. Это было письмо от "приемника" ордена, проживавшего в Мессине, к Великому магистру, в котором сообщалось,

что он специально послал этот корабль, чтобы сообщить ему, что Андреа Дориа только что вернулся из Испании и спешит с большим флотом напасть на турок. Это письмо было уловкой со стороны "Получателя" и не содержало ни крупицы правды. Однако этого было вполне достаточно для Синана, который немедленно созвал военный совет и сообщил его членам эту тревожную новость. Совет, следуя неизменной моде подобных органов, решил выбрать наиболее безопасный и легкий путь: имя ужасного Андреа было для османов дурным предзнаменованием, и они, как один человек, проголосовали за продолжение плавания в Триполи до появления генуэзского моряка. Напрасна была ярость Драгута, который рассчитывал на полную месть своим древним врагам - рыцарям. Армада отплыла к соседнему острову Гозо, который подвергся тщательному разграблению со всеми изысками жестокости. Все дома на острове были сожжены, а шесть тысяч его жителей уведены в рабство. Один случай заслуживает упоминания. На Гозо жил некий сицилиец с женой и двумя дочерьми: не желая, чтобы они попали в руки турок, этот человек зарезал жену и дочерей, а затем бросился с мечом в ряды врагов, где убил двух из них, ранил нескольких других, а затем был разрублен на части. Затем флот направился к Триполи, который был взят почти без сопротивления, поскольку его защищала лишь горстка рыцарей и несколько совершенно ненадежных калабрийских пехотинцев, никогда прежде не видевших выстрела: эти люди очень скоро взбунтовались и отказались сражаться дальше. Драгут стал самодержцем Триполи, как его великий предшественник Хейр-эд-Дин Барбаросса был самодержцем Алжира: отсюда в течение нескольких лет, предшествовавших его смерти, он вел бессонную и бесконечную войну со своими христианскими врагами, которым суждено было нанести еще одно ужасное поражение, когда они нападут на эту твердыню, которую он сделал своей собственностью.

Клод де ла Сангль умер 18 августа 1557 года, а 21 августа того же года вместо него Великим магистром Мальтийских рыцарей был избран Жан Паризо де ла Валетт. Он был, как мы уже говорили, последовательным солдатом, капитаном, советником, генералом и Великим Крестом; он был столь же мудр в совете, сколь и ужасен в бою; он был столь же почитаем своими братьями, сколь и страшен неверным. При нем "Религия" вновь обрела древний авторитет, которым когда-то обладала, особенно в некоторых немецких провинциях и в Венецианской республике. Влияние Ла Валетта было столь велико, что ему удалось заставить "Языки" (или конфедерации рыцарей) Германии и Венеции выплатить свои "ответные взносы", которые были просрочены. Эти "респонсории" были налогом, взимаемым с "языков" исключительно для борьбы с неверными, и Ла Валетт приложил всю твердость своего высокого характера, чтобы побудить этих рыцарей выполнить то, что, как он напомнил им, было их простым и очевидным долгом. Воодушевленный высочайшим представлением о должности, которую он был призван исполнять, Ла Валетт не позволил ни одному из подчиненных ему рыцарей расслабиться при исполнении своих обязанностей. В нем жил настоящий старый крестоносный дух. Он смотрел на жизнь единственным взглядом, ибо главным для него было полное уничтожение неверных. Есть много людей с высоким пониманием долга, но мало тех, кто способен вдохновить тех, с кем они общаются. К последним относился Жан Паризо де ла Валетт; в нем чистое пламя религиозного энтузиазма горело столь ясным светом, что освещало путь другим. В нем жило то редкое качество поднимать других почти на ту ступень, на которой находился он сам, делать людей благороднее и лучше почти вопреки им самим. Поэтому, когда Ла Валетт опускался до того, чтобы напомнить другим своим братьям-рыцарям, что они должны деньги ордену, эти деньги сразу же выплачивались.

Наведя таким образом порядок в финансах, Великий магистр обратил внимание на состояние дел (как он получил их от своего предшественника), связанных с территориальными владениями рыцарей. Крепость Триполи уже много лет находилась в руках знаменитого Драгута, который был бичом и ужасом христиан. Корсар жил в своей крепости, нагло попирая рыцарей, чьей собственностью она когда-то была. Много лет назад он отнял ее у них сильной рукой: что же, по мнению такого человека, как Ла Валетт, было более необходимым, чем изгнать этого дерзкого пирата? Великий магистр предложил Хуану ла Серда (испанскому вельможе, герцогу Медина-Сели и вице-королю Сицилии короля Испании) сотрудничать в этом предприятии. Вице-король с радостью удовлетворил просьбу и сообщил об этом своему господину. Филипп II одобрил проект и послал герцогу Сессе, губернатору Милана, герцогу Алькала, губернатору Неаполя, и Джону Андреа Дориа, генералу галер, приказ объединить силы и отправиться в Сицилию, подчиняясь герцогу Медина-Сели, которому было прямо поручено не предпринимать никаких действий иначе как по совету Великого магистра. Экспедиция собралась, герцог отвез ее на Мальту, где она перезимовала, а весной отплыла и напала на Триполи.

Однако эта крепость оказалась совсем не в том состоянии, на которое они рассчитывали. Драгут, - говорит де Верто, - "не успел разрушить муравейники этого места". Бастионы были построены, и для обороны были использованы все преимущества, которые позволяла местность или которые допускало фортификационное искусство в эту эпоху. Замок, расположенный не слишком удачно, был, тем не менее, приведен в состояние обороноспособности путем огромных денежных затрат. Огромные башни, в которых было установлено множество больших пушек, защищали вход в порт, ставший штаб-квартирой судов, принадлежавших Драгуту, а также тех корсаров, которые плавали на своих кораблях под полумесячным флагом константинопольского султана. Именно против такой крепости и выступил герцог Медина-Цели: у нас нет места рассматривать подробности этой атаки, закончившейся безнадежным и безвозвратным поражением христианских войск. Герцог был некомпетентным полководцем; ему противостоял один из величайших полководцев эпохи - знаток почти всех отраслей военной науки, командовавший многочисленным отрядом самых свирепых бойцов того времени, которые боялись гнева Драгута больше, чем мечей противника.

Ла Валетт, хотя и скорбел об отступлении христианских войск из Триполи, не позволил себе ослабить преследование неверных; галеры "Религии" постоянно находились в море, а корсары и турки-османы постоянно теряли ценные корабли и дорогостоящие товары. Под командованием генерала галер, командора Гозона де Мелака, и знаменитого шевалье, командора де Ромегаса, морские силы рыцарей были повсюду. В руки христиан попал Пенон-де-Велес, расположенный на северном побережье Африки напротив Малаги - крепость, которую часто посещали корсары; была также взята Голетта в Тунисе, и пираты были настолько встревожены, что потребовали помощи у Константинополя. Они заявили Солиману, что при таком раскладе вся Северная Африка вскоре окажется в руках христиан, а истинно верующие будут полностью исключены.

Солиман выслушал их жалобы и пообещал, что скоро пришлет оружие, которое положит конец несчастьям, от которых они страдают. В арсеналах Константинополя снова начались приготовления, и пока они велись, произошло событие, которое сильно повлияло на ситуацию. Сразу после взятия Пенона-де-Велес семь галер "Религии" под командованием шевалье де Гиу и де Ромегаса, крейсировавших в окрестностях Занте и Цефалонии, столкнулись с "грозым галеоном", набитым богатейшими товарами Востока, вооруженный "двадцатью большими пушками из бронзы" и множеством пушек поменьше, под

командованием рейса Байран-оглы, имея на борту "отличных офицеров артиллерии", а также двести янычар для защиты. Этот большой корабль был собственностью Кустир-Ага, главного евнуха сераля султана, и многие дамы гарема были материально заинтересованы в благополучном прибытии этого судна в Константинополь. Галеры "Религии" атаковали, и после упорнейшего сопротивления, в ходе которого было убито сто двадцать христиан и еще больше турок, галеон был захвачен.

Если до этого события в Константинополе и было возмущение, то оно не шло ни в какое сравнение с тем, что поднялось сейчас. Кустир-Ага и одалиски гарема распростерлись у ног Солимана Великолепного и с горящими глазами, всклокоченными волосами и неистовыми жестами требовали немедленной отправки экспедиции для полного истребления этих варварских корсаров, рыцарей Мальты, которые так ранили их и ранили их самые нежные чувства. Великий турок, самодержец, не имел покоя ни днем, ни ночью; он был окружен плачущими женщинами и угрюмыми чиновниками, все из которых понесли большие потери от захвата мощного галеона. Имаум, или проповедник в главной мечети, в своей речи призвал султана обрушиться на дерзкого неверного и поразить его в бедро и ляжку. Он напомнил падишаху, что в рыцарских темницах томятся истинно верующие, что на скамьях гребцов на галерах "Религии" мусульман пороли, как собак. В яростной проповеди он заключил: "Только твой непобедимый меч может разорвать цепи этих несчастных, чьи вопли возносятся к небесам и доносятся до ушей Пророка Божьего: сын требует своего отца, жена - мужа и детей. Поэтому все ждут от тебя, от твоей справедливости и силы, чтобы ты отомстил их жестоким и непримиримым врагам".

Вопреки всем прецедентам, предписывающим в мечети идеальную тишину, эти смелые высказывания были встречены чем-то большим, чем ропот аплодисментов: никогда за все свое долгое и славное правление великий и великолепный деспот не слышал столь явного голоса своего народа. Однако, помимо евнухов, женщин и мулл, Солимана уже давно уговаривал Драгут принять тот курс, к которому его сейчас так настойчиво призывали. В это время во всем его *окружении* не было воина, к мнению которого султан относился бы с таким же уважением, как к мнению правителя Триполи. Драгут обладал не только налетом образованности: он был, прежде всего, несравненным вождем людей и абсолютно компетентным моряком. Он также был ученым артиллеристом и разбирался в технике фортификации своего времени. Кроме того, он был - хотя и не таким жестоким, как большинство его современников, - одним из тех людей, перед которыми трепещут все: как мы видели на примере корсаров, защищавших "Африку", "они боялись гнева Драгута больше, чем самой смерти".

Именно этот прославленный лидер предостерегал Солимана от рыцарей; он указывал, что сейчас они гораздо опаснее, чем в 1523 году, в год их изгнания с Родоса. Когда они обосновались там, они были, так сказать, окружены Турецкой империей; на Мальте, напротив, они легко получали помощь из Сицилии, которая принадлежала Испании, другому непримиримому врагу мусульман; Мальта лежала прямо на пути, по которому все корабли султана должны были следовать с Востока в Константинополь; и, следовательно, Орден был постоянной и вечной угрозой для торговли империи. Все это было настолько неоспоримой правдой, что такой проникательный человек и такой компетентный правитель, как Солиман, не мог не поразиться здравости рассуждений. Кроме того, он прекрасно понимал, что теперь ему не удастся сдержаться, даже если бы это было против его воли - а это было отнюдь не так; ведь возникла одна из тех бурь народного мнения - тем более грозных из-за их редкости - перед которыми вынужден прогибаться даже самый закаленный деспот. Поэтому султан

созвал совещание своих воинов, которое прошло верхом на лошадях под открытым небом. Склонность султана была известна, и большинство генералов, как хорошие придворные, проголосовали за немедленную войну с рыцарями. На этом совещании присутствовал Али Баша, или Оккиали, или Улучали, как его называли в народе, о котором мы еще расскажем в дальнейшем. В данном случае он присутствовал как представитель Драгута и от имени своего господина убеждал, что время для нападения на Мальту еще не пришло. Сначала, по его мнению, необходимо было захватить Голетту и Пеньон-де-Велес, а также разгромить тунисских мавров, которые были феодалами испанского короля и заклятыми врагами Османской империи. Али поддерживал некий Магомет, старый воин, посевший на службе у султана, который категорически возражал против задуманного похода, мотивируя это тем, что рыцари, скорее всего, будут иметь за спиной всю мощь Европы.

Однако численность, дополненная личными симпатиями султана, взяла верх. Жребий был брошен, решение о памятной экспедиции принято, и вскоре вся огромная империя султана зазвенела нотами подготовки. Флотом командовал капитан Баша, Пиали, а руководство сухопутными войсками было доверено Мустафе, старому офицеру шестидесяти пяти лет от роду, суровому дисциплинированному человеку с кровожадным и жестоким нравом по отношению ко всем врагам, имевшим несчастье попасть в его руки.

Европа снова погрузилась в размышления: против кого, спрашивали все, будет направлена эта новая экспедиция? Испания опасалась за свои африканские владения, ведь Голетта была ключом к Тунисскому королевству, а Пеньон-де-Велес - одним из оплотов Алжира. В связи с этим дон Гарсия де Толедо прибыл из Сицилии, чтобы посоветоваться с Великим магистром рыцарей. Гарсия де Толедо отнюдь не был благоприятным образцом того прославленного рода, из которого он происходил, и представлял собой полную противоположность Ла Валетту; ему предстояло проявить себя в грядущие ужасные дни вялым, некомпетентным, правителем, который не может править, человеком, который вечно говорит: "Я не смею ждать, когда я хотел бы". Пока Испания считала, что новая экспедиция направлена против нее самой, она проявляла значительную активность; когда же нападение развилось и стало ясно, что целью турок является Мальта, медлительный испанский король и его некомпетентный вице-король позволили событиям так развиваться, что, если бы на Мальте командовал не Ла Валетт, падение острова было бы неизбежным.

Мы уже видели, как Хуан д'Омедес справился с предыдущим кризисом в делах ордена; совсем иначе обстояли дела в первые месяцы 1565 года. Ла Валетту хорошо помогали его шпионы в Константинополе, и Великий магистр с самого начала не питал иллюзий относительно того, куда направится армия султана. Он понимал, что против маленьких островов Мальта и Гозо собирается направить всю мощь самой могущественной империи в мире, и с безмятежной уверенностью взялся за подготовку. Первым делом он разослал "общий призыв" рыцарям, живущим в своих домах в разных странах Европы, повелевая им немедленно отправиться на Мальту и принять участие в защите ордена, которому они поклялись посвятить свою жизнь. Агентам ордена в Италии удалось собрать две тысячи пехотинцев, а вице-король Сицилии прислал две роты испанской пехоты, которые он обещал. Все галеры "Религии" были вызваны из дальних плаваний и заняты доставкой боеприпасов, запасов, провизии и всего необходимого для выдерживания осады. Когда галеры шли в Сицилию и обратно, на каждом возвращающемся судне прибывали знатные джентльмены из всех стран Европы в ответ на призыв своего Великого магистра. Они были приняты с нежнейшей любовью как им самим, так и теми, кто уже собрался; никогда за всю свою долгую и славную историю Орден не собирался в более серьезных обстоятельствах; никогда в своей истории, ни в прошлом, ни в будущем, он не проявлял такого высшего

героизма, как в те дни 1565 года, которые еще предстояло пережить. На Мальте непрерывно шла упорядоченная суeta подготовки; итальянские и испанские войска и жители острова, в большинстве своем выносливые мореплаватели, хорошо привыкшие к непрекращающимся *боевым действиям* рыцарей, были сформированы в роты, укомплектованы членами Ордена и назначены на различные посты.

Тем временем Великий магистр приказал разослать копии писем, полученных им из Константинополя, всем великим князьям Европы, показывая им положение, в которое вскоре должен был попасть орден, и умоляя их прислать своевременную помощь. Но Ла Валетт не слишком рассчитывал на помощь извне; он готовился противостоять туркам с теми силами, которые были в его собственном распоряжении; в случае необходимости он был готов отдать решение вопроса в руки Бога, на которого уповал. Когда шевалье стекались к штандарту святого Иоанна, он принимал их, как говорится, "как добрый отец принимает своих любимых детей, заранее обеспечив их едой и жильем". Он лично вникал в мельчайшие детали своего дела; он проверял пехоту, инструктировал артиллерию, намечал места для госпиталей, делал наброски новых укреплений, а затем шел к самым скромным из своих последователей и под палящим солнцем орудовал киркой и лопатой. Повсюду чувствовалось его ободряющее присутствие, его спокойный и безмятежный нрав вселял уверенность и надежду.

Приведя все в порядок, он собрал своих братьев и обратился к ним со следующими словами:

"Грозная армия, состоящая из дерзких варваров, спускается на этот остров; эти люди, братья мои, - враги Иисуса Христа. Сегодня речь идет о защите нашей веры: должна ли книга Евангелиста быть заменена книгой Корана? Бог требует от нас наших жизней, которые мы уже поклялись служить Ему. Счастлив будет тот, кто первым принесет эту жертву. Но чтобы мы действительно были достойны принести ее, приходите, мои дорогие братья, к подножию алтаря, где мы сможем возобновить наши обеты. Пусть каждый уповает на кровь Спасителя людей и на верное исполнение таинств; в них мы найдем столь щедрое презрение к смерти, что действительно станем непобедимыми".

Затем рыцари во главе с Великим магистром прошли процессией в церковь. Здесь они исповедовались и приняли причастие. "Они вышли оттуда как люди, получившие новое рождение". Рыцари, как нам рассказывают, нежно обнимали друг друга в торжественной обстановке, клянясь пролить последнюю каплю своей крови в защиту своей религии и ее святых алтарей. Именно в таком возвышенном расположении духа рыцари Мальты ожидали прихода своего наследственного врага. В сердца и умы этих галантных джентльменов лучшей крови в мире Великий магистр вложил некую закваску величия, которым был вдохновлен сам. Когда вера так искренна, как в случае с Ла Валеттом; когда она сочетается с военным гением и высочайшим даром вдохновлять других, тогда этот человек и сила, которой он командует, настолько близки к непобедимости, насколько это позволено слабоумным человеческим существам. В этом случае рыцарям повезло в двух отношениях: во-первых, с Ла Валеттом в качестве Великого магистра, во-вторых, Драгут не был верховным главнокомандующим турок, и осада началась до его прибытия. В этой экспедиции, как и в предыдущих, турецкие командиры получили приказ не предпринимать ничего действительно важного без совета Драгута. По прибытии они оказались без него и совершили первую ошибку. С Ла Валеттом в командовании не было места для оплошностей; конечным результатом их оплошности стало поражение, которое они потерпели.

Великий магистр, рыцарь и благородный, солдат, крестьянин и моряк доблестно трудились над задачей приведения острова в состояние обороны, и когда наконец долгожданная армада врагов поднялась над далеким голубым горизонтом на севере, все было сделано, что могли подсказать умение и опыт.

Именно 18 мая 1565 года турецкий флот прибыл на Мальту. Он состоял из ста пятидесяти девяти галер и судов, приводимых в движение веслами: на их борту находилась армия для высадки в тридцать тысяч человек, состоявшая из янычар и спахисов - самых лучших и цветущих представителей турецкой армии. Солиман Великолепный не оставлял шансов, насколько это было возможно в данном случае; он хорошо знал нрав рыцарей, и перед экспедицией стояла задача, которая должна была испытать и армию, и ее предводителей на пределе их сил. За основным корпусом флота шли суда с провизией, лошади спахиив, осадная артиллерия, все бесчисленные приспособления и двигатели войны, которые были в ходу в то время. Первоначальная ошибка турок заключалась в том, что они отправили конницу на осаду; они знали, или должны были знать, о крайней малости острова, на который собирались напасть, и о том, что их ни в коем случае не встретят армии в поле благодаря огромному перевесу в численности, который они себе обеспечили.

Пиали, как мы уже говорили, командовал флотом, а Мустафа - армией; корсары появились на месте только через несколько дней после этого.

Турки высадили несколько человек, которые столкнулись с шевалье Ла Ривьером и некоторыми мальтийскими войсками, с которыми у них произошло несколько оживленных стычек. К сожалению, в одной из них шевалье был схвачен, подвергнут пыткам и в конце концов обезглавлен за то, что намеренно ввел турок в заблуждение. Пиали, Мустафа и их главные офицеры собрали военный совет, чтобы обсудить наилучший способ осуществления предприятия, в котором они участвовали. Адмирал, желая строго следовать указаниям Солимана, проголосовал за то, чтобы отложить все начинания до прибытия знаменитого корсара. Однако Мустафа придерживался иного мнения: несчастный шевалье Ла Ривьер перед смертью сообщил турецкому генералу, что из Сицилии ежедневно ожидается большая и мощная помощь. Втайне встревоженный этим известием, которому он в то время старался не верить, Мустафа теперь настоятельно требовал немедленных действий. По его мнению, в первую очередь им лучше атаковать замок Святого Эльма. Это был маленький и незначительный форт, который в лучшем случае задержит их всего на пять-шесть дней; когда он падет, они смогут перейти к более серьезному делу - захвату Иль Борго, главной крепости на острове, в которой обосновались Великий магистр и большинство рыцарей. К моменту взятия Сент-Эльмо они могли с полным основанием ожидать прибытия Драгута и его корсаров и, получив сезонные подкрепления, приступить к действительно сложной части своей задачи. В своих решениях и адмирал, и генерал ошиблись; откладывать атаку, как только войска были высажены, было советом пассионарности, которого едва ли можно было ожидать от Пиали, но в то же время показывающим, как он боялся отступить хоть на йоту от полученных инструкций. Атаковать сначала замок Святого Эльма было военной ошибкой, потому что он мог быть укреплен из своего более крупного собрата Иль Борго - и был укреплен в течение всей осады.

На военном совете возобладала точка зрения Мустафы, и было принято решение об осаде Сент-Эльмо, к которой немедленно приступили.

ЖАН ПАРИЗО ДЕ ЛА ВАЛЕТТ, ВЕЛИКИЙ МАГИСТР РЫЦАРЕЙ МАЛЬТЫ, ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ЭТОГО ОСТРОВА ТУРКАМИ В 1565 ГОДУ.

ГЛАВА XX

ОСАДА МАЛЬТЫ

Осада Мальты турками; взятие крепости Святого Эльма; смерть Драгут-Рейса

В это время лидеры турок-османов проявляли почти невероятное пренебрежение к человеческой жизни; чтобы достичь своей цели в войне, они приносили в жертву тысячи и тысячи людей с абсолютно бездушным безразличием. Ни в одной главе кровавой истории их империи эта черта не проявлялась в большей степени, чем при осаде Мальты. Однако этому была причина, которая проявлялась все больше и больше по мере того, как продолжались непрерывные штурмы позиций рыцарей. С военной точки зрения все происходившие операции напоминали осаду крепости, так как после падения Сент-Эльмо турки обратили свое внимание на крепость Иль-Борго. Проверенный временем способ нападения на крепость - подходить к ней на сапах и минах - здесь был практически невозможен, так как остров Мальта состоит из твердой скалы, в которой практически невозможно пробить траншеи. Правда, скала исключительно мягкая и легко прорезается соответствующими инструментами; но невозможно прорезать скалу, какой бы мягкой 325 она ни была, когда на каждом шагу твоим действиям противостоит храбрый и бдительный враг. Мустафа и военный совет, как мы уже говорили, решили начать операции с осады крепости Святого Эльма. Она была построена по проекту приора Капуи, офицера ордена, и располагалась на крайнем конце мыса горы Скеберасс, который выдается между Большим портом и гаванью Марса-Музетто. Форт занимал выгодное положение и доминировал над входом в две главные гавани острова. Он был прекрасно приспособлен для отражения атаки с моря, но, благодаря близости других точек суши, на которых можно было установить артиллерию, легко мог быть атакован таким противником, как тот, что подвергся нападению сейчас.

Главная задача воинственного приора Капуи заключалась в том, чтобы сделать ее грозной со стороны моря; возможно, проектировщик и не предполагал, что может наступить день, когда она будет атакована с суши! Но как бы то ни было, Мустафа решил, что его можно и нужно переносить с этой, самой слабой стороны, и сделал соответствующие приготовления.

Насколько возможно было открыть траншеи, это было сделано, при этом жизни первопроходцев были потрачены самым расточительным образом. Там, где скала оказывалась совершенно непригодной для манипуляций, сооружались редуты из массивных балок, на которые крепились толстые доски, и все это засыпалось влажной землей, которую приходилось с невероятным трудом собирать с тыла. Высадив свои осадные орудия и используя для их перевозки скот островитян, огромные пушки турок были переташены на склоны горы и установлены на позиции; к 24 мая по Сент-Эльмо был открыт огонь из десяти орудий, метавших ядра весом в восемьдесят фунтов. Кроме того, имелись два кульверина, метавшие шары по шестьдесят фунтов, и огромный василиск, снаряд из которого весил не менее ста шестидесяти фунтов. По стенам форта был открыт страшный огонь, и он сразу же стал настолько разрушительным, что Бейли Негропонтский, рыцарь-командир, очень скоро понял, что уповать ему следует на крепкие сердца и сильные руки своего гарнизона, поскольку стены, которыми они были окружены, ежечасно рассыпались в прах.

Рассматривая ситуацию с этой точки зрения, он сразу же послал к Великому магистру шевалье Ла Серда с просьбой о помощи; этот офицер, "ставший красноречивым от страха", преувеличил опасность, которой подвергался форт, и заявил, что он не сможет продержаться дольше восьми дней.

"Какие потери вы понесли?" - спросил Великий магистр.

"Сир, - ответил Ла Серда, - форт можно сравнить с больным человеком, находящимся в крайней стадии слабости, не способным поддерживать себя иначе, как с помощью постоянных сердечных и лекарственных средств".

"Тогда я сам стану вашим лекарем, - презрительно сказал Великий магистр, - и приведу с собой других. Если это и не излечит тебя от страха, то, во всяком случае, помешает неверным захватить форт".

Ла Валетт не надеялся, что Сент-Эльмо удастся спасти от врага. Место было слишком слабым, и никто не знал этого лучше, чем человек, которому вся оборона острова была знакома, как рукоять его собственной хорошей шпаги; но, хотя он втайне сожалел о необходимости, он чувствовал, что если Мальта должна быть сохранена, то это можно сделать, только откладывая, пока не придет помощь извне; каждый день, нет, каждый час был важен, и он был готов пожертвовать Сент-Эльмо и жизнями всего его гарнизона, чтобы достичь своей цели. Однако он не стал, продолжая образ Ла Серды, прописывать другим лекарство, которое не был готов принять сам, и когда он сказал, что отправится в форт Святого Эльма, это не было просто фигурой речи. Однако совет рыцарей и слышать не хотел о том, чтобы Великий магистр пожертвовал собой; эти благородные господа прекрасно знали, что среди них нет равных ему, что его имя и его влияние сами по себе стоят целой армии. Возмущение было столь громким, что Ла Валетту пришлось уступить; он сделал это тем охотнее, что увидел, с каким пылом его братья стремятся переправиться в осажденную и разрушающуюся крепость, которая сулила лишь могилу тем, кто попадет в огненный круг, которым она была теперь окружена. Шевалье Гонсалесу де Медран и де ла Мотту была предоставлена гордая привилегия, за которую ратовали все рыцари, и, сопровождаемые слезами и молитвами своих братьев, они прошли туда, где, если смерть и была несомненной, то честь, по крайней мере, была бессмертной. Воистину сердце согревается воспоминаниями о рыцарских временах, когда читаешь о том, что было сделано при осаде Мальты. Девиз *Noblesse oblige* не был мертвой буквой в шестнадцатом веке. К этому времени вся Европа была в курсе опасности, грозящей Ордену, и, галопом по Европе, рыцари неслись наперегонки, желая разделить опасность. Для большинства этих джентльменов Сицилия была целью, к которой они стремились; прибыв туда, они садились в любую лодку или шаланду, которую могли нанять, и, не обращая внимания на риск захвата турецким флотом, совершенно не зная, что происходит на Мальте, кроме того, что неверный находится у ее ворот, они пересекали канал, разделяющий два острова, и присоединялись к своим собратям в Иль Борго.

Воодушевленный подкреплением, доставленным де Медран и де ла Мотт, гарнизон Сент-Эльмо совершил вылазку, застал турок в их укреплениях и, прикрываясь пушками форта, сумел разрушить почти все сооружения, которые враг так старательно возводил. Однако турки, оправившись от неожиданности, собрались в таком количестве, что смогли сплотиться и вытеснить христиан с занятых ими позиций и вынудить их снова отступить в форт. С этого времени не было ни одного дня, когда гарнизон и осаждающие не были бы рука об руку в окопах.

Сразу после того, как в Сент-Эльмо были переброшены первые подкрепления, на место событий прибыл Али, лейтенант Драгута. Этот корсар прибыл из Александрии с шестью галерами, борту которых находилось девятьсот человек - подкрепление для турецкой армии.

Через несколько дней после этого появился сам знаменитый Драгут с тринадцатью галерами и двумя галеотами, на борту которых было шестнадцать сотен человек.

Каково же было отчаяние, с которым защитники смотрели на прибытие этого пополнения в кишасшие ряды врагов! Издалека они заметили суда и знали, пока Филипп Испанский и Гарсия де Толедо все еще медлили, что теперь к числу их врагов добавился самый знаменитый капитан, служивший самодержцу восточного мира. Естественно, что прибытие Драгута было встречено турками с восторгом: каждая пушка огромной армады салютовала, каждая труба трубила, каждый барабан гремел, приветствуя человека, удостоенного чести падишаха, известного во всем мире Европы своей непримиримой враждой к рыцарям. Первым делом корсар должен был узнать о ходе операций. Когда ему рассказали об этом, он отнюдь не встретил одобрения. Настоящий лидер сразу же дал понять Пиали и Мустафе, что они должны были сделать. В первую очередь им следовало стать хозяевами замка на Гозо, а затем захватить Нотабиле. Тем самым они прервали бы снабжение города и крепости Иль Борго, а кроме того - что важнее всего - закрыли бы путь к помощи, которую ожидали христиане. Пиали, который с самого начала хотел ничего не предпринимать без совета Драгута, теперь заявил, что осада Сант-Эльмо не так уж далеко продвинулась, и, если баша Триполи распорядится, ее можно будет сразу же снять. На это, однако, Драгут ни в коем случае не согласился.

"Это было бы неплохо, - сказал он, - если бы дело не зашло так далеко; но после открытия траншей и нескольких дней атаки невозможно снять осаду, не запятнав честь султана и не обескуражив доблесть солдат".

Нельзя отрицать, что, действуя так, как он поступил, корсар проявил самообладание и преданность султану, которых трудно было ожидать в сложившихся обстоятельствах. Ревность, которая так часто возникает между соперничающими командирами, была особенно заметна в войсках падишаха: у Драгута были веские причины быть недовольным принятыми мерами, и все же, по причинам, которые мы приводили, он позволил им продолжаться. Еще до того, как баша покинул Триполи, он вступил в сношения с Мулей Хамидом, тогдашним королем Туниса, который был феодалом Испании. Как ни стремился корсар оказать помощь в нападении на своих непримиримых врагов - рыцарей, он не мог позволить себе оставить свой фланг в Африке незащищенным. Однако ему удалось договориться с королем Туниса, и, кроме того, с помощью своих шпионов он убедился, что помощь, которую испанский король должен был прислать из Сицилии, не сможет прибыть еще в течение двух месяцев. Именно переговоры, которые он был вынужден вести с Мулей Хамидом, стали причиной его позднего прибытия. Насколько можно судить, именно это обстоятельство (добавленное к их собственной несравненной доблести) перевесило чашу весов в пользу рыцарей.

Среди всех тех храбрецов, что были на Мальте с обеих сторон в этот пламенный месяц июнь 1565 года, не было никого, кто превзошел бы Башу из Триполи. "Никто никогда не видел более бесстрашного генерала", - говорит де Верто. "Он проводил целые дни в окопах и на батареях. Среди его различных талантов никто не понимал лучше, чем он, управление и ведение артиллерии, что было его особым *ремеслом*". По его приказу 1 июня была построена вторая батарея ближе к форту и параллельно уже существующей, чтобы можно было вести абсолютно непрерывный огонь. Он установил четыре орудия на противоположной стороне гавани Марса-Музетто на выступающем участке суши, с которого велся дальнейший обстрел обреченной крепости с фланга: эта точка с тех пор известна как Пойнт-Драгут".

Равелин, расположенный перед крепостью со стороны суши, подвергался непрерывному обстрелу янычар из аркебуз. Однажды вечером, когда ответный огонь ослабел и все казалось спокойным, несколько турецких инженеров вышли из окопов на разведку. Приблизившись к кавалерии, все было спокойно, как смерть; смелые саперы пробирались на руках и коленях до самого рва, которым была окружена работа. Они бесшумно спустились в ров, а затем, встав на плечи друг другу, заглянули к своим врагам-христианам. Был ли часовой убит шальным выстрелом или тоже спал, неизвестно; но кавалерии был без охраны; все внутри него спали сном совершенно измученных людей. Саперы отползли к своим окопам, притащили лестницы, перемахнули, как поток, через кавалерийский рубеж и предали смерти всех, кого нашли. Пользуясь своим преимуществом, турки бросились через мост, соединяющий кавалерию с фортом; здесь их встретил сержант-майор Герар с горсткой солдат, которых он поднял. На помощь этим людям мгновенно подоспели шевалье де Веркойран и де Медран, за которыми сразу же последовали байи Негропона и несколько других рыцарей. Завязался упорный рукопашный бой; свежие турки пошли в атаку, но были сбиты в кучу навесным огнем из двух пушек, которые защитникам форта удалось открыть по ним. Из окопов прибыло еще больше пионеров, которые несли доски и мешки, набитые шерстью. Эти люди попытались устроить постоянный ночлег, но огонь со стороны христиан был слишком жарким, и люди падали сотнями. Ничуть не обескураженные, турки уперлись лестницами в стену крепости и попытались взобраться на стены; но для этого лестницы оказались слишком короткими, и нападавшие были сброшены обратно в ров. Эта атака, в ходе которой турецкое оружие было вознаграждено захватом равелина за спиной кавалериста, как говорят, стоила им жизни трех тысяч человек. Она продолжалась с рассвета до полудня.

Со стороны христиан было убито двадцать рыцарей и сто солдат; но хуже всего, с их точки зрения, то, что равелин остался в руках их врагов. Шевалье Абель де Бридье де ла Гардамп, получив пулю в тело, побежал к своим товарищам, чтобы укрыть их. "Меня больше нет среди живых", - сказал рыцарь. "Вы сможете лучше защитить остальных наших братьев". Затем он без посторонней помощи дотащил себя до подножия алтаря в часовне, где и был обнаружен его труп, когда все было кончено.

Пока что связь между Сент-Эльмо и их товарищами в Иль-Борго на противоположной стороне гавани оставалась налаженной; в результате раненые были удалены, а их места заняли сто свежих людей под командованием шевалье Ваньона. Байи Негропонта и командору Броглио Ла Валетт послал сообщение с приказом вернуться в Иль Борго. Эти доблестные и престарелые ветераны, оба израненные, чьи лица были опалены солнцем и почернели от пороха, чьи тела были почти измождены непрерывным бдением и рукопашными схватками, упорно отказывались покинуть свой пост, который теперь представлял собой лишь ужасную развалину, заполненную изувеченными трупами, с оторванными и отрубленными головами и конечностями.

Драгут предложил возвести батареи на той же стороне Большого порта, где находился Иль Борго; на месте, которое сейчас известно как Рикасоли, но которое тогда и в течение многих веков после этого было известно как Пунта Делле Форче (или Место Виселицы, потому что именно здесь казнили всех пиратов, и их тела, раскачивающиеся в цепях, были первыми объектами, которые бросались в глаза при входе в Большой порт). В этом его переубедил Пиали, заявивший, что у него недостаточно людей, а рыцари II Борго скоро сделают батарею непригодной для использования, даже если им удастся ее возвести, что турецкий адмирал теперь считал крайне сомнительным. Осада Сент-Эльмо, которая, по словам Мустафы, продлится в лучшем случае пять-шесть дней, продолжалась уже четыре недели; и хотя форт

находился в разрушенном состоянии, ничто, казалось, не могло утратить непобедимых воинов, которые его удерживали.

Положение в Сент-Эльмо было таково, что турки все еще держались за захваченный ими равелин, который они возвели на такую высоту, что могли заглядывать через парапет крепости и расстреливать из аркебуз всех, кого могли увидеть. Тем временем турецкие саперы днем и ночью пытались подорвать парапет, который, если его взорвать, даст им свободный доступ во внутренние помещения форта; в то время как другая партия, используя верфи галер и огромные доски дерева, занималась строительством моста, чтобы соединить равелин с парапетом. Ламиранд, один из самых активных защитников форта, наблюдал за этими приготовлениями без излишней тревоги, так как понимал, что по характеру грунта будет почти невозможно сделать под бруствером достаточный котлован, чтобы установить эффективную мину. Однако, поскольку в результате расчистки бруствера наклонился наружу, и было возможно, что он почти в любой момент может обрушиться в ров, он приказал возвести второй бруствер внутри первого и установить на нем артиллерию. Сделав это, он устроил ложную вылазку в следующую ночь, и когда турки бросились в атаку, он, в сопровождении отряда саперов, выскочил в ров и сжег сделанный мост. Турки, вернувшись после безрезультатного штурма, нашли свой мост разрушенным, но с неугомонной активностью принялись за работу и построили его заново. Подтащив пушки к самому краю равелина, они на следующий же вечер отомстили, предприняв ложный штурм: ворвались в ров и, приставив к стенам лестницы, сделали вид, что пытаются сделать эскаладу. Гарнизон, обманутый, в большом количестве появился на парапете, когда по нему в упор открыли убийственный огонь из равелина. В этот момент гарнизон потерял больше людей, чем до этого при самых решительных атаках, которые он выдерживал.

Теперь казалось, что наступил конец, что гарнизон сделал все, что было в силах смертного человека, и ему ничего не оставалось, как отступить, пока еще есть время. Соответственно, был выбран шевалье Медран, чтобы изобразить отчаянное положение, в которое они попали в Ла Валетте. Было хорошо известно, что ни к кому из рыцарей Великий магистр не питал такого уважения, как к Медрану, одному из самых храбрых и рыцарственных. Его, по крайней мере, никогда нельзя было заподозрить в трусости, слабости, в желании покинуть свой пост. Этот доблестный рыцарь пересек гавань со своим печальным поручением и был принят своим начальником: ему он изложил положение дел, как оно здесь изложено, заверив его, что в лучшем случае форт сможет продержаться еще несколько дней.

Немедленно был созван совет рыцарей Большого креста, большинство из которых сочли, что настало время оставить безнадежную позицию. Но это решение не встретило одобрения у Великого магистра. Никто лучше него не понимал, какой опасности подвергаются их братья; в то же время он утверждал, что бывают случаи, когда необходимо пожертвовать определенным числом ради блага всего Ордена. У него были сведения, что, если Сент-Эльмо будет оставлен, вице-король Сицилии ничего не предпримет для облегчения положения острова; что от прибытия помощи зависит существование их древней и почетной конфедерации; поэтому, чего бы это ни стоило, они должны были продержаться как можно дольше. Личность Великого магистра была настолько сильной, что за короткое время он завоевал голоса главы, и Медрану было приказано вернуться в Сент-Эльмо и передать гарнизону сообщение о том, что осада должна идти своим чередом.

Медран вернулся и доложил товарищам о результатах своего посольства. Несколько старших рыцарей приняли приказ с покорностью, но среди тех, кто был помоложе, поднялся ропот. Эти люди сочли ответ на свое обращение жестким и жестоким; они не видели смысла в потере своих жизней, которые, как они прекрасно знали, будут принесены в жертву во

время следующего штурма. Поэтому они, в количестве пятидесяти трех человек, написали письмо Великому магистру, в котором потребовали разрешения покинуть Сант-Эльмо и удалиться в Иль-Борго. В случае отказа они объявили о своем намерении выступить вперед с мечом в руках и погибнуть в рядах врага. Командор де Корне был носителем этого письма, которое было принято Великим магистром с печалью и негодованием. Чтобы успокоить их, он послал трех комиссаров осмотреть место. Это было сделано, и один из них, рыцарь греческого происхождения по имени Константин Кастриот, сообщил, что форт еще может продержаться некоторое время. Когда он объявил об этом в Сент-Эльмо, непокорные рыцари пришли в такую ярость, что бейли Негропонта пришлось объявить "тревогу", чтобы предотвратить позорное побоище. Комиссары вернулись в Иль Борго. Выслушав их доклад, Ла Валетт написал письмо тем, кто его поминал, следующего содержания:

"Возвращайтесь в монастырь, братья мои; там вы будете в большей безопасности, а мы, со своей стороны, будем чувствовать себя увереннее в сохранении столь важного места, от которого зависит безопасность острова и честь нашего ордена".

Никогда еще люди не были так ошеломлены, как рыцари в Сент-Эльмо, когда получили этот ответ; здесь им намекнули, что то, что они отказывались делать из-за опасности, должны были взять на себя другие. Это было не более чем фактом, поскольку Ла Валетт был осажден просьбами не только рыцарей, но и простых солдат гарнизона, чтобы им позволили перейти в Сен-Эльмо и умереть, если потребуется до последнего человека. Поэтому рыцари с молитвами и слезами умоляли Великого магистра разрешить им остаться. Поначалу Ла Валетт был непреклонен. Он предпочитал, по его словам, самое сырое ополчение, готовое подчиниться его приказам, рыцарям, не знающим своего долга. Однако в конце концов он уступил, и в крепости Сент-Эльмо, этой разгромленной и разрушенной копильне, где оборона зияла провалами, где каждый уголок днем и ночью подвергался убийственному огню, осталось множество людей, израненных и потрепанных, но воодушевленных таким духом, что ничто из того, что могли придумать турки, не произвело на них ни малейшего впечатления. У этих великих и галантных джентльменов была своя минута слабости; к правильному пониманию своего долга их подтолкнул благородный ветеран, который был их вождем. К нему, наконец, они обратились, как его послушные дети, которые в минуту бунта прошли через такое тяжелое испытание, какое когда-либо выпадало на долю человека. И теперь, когда приближался неизбежный конец, они словно подражали римскому гладиатору с его ужасным припевом: "Ave Cæsar morituri te salutant".

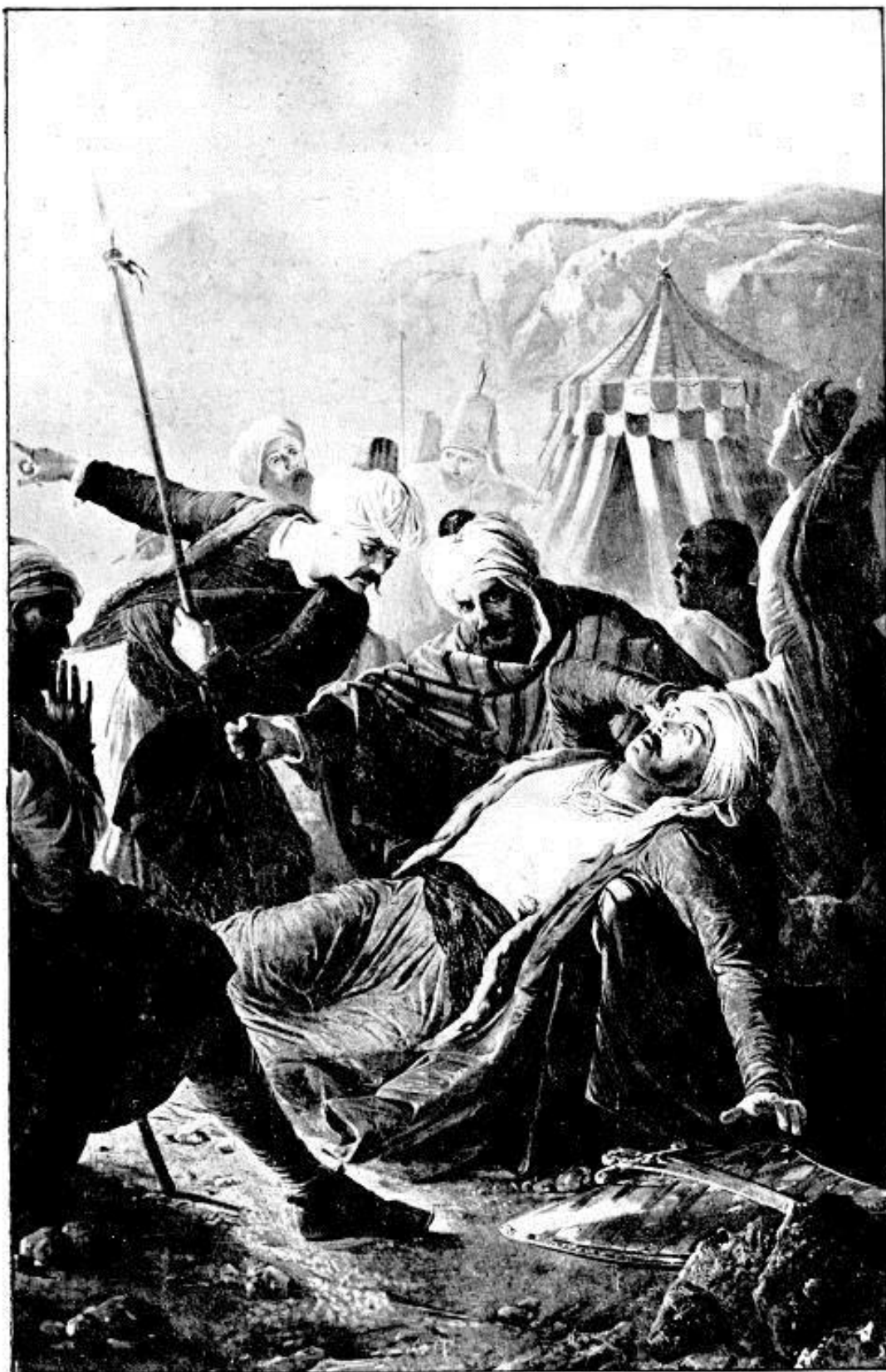
Весь день и каждый день гарнизон сражался, выхватывая по возможности отдых, когда их упорные враги, измученные усталостью и страшной жарой, уже не могли перейти в атаку на тех, кто, по их твердому убеждению, находился в союзе с самим Шайтаном: "Ибо как еще, - требовали янычары и спахи, - такие неверные, как эти, могут выступить против избранных Пророка, как мы".

В это время в гарнизоне начали использовать приспособление, которое приписывал самому Великому магистру. Оно заключалось в деревянных обручах, которые сначала тщательно вымачивались в спирте, а затем кипятились в масле; после этого они плотно обвязывались хлопком или шерстью, также пропитанными горючей жидкостью, смешанной с селитрой и порохом. Как только эти чудовищные приспособления были подожжены, ничто не могло их потушить, и турки боялись их как никого другого в течение всего оставшегося времени пребывания на Мальте. Они были особенно смертоносны для турок, и порой двое или более солдат, идущих на прорыв, попадали в один из этих огненных кругов, и несчастные сгорали заживо. Даже янычары отказывались идти вперед, когда эти фейерверки обрушивались на их развевающиеся одежды.

16 июня на крепость было совершено еще одно нападение, и, как это ни невероятно, оно было отбито с такой ужасной резней, что турки в конце концов не захотели встретиться с мечами гарнизона. Вдобавок к этому врагу удалось так плотно окружить крепость, что никакие подмоги уже не могли к ней подойти, и конец был лишь вопросом времени. За день до этого Драгут, который со свойственной ему смелостью стоял посреди жаркого пожара, был поражен в голову камнем, выбитым из стены пушечным ядром. В тот момент, когда это случилось, он проводил военный совет в окопах с Пиали, санджаком и главным турецким инженером. Тот же выстрел, который ранил Драгута, убил санджака на месте. Пиали накинул на тело корсара плащ, чтобы его состояние не заметили солдаты, и как можно скорее отнес его в свою палатку, где он пролежал без сознания до следующего дня.

Совет, на котором корсар присутствовал в момент получения смертельной раны, имел своей целью полную изоляцию Святого Эльма от Иль Борго; его диспозиция была завершена, а приказы отданы инженеру как раз перед его ударом.

Агония Сент-Эльмо подходила к концу; полностью окруженная последними распоряжениями Драгута, крепость находилась на последнем издыхании; храброму мальтийскому пловцу удалось проскользнуть через кордон, переплыть гавань и доставить Великому магистру письмо от байи Негропонта. Великий магистр предпринял последнюю попытку перебросить сюда подмогу и подкрепление, но они были отбиты с ужасной резней: теперь оставалось только ждать неизбежной трагедии.

СМЕРТЬ ДРАГУТА ПРИ ОСАДЕ МАЛЬТЫ.

В ночь на 22 июня защитники Сент-Эльмо, потеряв всякую надежду на поддержку, приготовились к смерти. Ла Валетт вдохнул в них свой собственный героический дух, и никто из них не советовал и не мечтал о сдаче. Орден, которому они присягнули на верность, требовал от них последней жертвы, которую они были в силах принести, и она была

принесена в манере, наиболее соответствующей его догматам. Эти изможденные, израненные войной, покрытые боевыми шрамами воины отправились в часовню, где исповедались, приготовились, вместе причастившись, "и, предав таким образом свои души Богу, каждый удалился на свой пост, чтобы умереть на почетном ложе с оружием в руках". Те из рыцарей, кто был слишком тяжело ранен или слишком болен, чтобы стоять, поднесли к пролому стулья, на которых они расположились и ожидали штурма. В течение четырех часов эти негибимые люди противостояли силе бесчисленного войска: к концу этого периода в живых осталось всего шестьдесят человек из гарнизона. Мустафа прекратил штурм на несколько мгновений, чтобы заменить штурмующих свежими войсками, и тут наступил конец. Почти последними пали шевалье Ламиранд и ветеран Байи Негропонтский, и когда на стенах водрузили знамя с полумесяцем, в живых не осталось ни одного из тех защитников, что удерживали форт. Несколько офицеров Драгута вбежали в его палатку и объявили о взятии Сент-Эльмо. Великий капитан находился в последней степени тяжести и не мог говорить: "Однако он выказал свою радость несколькими знаками и, подняв глаза к небу, как бы в благодарность за его милости, тут же скончался: капитан редкой доблести и даже более гуманный, чем обычно бывают эти корсары".

Баша Пиали, войдя в форт и увидев, с какими жалкими ресурсами он так долго удерживался, воскликнул, глядя через гавань на Иль Борго:

"Что не сделает с нами родитель, когда столь малый сын стоил нам жизни наших храбрейших воинов?"

Не сохранилось сведений о том, что сказал по этому поводу этот жестокий дикарь Мустафа; однако его поступки красноречиво говорят об этом. Он обезглавил тела рыцарей и прибил их к деревянным крестам, а на их трупах вырезал крест в знак насмешки над религией своих врагов. Затем тела бросили в гавань, и они были выброшены на берег у подножия Иль Борго. Мгновенно Великий магистр приказал обезглавить всех турецких пленников, и их головы выстрелили из пушки в лагерь Мустафы.

Оставшаяся часть осады, которая продолжалась до 18 сентября, нас в этой книге не касается. Стоит лишь сказать, что люди из Иль Борго были достойны встать в один ряд с защитниками Святого Эльма, что равносильно утверждению, что и в них был обнаружен последний предел героизма. Великий магистр пережил осаду, его памятником стал благородный город "Валетта", построенный на горе Скеберрас. Турки оставили осаду и вернулись в Константинополь после прибытия незначительного подкрепления из Сицилии. Соппротивление рыцарей было столь ужасным, что в их армаде не осталось ни одного сердца. О Драгутае осталось сказать совсем немного: он был, пожалуй, самым образованным из корсаров и менее жестоким, чем обычно. Хотя он не был столь знаменит, как его более прославленный учитель, Хейр-эд-Дин Барбаросса, возможно, это объясняется тем, что его карьера оборвалась при осаде Мальты в сравнительно раннем возрасте. Хотя он так и не дослужился до звания адмиралиссимуса Великого Турка, тот, как мы уже видели, оказывал ему величайшее доверие и во многом полагался на его суждения, особенно когда речь шла о морских делах. Как и Барбароссы до него, он поднялся из ничего на ту высоту, которой он в конечном итоге достиг благодаря огромной силе ума и характера. В бурные времена, на которые выпал его жребий, он ни разу не дрогнул на своем пути, ни разу не унывал, не оглядывался назад, поддерживаемый сознанием собственной способности управлять дикими духами, в окружении которых он жил. Поэтому, какого бы иного мнения мы ни придерживались о Драгутае, нельзя отрицать, что в этом капитане "Морских волков" сочетались редкие качества, благодаря которым он блистал как способный администратор, прекрасный моряк, но прежде всего как верховный вождь людей. Драгут умер с оружием в

руках, сражаясь с теми, кого считал своими злейшими врагами. Он не дожил до поражения Пиали и Мустафы, и можно предположить, что он умер, будучи уверенным в том, что победа останется за мусульманским войском. Для такого человека, как он, никакая смерть не могла быть более желанной.

ГЛАВА XXI

АЛИ БАША

Али, баша Алжира, становится преемником Драгута - завоевывает Тунисское королевство, захватывает четыре галеры у мальтийских рыцарей, присоединяется к Пиали-баше в его набегах перед битвой при Лепанто - собирает христианские войска и прибывает в Средиземноморье, чтобы принять командование, - дон Иоанн Австрийский.

"Я слышал, как несколько мореплавателей и морских капитанов, а то и рыцарей Мальты, спорили между собой о том, кто из них больший и лучший моряк - Драгут или Оккиали? И некоторые высказались за одного, а некоторые за другого; те, кто высказался за Оккиали, заявили, что он занимал более высокие и почетные должности, чем Драгут, поскольку командовал в качестве генерала и адмирала у Великого Турка и что *il fit belle action* в битве при Лепанто". Пьер де Бурдей, сеньор де Брантом, из которого мы взяли вышеприведенную цитату, сам присутствовал при осаде Мальты и, кроме того, как известно, в своей неподражаемой манере сплетничал о мужчинах и женщинах своего времени, от корсаров до куртизанок. Когда такие авторитеты современности, как упомянутые, не могут прийти к единому мнению, мы, живущие в двадцатом веке, не можем определиться с соперничающими претензиями на отличия между Башау из Триполи и его последователем Оккиали, 345, как он был известен христианам, или Али Баша, как его называли турки. Али Баша имеет право на славу благодаря тому, что он упоминается Сервантесом в "*Дон Кихоте Ламанчском*" под именем "Учалы" в главе xxxix, "*Donde el cautivo cuenta su vida y sucesos*". Предполагается, что пленником был не кто иной, как сам знаменитый Сервантес, и он вкратце описывает, как Учали стал "Rey de Argel", или королем Алжира.

Али был христианином и родился в маленькой жалкой деревушке в Калабрии под названием Ликастелли. О его рождении и происхождении ничего не известно, и, похоже, он даже не носил христианского имени, хотя родился в христианской стране. С ранней юности он следовал призванию моряка; "он с младенчества был приучен к соленой воде", - пишет Джозеф Морган в своей "*Полной истории Алжира*", и еще мальчиком попал в плен к Али Ахамеду, адмиралу Алжира, и был прикован к веслу правого борта на галере этого офицера. Таким образом, он очень рано "приучился" к страданиям и должен был обладать железным телосложением, чтобы выдержать в детстве все тяготы жизни раба на галере, которые, как правило, разрушают выносливость сильных мужчин за несколько лет. Морган представляет нам его описание в этот период, которое в наши более щепетильные дни, конечно, не может быть изложено полностью: достаточно сказать, что он все дни страдал от того, что известно как "скальд-голова", и что личная нечистоплотность была одной из его главных характеристик.

В течение нескольких лет Али оставался на изнуряющей душу работе гребца: оторванный от дома, который для него ничего не значил, лишенный родных, одинокий и несчастный в мире,

который до сих пор не давал ему ничего, кроме цепи и кнута, - неудивительно, что он стал мусульманом, освободившись таким образом от рабства. С того момента, как он сделал этот шаг, его судьба стремительно пошла на поправку в той странной мешанине дикости и кровопролития, в которую был брошен его жребий.

Бодрый, сильный, способный и энергичный, он в ранней юности стал главным боцманом на галере, на которой проходил свое ученичество, - должность, позволившая ему накопить небольшой запас дукатов, на которые он купил долю в бригантине. Здесь он вскоре приобрел достаточное состояние, чтобы стать капитаном и владельцем галеры, на которой вскоре завоевал репутацию одного из самых дерзких корсаров на Барбарийском побережье. В какой-то мере прославившись, он стал искать покровителя, который мог бы воспользоваться его доблестью, обращением и способностями к командованию. Вскоре выбор был сделан, ведь кто во всем Средиземноморье в его ранние годы носил такое имя, как Драгут? Он поступил на службу к триполийскому баше и под его командованием стал хорошо известен офицерам Великого Турка, особенно адмиралу Пиали-баше, которому он смог оказать ряд важных услуг.

Задерживаться на более ранних годах жизни этого выдающегося корсара не имеет смысла, так как в этом случае мы лишь повторим то, что уже было сказано о Драгутае, чьим лейтенантом и верным последователем он стал. Он сопровождал своего господина при осаде Мальты, а когда Драгут был убит, капитан-баша Пиали назначил его преемником своего начальника на посту наместника Триполи. Али отплыл с Мальты в Триполи, взяв с собой останки Драгута, чтобы похоронить их в соответствии с распоряжением вождя. Прибыв на барбарийское побережье, он стал хозяином рабов и сокровищ, оставленных Драгутом; вскоре после этого Великий турок утвердил его в вице-королевстве Триполи; в дальнейшем он увеличивал как свое богатство, так и ужас, в котором держалось его имя, постоянными набегами на христиан, особенно на побережье Сицилии, Калабрии и Неаполя. Любопытно наблюдать, какую злобу все ренегаты, похоже, питали к странам, в которых родились.

В марте 1568 года из-за падения Мухаммеда Баши вице-королевство в Алжире стало вакантным, и благодаря добрым услугам своего старого друга Пиали Али стал губернатором. Таким образом, он вернулся в город, в который впервые попал в качестве раба на галере, и занял в нем буквально суверенное положение.

О том, что он не был нерадивым губернатором и относился к своим обязанностям вполне разумно, свидетельствует случай, произошедший в том же году в Испании. Мориски в королевстве Гранада восстали против своего испанского губернатора, который их жестоко притеснял. Они отправили послания Али в Алжир, умоляя о помощи против своего гонителя. Но баша не стал отправлять экспедицию; он разрешил всем и каждому идти добровольцами, но публично заявил, что "ему важнее хорошо защищать свое государство, чем вмешиваться в дела других". Он даже пошел дальше этого, и, когда несколько морисков, обосновавшихся в Алжире, выгрузили на берег много оружия для перевозки на побережье Андалусии, он наложил эмбарго на суда и не позволил им отплыть, заявив, что "никогда не допустит вывоза того, что так необходимо для обороны его собственных владений". Наконец, после долгих уговоров, он согласился, "чтобы все, у кого есть два таких оружия - мушкеты, сабли или другое оружие, - могли, если сочтут нужным, прислать одно из них, при условии, что они сделают это безвозмездно и исключительно ради дела; но он никогда не позволит никому из них лишать себя оружия ради корысти".

Укрепившись в Алжире, Али выступил против соседнего государства Тунис. Уже много лет король Туниса находился под защитой испанцев - народа, к которому Морские Волки всегда относились с особым отвращением как к самой фанатичной из христианских держав, и который держал в рабстве многих своих единоверцев. Хамид, сын Хасана, правивший сейчас в Тунисе, довел это несчастное государство до анархии, граничащей мятежом, и вся страна, раздираемая междоусобной враждой, была готова восстать против него. Голетта была в руках испанцев; Каруан, внутренний город, поставил своего короля, а приморские города переходили из-под власти Морских Волков к христианам, а от христиан - обратно к Морским Волкам, в зависимости от того, какая партия оказывалась сильнее на данный момент.

Маэстро Фрай Диего де Хаэдо, "Абад де Фроместа из ордена патриарха Сан-Бенито" и "природный житель долины Карранка", чей *"Топография и история Аргеля (или Алжира)"* был напечатан в Вальядолиде в 1612 году, приводит рассказ о Хамиде этого времени, в котором он описывает этого монарха как "непопулярного тирана, который жестоко преследовал своих вассалов и друзей своего отца; который ни в коем случае не мог терпеть его тирании и тирании его министров, отбросов земли (*"hombres baxos"*), которым он отдал главные должности в королевстве. Поэтому с тех пор, как Али стал башой Алжира, ему писали письма, умоляя приехать в Тунис, чтобы он мог овладеть этим городом и королевством".

Основных заговорщиков было трое: алькаид Бенгабара, генерал кавалерии, алькаид Ботайбо и алькаид Алькадаар. Али, однако, был слишком проницательным человеком, чтобы действовать, пока не убедится в этом на основании донесений своих сторонников; поэтому он ждал результатов расследования, проведенного шпионами из Алжира. Наконец, в начале 1569 года, когда предложения алькаидцев были трижды возобновлены и баша убедился, что жители Туниса искренне предлагают ему суверенитет над королевством, которое они умоляют завоевать и удержать во имя Османской империи, бывший галерный раб больше не колебался. В октябре он покинул Алжир, оставив этот город на попечение некоего Мами Корсо, своего товарища по отступничеству. В отличие от Драгута, который должен был отправиться по морю, он отправился по суше с пятью тысячами корсаров и ренегатов. По пути он получил подкрепление в виде шести тысяч конницы из диких племен внутренних районов, которые в то время, как всегда, были готовы вступить в бой, обещая добычу: в данном случае вдвойне, поскольку речь шла о преследовании такого непопулярного тирана, как Хамид. Пройдя через Константину и Бону, он продолжил поход к Тунису, по мере продвижения увеличивая свою армию и добавляя к ней десять легких полевых орудий. Прибыв в Бежу, город, который, по описанию Хаэдо, находится всего в двух днях пути от Туниса, он наткнулся на крепость, недавно возведенную Хамидом, с четырнадцатью медными пушками. Здесь он остановился, после чего Хамид вышел дать ему бой во главе примерно трех тысяч конных и пеших воинов. Едва начался бой, как три алькайда, поддерживавшие связь с Али, дезертировали со всеми своими приближенными. Хамид бежал в Тунис, рассчитывая найти там убежище, но его горячо преследовали корсары, которые дошли за ним до Аль-Бурдона, где находился его летний дворец. Хамид, обнаружив, что его народ повсюду бунтует, бежал в Голетту, захватив с собой много денег, драгоценностей и портативных ценностей, и отдал себя под защиту испанского гарнизона - правда, не без потери большей части своего багажа, похищенного у него некоторыми маврами во время его бегства.

Как и Хейр-эд-Дин Барбаросса, Али теперь был повелителем Алжира и Туниса, и, поскольку для корсара он был человеком широких взглядов, он относился к своим новым подданным с пониманием. Однако он допустил одну любопытную ошибку, которую нельзя было ожидать

от столь политичного человека: он потребовал дань с племен внутренних районов. В те времена, особенно в Северной Африке, люди платили дань повелителю, потому что он был сильнее их; потому что за отказом следовало быстрое и внезапное возмездие. Приказывать платить дань, не будучи готовым к удару, означало лишь выставлять человека, предъявляющего требование, на посмешище. Особенно это касалось свирепых сухопутных пиратов пустыни, чьей привычкой было требовать, но не платить дань. Али шейхи ответили, что "если он хочет получить от них дань, то должен требовать ее с копьем в руке в поле, потому что там и нигде больше они не привыкли платить: их монета - стальные наконечники копий, а не золотые асперы". После этого, говорит Морган, "баша счел за благо откланяться".

Али, не имея возможности вести войну в пустыне против этих людей, был вынужден проглотить оскорбление и обратить свое внимание на регулирование внутренних дел своего недавно приобретенного королевства. Это ему удалось сделать в достаточной степени к июню следующего года, чтобы оставить Тунис в руках некоего Рабадана, сардинского ренегата, и самому отправиться в Константинополь. Причина его поступка была прежней - попытка укрепить свою власть в Северной Африке, обратившись за помощью к султану. Пока Голетта оставалась в руках испанцев, ни один корсар не мог чувствовать себя в безопасности ни в Тунисе, ни в Алжире. Цель Али заключалась в том, чтобы выпросить у Великого турка людей и корабли, которые помогли бы ему выгнать испанцев из Африки.

В июне 1570 года Али снова вышел в море на своей "адмиральской галере", направляясь на север к Золотому Рогу. При благоприятном бризе с юго-востока галеры расправили свои огромные латаные паруса, и натруженные гребцы смогли немного отдохнуть. Эскадра состояла из двадцати четырех галер. У мыса Пассаро на Сицилии было захвачено небольшое судно, которое сообщило, что пять галер мальтийских рыцарей стоят на якоре в Ликате, небольшой гавани по соседству, и что они собираются отплыть на Мальту. Решение Али было принято мгновенно: если бы он пошел на них в атаку со всеми имеющимися в его распоряжении силами, экипажи могли бы сбежать на берег; даже от мальтийских рыцарей вряд ли можно было ожидать, что двадцать четыре галеры будут сражаться с пятью. Ему хотелось захватить корабли, но прежде всего - тех, кто на них служил: чтобы сполна отомстить за то, что гордых рыцарей раздели догола и приковали к скамьям его собственного флота.

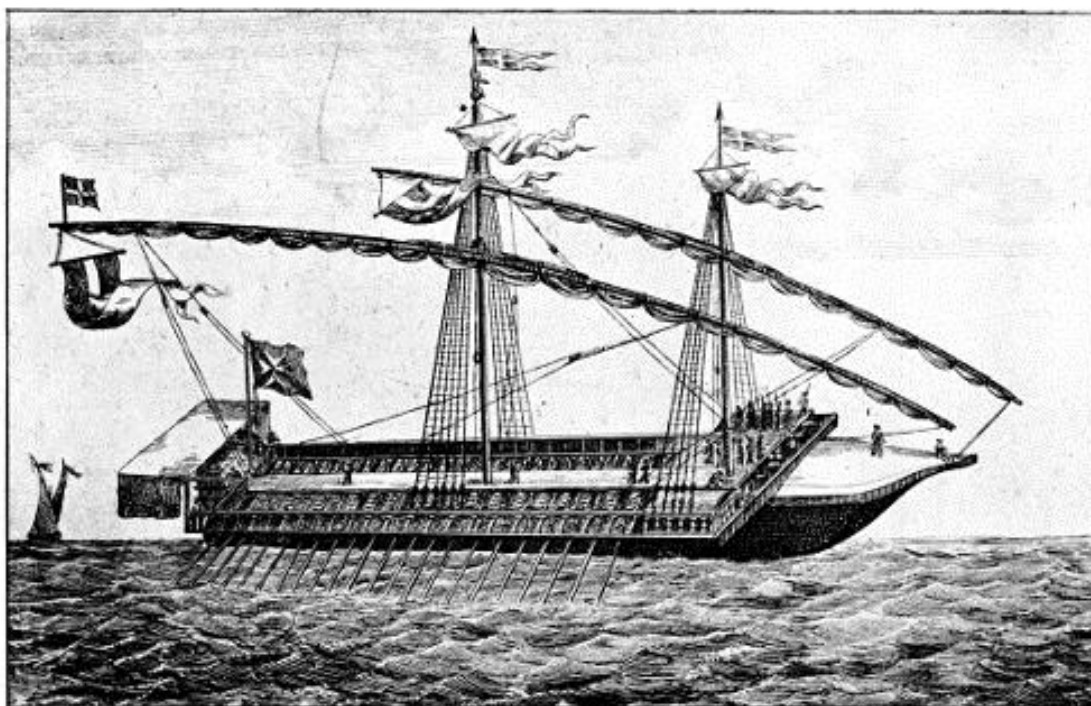
Жаркое средиземноморское солнце лилось с безоблачного неба, пока "Морские волки" совершали набег; они лежали вне пределов видимости суши, но прямо по курсу, которым должны были следовать галеры христиан. Огромные верфи с поздними парусами были спущены на палубу, и, взяв в руки весла, мусульмане ждали свою добычу. Вскоре были обнаружены мальтийские галеры, неторопливо идущие под веслами и парусами, и тогда - когда было уже слишком поздно - рыцари поняли, в какую ловушку они попали. Времени на подготовку и раздумья было мало, и кто упрекнет четверых из пятерых, если они решили попытаться спастись - ведь бегство или уничтожение.

Но одна не улетела: "Una galera hizo cara a los Turcos" (Одна-единственная галера повернулась носом к туркам), - говорит верный летописец Хаэдо. Она была названа "*Санта-Ана*", но имя ее героического командира до нас не дошло. Как Гренфелл "во Флоресе на Азорских островах" стоял на палубе маленькой "*Месту*" в тот памятный августовский день 1591 года, когда "он предпочел умереть, чем обесчестить себя, свою страну и корабль Ее Величества", так и этот мальтийский рыцарь сразил двадцать четыре своих врага.

Когда дон Иоанн Австрийский, будучи в то время молодым и неопытным в морской войне, написал маркизу Виллафранке, генералу галер Сицилии, прося совета по поводу нападения

галер на галеру, тот ответил ему: "Никогда не стреляйте из аркебузы в противника, пока не окажетесь так близко, что его кровь бросится вам в лицо при выстреле". Если мы запомним это наставление, оно поможет нам представить себе тот кровавый конфликт, на который в этот день смотрело средиземноморское солнце. Восемь к одному, все, кто смог найти место, чтобы пробраться на борт "*Санта-Аны*", сражались с рыцарем и его последователями. Разумеется, исход боя не вызывал сомнений ни на минуту. "Мертвые и убитые", - говорит Хаэдо, - кабальеро и солдаты христианского корабля не могли больше сопротивляться. Морские волки победили, гордое знамя Святого Иоанна было спущено, но никогда за всю свою историю оно не было выдержано так благородно, и галера "*Санта-Ана*", которой командовал этот неизвестный член великой христианской военной иерархии шестнадцатого века, вполне может стоять в списке славы рядом с "*Возмездием*", "*Мстителем*" и "*Победой*".

Рыцарская галера *Capitana*, или "адмиральская галера", преследуемая ожесточенно, вместе с одним из своих кораблей пристала к берегу в Ликате: экипажи высадились, но были преследуемы и настигнуты. Одна галера вообще спаслась, но четыре из пяти были захвачены. Столь значительная победа над рыцарями вызвала такое ликование во флоте Морских Волков, что Али решил отпраздновать ее триумфальным возвращением в Алжир, а не идти прямо в Константинополь. Соответственно, корабли снова повернули на юг, и 20 июля 1570 года флот прибыл в африканский порт, "на своих галерах, наполненных множеством бандер", - галерах, богато украшенных.

ГАЛЕРА МАЛЬТИЙСКИХ РЫЦАРЕЙ.

Процессия вошла в гавань тремя дивизионами по восемь галер, а за каждым дивизионом буксировался один из захваченных рыцарских кораблей. В память о своей доблести Али приказал повесить на больших арочных воротах Марины щиты и баклеры, снятые с мальтийских галер, на которых был изображен белый крест "Религии". Также здесь был помещен образ святого Иоанна Крестителя, взятый с галеры *Capitana*, "все они, - говорит Хаэдо, - сохранились до сегодняшнего дня" (то есть до 1612 года), кроме образа святого

Иоанна, который в правление Хасана Баши, венецианского ренегата, был снят и сожжен по приказу морабутов, "los letrados de los Moros" (ученых среди мавров). Поучительным комментарием к страху и уважению, в котором находились мальтийские рыцари, является то, что такой человек, как Али, должен был считать триумфом, достойным празднования, когда он разгромил пять их кораблей двадцатью четырьмя своими.

Следующее событие в жизни Али было одним из тех, которым морские волки подвергались время от времени и которые, похоже, не доставляли им особых хлопот или беспокойства. Это был мятеж янычар в Алжире, которые очень резонно возражали против того, что их оставили без жалованья. Мятеж янычар, однако, был несколько серьезным делом, поскольку они привыкли пользоваться многими привилегиями и были, как мы уже говорили в другом месте, отборным корпусом, в чьей власти было даже принудить самого султана в определенных случаях.

Те из них, кто был в Алжире, спрашивали: "Кто этот корсар, который осмелился заставлять отборных людей из армии Великого Турка ждать жалованья, как будто они не лучше его рабов?" В те времена, о которых мы говорим, такое явление, как мятеж, было делом, к которому должен был быть готов любой благоразумный корсар. Али ничуть не пал духом, и, поскольку кризис на берегу обострился, он отправился в море, где не должен был платить своим людям, которые платили себе за счет врагов. Он вышел в море с двадцатью галерами, а вскоре после выхода из Алжира встретился с галерой из Леванта, от которой получил информацию о том, что в Константинополе готовится мощная армада для похода против христиан. Он направился к Корону в Морее, где к нему почти сразу же присоединился османский флот, командуемый которым был несказанно рад, что нашел столь грозное подкрепление под началом такого прославленного капитана, как Али.

Солиман Великолепный умер в 1566 году, и ему наследовал его сын Селим; этот принц, воспитанный в серале, был слаб и развратен, пристрастился к крепким напиткам, запрещенным Пророком, до такой степени, что испанцы прозвали его "эль эбрио" или "эль бебедор".

Такое положение дел сулило беды Турецкой империи, и Селим II получил образование, сильно отличающееся от того, что было принято до сих пор. Гиббон отмечает: "Вместо ленивой роскоши сераля наследники королевской власти получали образование в совете и на поле. С ранней юности отцы поручали им командование провинциями и армиями; и это мужественное учреждение, которое часто приводило к гражданским войнам, должно быть, в значительной степени способствовало дисциплине и бодрости монархии".

Каким бы пьяницей и слабаком он ни был, у Селима были свои амбиции. Он хотел прославить свое правление каким-нибудь великим завоеванием, подобным тому, что придавало блеск правлению его отца; в связи с этим он предъявил претензии на остров Кипр, принадлежавший в то время Венеции. Венецианцы, укрепив укрепления острова и оснастив свой флот, искали союза в Европе, чтобы обуздать притязания Порты. В этом они нашли поддержку, мгновенную и щедрую, у Папы Пия V. Об этом великом церковном деятеле Прескотт говорит: "Он был одним из тех понтификов, которые, казалось, были призваны нуждами времени, чтобы поддержать столпы католицизма, когда они еще дрожали под ударами Лютера".

Папа, Филипп II Испанский и Венеция образовали так называемую "Священную лигу" и, создав ее, сразу же начали спорить между собой о том, каковы должны быть ее функции. Венецианцы хотели, чтобы все ее усилия были направлены на защиту Кипра, в то время как

Филипп и его наместники стремились атаковать морских волков на побережье Африки в их опорных пунктах. После долгих препирательств было достигнуто соглашение. Основными пунктами его были: папа должен оплатить одну шестую часть расходов, Венеция - две шестых, а Испания - три шестых; каждая сторона должна назначить своего главнокомандующего, а верховное командование всеми собранными силами должен осуществлять дон Иоанн Австрийский. Договаривающиеся стороны должны были предоставить 200 галер, 100 транспортов, 50 000 пеших, 4 500 конных, а также необходимую артиллерию и запасы.

Пока христиане вели переговоры и говорили, турки действовали. В мае папа устроил публичное оглашение договора в консистории; в апреле турецкий флот вышел в море и совершил ужасные опустошения в Адриатике, опустошив венецианскую территорию.

Пока собирались корабли и люди, а флот, который ему посчастливилось разгромить, продолжал свою карьеру в Средиземном море, дон Иоанн Австрийский 6 июня 1571 года отправился из Мадрида на юг. По прибытии в Барселону он совершил паломничество в скит Богоматери Монтсерратской, где его отец Карл V. исповедовался и принял причастие перед тем, как отправиться в плавание к барбарийскому побережью в экспедицию против Барбароссы. Из Барселоны он отплыл на тридцати галерах в Геную, куда прибыл 25 числа и был поселен во дворце Андреа Дориа. В августе он прибыл по воде в Неаполь.

К этому времени вся Европа была охвачена волнением: воины благородного происхождения стекались, чтобы служить под знаменами брата короля Испании, который считался зеркалом рыцарства. Следующее описание дона Джона в Неаполе принадлежит перу великого историка Прескотта:

"В этом городе был устроен прием, более пышный, чем все, что он видел во время своего путешествия. Гранвель, недавно возведенный в ранг вице-короля, вышел во главе длинной и блестящей процессии, чтобы приветствовать своего королевского гостя. Дома, выстроившиеся вдоль улиц, были увешаны богатыми гобеленами и украшены цветами. Окна и веранды были украшены красотой и модой столицы, любящей удовольствия, и многие темные глаза сверкали, глядя на прекрасные формы и черты юного героя, который в возрасте двадцати четырех лет прибыл в Италию, чтобы принять эстафету командования и возглавить крестовый поход против мусульман. Его великолепное платье из белого бархата и золотой ткани выгодно подчеркивало его изящную фигуру. Малиновый шарф свободно развевался на его груди, а белоснежные плюмажи, свисавшие с его шапки, смешивались с желтыми локонами, обильно рассыпавшимися по плечам. Это была картина, на которую с удовольствием бы смотрела итальянская дева. Это, конечно, не был образ воина, облаченного в железное одеяние войны. Но от обвинений в женоподобности молодой принц мог бы избавиться благодаря своей поистине рыцарской осанке и бесстрашному духу, который светился из его ясных голубых глаз. В своих чертах он, казалось, соединял все, что было прекрасного в чертах его расы".

В Неаполе дон Джон обнаружил стоящий на якоре флот под командованием дона Альваро де Базана, первого маркиза Санта-Крус, о котором в будущем ему предстояло многое услышать в качестве адмирала Кастилии. Здесь же он получил из рук кардинала Гранвеля освященное знамя, присланное ему Папой Римским на торжественной церемонии в церкви францисканского монастыря Санта-Кьяра. 25 августа он покинул Неаполь и направился в Мессину, где высадился под триумфальной аркой колоссальных размеров, украшенной богатыми пластинами серебра и диковинными скульптурами с эмблематическими

барельефами. Королевская галера, на которую сел герой, была построена в Барселоне: она была оснащена с величайшей роскошью и отличалась силой и скоростью; ее корма была обильно украшена эмблемами и приспособлениями, взятыми из истории; такого военного корабля еще не видели в мире.

Кайетано Розелл в своей *"Истории морской битвы при Лепанто"* говорит, что число больших и малых судов в христианской армаде превышало 300, из которых 200 были галерами, обычными военными кораблями того времени. Далее он рассказывает:

"В этой просторной гавани [Мессины] были собраны эскадры Лиги; люди, управлявшие веслами и парусами, и бесчисленные бойцы, составлявшие огромное число, если сложить их вместе. Со времен императорского Рима в этих морях никогда не было такого грандиозного зрелища, никогда не было собрано столько кораблей, движущихся к одной цели, над которой господствует одна воля. Никогда не было зрелища, более отрадного в глазах правосудия и более побуждающего людей сражаться за дело религии".

Испанский флот состоял из 90 королевских галер, 24 нефов и 50 фрегатов и бригантин, "los mejores que en tiempo alguno se habrian visto" (самых лучших, которые когда-либо видели в любое время), как их описывал дон Джон. Папа отправил 12 галер и 6 фрегатов под командованием Марка Антония Колонны. Папа также предоставил королю этой страны для покрытия расходов "Крусаду" и "Эксусаду", а также другие церковные доходы, которые он получал из Испании.

Венеция назначила Себастьяна Веньеро командующим своим флотом, который состоял из 106 галер, 6 галеасов огромной массы и неуклюжей конструкции с 40 пушками на каждом, 2 нефов и 20 фрегатов. Однако эти суда были так плохо укомплектованы и оснащены, что дону Иоанну пришлось отправить на борт испанцев и генуэзцев, чтобы доукомплектовать их. В рукописи Королевской библиотеки (номер 10088) есть отчет о битве при Лепанто, составленный командором де Ромегасом. Он называет численность турецкого флота в 333 корабля, из которых 230 были галерами, а остальные - галеасами и более мелкими судами. Общая численность христианского флота, которую он приводит на сайте, составляет 271 корабль. Верховодил турецкими войсками Али Баша, "человек неустрашимого духа, давший множество доказательств гуманности и великодушия - качеств, более редких среди турок, возможно, среди всех народов, чем просто физическая храбрость". Вместе с Али был Баша из Алжира, тот самый Али, корсар, который с момента своего прибытия в Корон принял участие в боях, мародерстве и опустошениях, предшествовавших битве при Лепанто. В этом историческом столкновении ему предстояло еще раз показать, что на водах главенствуют "морские волки", ведь именно он и его корсары из всего мусульманского войска проявили себя с наибольшей похвалой в тот день, ставший роковым для оружия турок-османов.

ГЛАВА XXII

ЛЕПАНТО

Как Али Баша сражался в битве при Лепанто: его дальнейшая карьера - Заключение.

Лепанто, последнее сражение первоклассной важности, в котором Морские Волки сыграли ведущую роль, памятно во многих отношениях. Это одна из самых кровопролитных битв, которые когда-либо происходили, элемент личной ненависти между участниками сражения, о котором мы уже не раз упоминали, был особенно ярко выражен в этом случае. Как мы уже говорили, эта кампания была предпринята по инициативе венецианцев, а случай, произошедший незадолго до битвы, обострил чувства, с которыми христиане относились к туркам, до безумия. Город Фамагуста на Кипре был захвачен тем самым Мустафой, о котором мы так много слышали во время осады Мальты. Венецианские защитники с честью капитулировали, но когда четыре главных венецианских капитана предстали перед Мустафой, тот приказал обезглавить троих из них на месте; четвертого, благородного и галантного джентльмена, который отвечал за великолепную оборону вверенного ему города, он велел заживо сжечь на рыночной площади. Затем он 363 набил кожу соломой и, прибавив этот жуткий трофей к носу своей галеры, с триумфом вернулся в Константинополь. Брагадино, защитник Фамагусты, погиб не напрасно; его ужасная судьба вызвала такую страсть гнева во всей армаде донна Иоанна, что каждый, из кого она состояла, почувствовал, что жертва собственной жизни была бы ничтожной, если бы она привела к уничтожению таких извергов, как те, против которых они выступали.

ДОН ДЖОН АВСТРИЙСКИЙ.

Лепанто был великолепным триумфом оружия христианства и преподал Европе столь необходимый урок, что турки-османы не были непобедимы на море; однако это не было интересным сражением с точки зрения изучающего войну и ее комбинации. Из всех высших офицеров, командовавших в тот памятный день, только один проявил настоящий полководец и правильно оценил тактическую необходимость ситуации; этим офицером был Али Баша, предводитель "Морских волков". Рассказ о сражении на сайте несколько омрачает тот факт, что на стороне мусульман имя османского главнокомандующего также было "Али"; чтобы избежать путаницы в этом повествовании, мы будем называть Алжирского Башу именем, которое дали ему христиане, - "Оккиали".

Именно в воскресенье, 7 октября 1571 года, христианский флот снялся с якоря у Цефалонии и двинулся на юг вдоль албанского побережья, которое здесь окаймлено скалистыми островками. Правым крылом командовал Иоанн Андреа Дориа, левым - провидец Барбариго, центром, или, как его называли, "битвой", - дон Иоанн в лице , по одну сторону от которого находился Марк Антоний Колонна, генерал папских галер, а по другую - пламенный ветеран Себастьян Веньеро, командир венецианцев. Здесь же находились принц Пармский, племянник дона Иоанна, адмирала Савойи; герцог Урбино, адмирал Генуи; адмирал Неаполя и комендант Кастилии. Резерв, под командованием маркиза Санта-Круза, состоял из тридцати пяти галер. Непосредственно за *"Реалом"*, или королевской галерой дона Иоанна, находилась галера великого командора Рекесенса. Число моряков, солдат, офицеров и галерных рабов во флоте составляло более восьмидесяти тысяч человек; двадцать девять тысяч пехотинцев, из которых девятнадцать тысяч были испанцами. Против христиан в этот день выступил турецкий флот, имевший на борту не менее ста двадцати тысяч человек, размещенных на двухстах пятидесяти галерах, не считая бесчисленного множества более мелких судов.

Sebastian Veniero
R¹ Museo de Pinturas n.º 919

СЕБАСТЬЯН ВЕНЬЕРО.

Вставка, портреты дона Иоанна и папы Пия V. Героическая статуя дона Иоанна, господствующего над христианским и турецким флотами. Дыхание Всевышнего, уничтожающего турецкий флот при Лепанто.

Авторами, на чьих рассказах о битве основано это описание, являются Прескотт, знаменитый историк; П. Дару, член Французской академии, написавший исчерпывающую *"Историю Венеции"*, и дон Кайетано Розелл, член Испанской академии, ответственный за изложение предмета, известного как *"История морской битвы при Лепанто"* (*Historia del combate naval de Lepanto*). Из сравнения работ этих выдающихся людей с большой ясностью вытекает один факт: битва при Лепанто была беспорядочным побоищем, которое было решено некоторыми из самых отчаянных боев, когда-либо зафиксированных, но которое едва ли вообще зависело от тактических способностей людей в главном командовании. Правда, нам говорят, что дон Джон дал письменные инструкции командиру каждого корабля, но мы остаемся в неведении относительно того, что это были за инструкции, в то же время мы обнаруживаем, что в его линии боя, которая в первом случае, по-видимому, была "одной линией вперед", галеры всех стран были неразрывно смешаны; таким образом, папские, испанские и венецианские командиры не могли иметь дело, как они должны были делать, исключительно со своими людьми. С другой стороны, Оккиали сохранил эскадру "Морских волков"; он превзошел и почти разгромил Иоанна Андреа Дориа, когда наступил конец и он был вынужден отступить.

Мы, однако, предвосхищаем события. Дон Иоанн передал свою линию в легкой "фрегате", дав несколько слов назидания и совета каждому кораблю под его командованием. Если незаконнорожденный брат короля Испании и не проявил в этом случае особых способностей лидера, он, пожалуй, был не менее правильным человеком в нужном месте, поскольку обладал такой победной манерой поведения, был настолько яркой и галантной фигурой, что сердца всех, кто находился под его командованием, устремились к нему. Моряки и солдаты великой армады приветствовали его восторженными криками, когда он заставлял их вспомнить, за чье дело они сражаются. Последний из рыцарей-отступников, должно быть, произвел впечатление храбреца, пройдя по линии длиной в четыре мили, солнце сверкало на его дамасских доспехах, а желтые кудри струились из-под шлема.

Вскоре после восхода солнца было замечено, что турецкий флот направляется к христианам, причем в таком подавляющем количестве, что несколько испанских командиров заявили дону Иоанну, что рисковать сражением было бы неосмотрительно. К его чести, он ответил, что вышел сражаться с турками и что время для разговоров уже прошло. Затем он поднял все свои знамена, а исполнительным сигналом к началу боя послужило поднятие на грот-мачте священного знамени, благословленного Папой Римским. Когда этот штандарт развевался на ветру, все, кто находился под командованием дона Джона, дружно закричали. Местом сражения была та часть Ионического моря, которая с востока окружена берегами Албании и Мореи, а с запада - островами Итака и Цефалония. Чуть севернее, у входа в залив Арта, за шестнадцать лет до этого произошла битва при Актиуме между Антонием и Октавием; в том же месте в 1538 году состоялась памятная битва при Превесе между Андреа Дориа и Хейр-эд-дином Барбароссой.

С точки зрения моряка, которому, естественно, не терпится узнать, как располагали свои флоты соперничающие главнокомандующие, Лепанто представляет собой почти безнадежную загадку. Однако, насколько можно судить, обе армады подошли друг к другу

так называемой "линией вперед", причем каждый корабль шел сразу за своим следующим впереди в одной длинной непрерывной линии; и когда они подошли на расстояние удара, эти линии повернули так, что образовали "линию абреаст", когда каждый корабль, повернувшись под прямым углом, одновременно линию вперед абреаст, причем корабли, образующие ее, шли борт к борту.

Когда турки обнаружили союзников, они выходили из промежутков между островками и берегом. Увидев, что Иоанн Андреа Дория движется вправо, они решили, что он совершает поворот с целью уйти на север, откуда он пришел; в то время они не могли видеть остальной флот, который был скрыт сушей. Руководствуясь здравым тактическим расчетом, они выдвинулись вперед, чтобы атаковать союзников до того, как те успеют выйти из пролива. Однако они были слишком далеко, чтобы успеть это сделать, и к тому времени, когда они подошли на расстояние удара, христианский флот уже вышел из пролива и был готов к встрече с ними, "приготовившись к бою", как говорит месье Дару, что несколько расплывчато описывает диспозицию флота. Однако несомненно то, что впереди галеры дона Иоанна шли шесть больших галеасов, вооруженных пушками, превосходящими по мощности все, что могло быть установлено на галеасах. Когда турки перешли в атаку, эти суда открыли огонь, причем настолько сильный, что Али, турецкий главнокомандующий, приказал своей линии открыться и таким образом избежать их огня. В каком бы строю ни находился флот в то время - насколько мы можем судить, это был "строй в одну линию" - этот процесс открытия огня, чтобы избежать галиотов, привел его в безнадёжное замешательство. Правое крыло турок, прижавшееся к берегу и первым вступившее в бой, перешло в наступление, пытаясь развернуть левое крыло союзников. Во время этого маневра Али, капитан-баша турок, прибыл на своем судне напротив королевской галеры дона Иоанна. На мачте галеры капитана-баши развевался священный штандарт османов. Это древнее знамя халифов было покрыто текстами из Корана, и на нем золотыми буквами было выбито имя Аллаха не менее двадцати восьми тысяч девятисот раз. "Это было, - говорит Прескотт, - знамя султана, переходившее от отца к сыну с момента основания династии, и его никогда не видели в поле, если там не находился лично Великий Сеньор или его лейтенант". Али, главнокомандующему, любимцу султана, было доверено это самое ценное из всех владений падишаха, чтобы побудить его и всех его подчиненных сражаться изо всех сил, чтобы воздать честь Пророку и не допустить попадания этого символа их религии в руки христиан. Али, как и дон Джон, был молод и горел желанием отличиться; поэтому, как только корабли двух предводителей оказались напротив друг друга, ни один из них не считал врагом никого, кроме своего соперника-главнокомандующего. Али направил свою огромную галеру прямо на корабль дона Иоанна, и завязалась упорная схватка. Веньеро и Колонна поспешили на помощь своему шефу, который был сильно потрепан.

Бой стал общим и, как уже говорилось, по большей части представлял собой не что иное, как рукопашную, в которой каждый корабль выискивал ближайшего из своих противников и сходил с ним. Некоторое время шла упорная борьба с доном Джоном; раз за разом галера мусульманского вождя бралась на абордаж, но в каждом случае испанцы были отброшены на свои палубы. Лоредано и Малипье, два венецианских капитана, обрушились на семь турецких галер, спешивших подкрепить атаку на дона Иоанна, и потопили одну из них. Затем они с такой яростью и решимостью сражались с шестью оставшимися, что, хотя оба капитана были убиты, было признано, что они спасли своего генерала, полностью изменили характер сражения в своем районе и способствовали захвату турецкого адмирала. Решительное поведение двух венецианцев позволило испанской дивизии вплотную подойти к турецкому флагману, который после героического сопротивления был захвачен, главным образом потому, что в живых не осталось практически никого, кто мог бы сражаться. Голова

Али была отрублена испанским солдатом, знамя мусульман было заменено на флаг Креста, над которым в насмешку была выставлена голова Али на пике. Завоеватели, похоже, не увидели в этом представлении ничего предосудительного. Спуск священного штандарта Капитан-Баши подействовал на турок удручающе: они узнали, что их главнокомандующий мертв, а его корабль захвачен, в результате чего сопротивление османов стало ослабевать. Затем тридцать галер обратились в бегство по соседству с флагманским кораблем христиан; их преследовали с такой силой, что они бежали на берег, а их экипажи вплавь или вброд добирались до берега и уходили вглубь острова.

Справа от христианской линии дела шли не столь благоприятно. Здесь Оккиали удалось, очевидно, настойчиво пытаться обойти Иоанна Андреа Дориа с фланга, обманом отвлечь этого командира от его опорных пунктов и от основной массы христиан. Этот тактический маневр корсара увенчался успехом; оттянув на себя около пятнадцати христианских галер, он внезапно бросил в образовавшуюся брешь все свои значительно превосходящие силы и окружил их. Эти галеры были испанскими, венецианскими и мальтийскими, и, хотя они оказали самое энергичное сопротивление, в большинстве своем были уничтожены или захвачены. Несмотря на все свои усилия, Дориа в этот день был и превзойден, и побежден: "Морские волки" под командованием своего мрачного предводителя маневрировали в поисках позиции, получали ее, а затем обрушивались на врага, как молния. Все они были храбрецами в Лепанто в этот памятный октябрьский день; но мало было таких, как король корсаров, в котором огненное сердце сдерживалось ледяным мозгом, который в течение всего боя не упустил ни единого шанса и не сорвался, как орел, с места, когда ошибки противника дали ему возможность, за которой он следил. Это была старая история о "настоящем человеке моря", сражающемся против доблестных солдат в незнакомой стихии. И все же именно против лучшего моряка с христианской стороны сражался Окьяли на этом побитом поле; и никто не может отрицать, что на его долю выпала такая честь, которую турки завоевали в этот день, день, который навсегда разрушил представление о непобедимости османов на воде. Тем, кто читал историю осады Мальты, нет нужды рассказывать, как вели себя рыцари в битве; и все же Оккиали захватил *Capitana*, или главную галеру ордена, он буксировал ее из в качестве приза, когда маркиз Санта-Крус обрушился на него с резервом. К этому времени битва была проиграна, мусульмане полностью отступили.

Корсар понял, что больше ничего не может сделать: он угрюмо бросил буксир и, собрав около тридцати своих галер, еще способных к плаванию, смело прошел через центр места, где когда-то бушевала битва, и скрылся. *Капитан* Мальты был взят, а султану Окьяли преподнес большой штандарт Святого Иоанна в знак признания его заслуг.

Бернардино де Эскаленте в своем труде "*Военное искусство*", напечатанном в Севилье в 1583 году, сообщает, что капитан Охеда с галеры "*Гусмана*" захватил Мальтийскую *Капитулу*, и в знак признания этого "Религия" назначила ему пожизненную пенсию. Надо полагать, что во время сражения Охеда находился под командованием маркиза Санта-Круза.

С битвой при Лепанто связан один инцидент, о котором необходимо рассказать. На галере "*Маркиза*", в дивизии Дориа, лежал в своей постели больной лихорадкой молодой человек двадцати четырех лет; испанец из Алкала-де-Энарес, "из отцов идалго и почтенных", как нам сказали, хотя родители эти были бедны. Когда этот молодой человек услышал, что битва неизбежна, он поднялся с постели и потребовал у своего капитана, Франсиско Сан-Педро, чтобы его поставили на пост наибольшей опасности. Капитан и другие его друзья советовали ему оставаться в постели. "Сеньоры, - ответил молодой человек, - что бы сказали о Мигеле де Сервантесе, если бы он последовал этому совету? Во всех случаях, когда его враги предлагали сразиться с его величеством, я служил как хороший солдат; и сегодня я намерен

делать это, несмотря на болезнь и лихорадку". Ему поручили командование двенадцатью солдатами в шаланде, и весь день его можно было видеть там, где бой шел наиболее ожесточенно. Он получил две раны в грудь и еще одну, которая стоила ему потери левой руки. Тем, кому он с гордостью показывал их в последующие годы, он привык говорить: "Раны в лице или груди подобны звездам, которые ведут человека через честь к небесам". О нем летописец говорит: "Он до конца жизни с честью хранил память об этом удивительном происшествии, и, хотя он потерял левую руку, это прибавило славы его правой". Как славна была эта правая рука, известно всем читателям *"Идальго Дон Кихота Ламанчского"*.

Потери в битве при Лепанто настолько велики, что воображение поражает их. Говорят, что христиане потеряли пять тысяч человек, а турки - не менее тридцати тысяч. Как бы ни были огромны эти цифры, они, вероятно, представляют собой весьма скромную оценку потерь. Турки потеряли двести судов, а если вспомнить количество людей, находившихся на борту галер XVI века, то становится ясно, что цифры отнюдь не преувеличены, тем более что ни одна из сторон не давала сдачи. Когда капитан Охеда захватил разбитый корабль *"Капитана Мальты"*, на его борту было триста мертвых турок; если это стоимость захвата одной галеры, то мы не должны удивляться общему числу.

В этой книге нам нечего делать с результатами этого удивительного для Европы сражения. Что касается *"Морских волков"*, то оно показало, что они по-прежнему остаются самыми компетентными моряками и морскими бойцами в Средиземноморье, и что легенда о непобедимости османов на море покоится на том, что было достигнуто в течение долгих лет этими ненасытными пиратами и великолепными воинами.

То, что сказал сражающийся понтифик Пий V., узнав о победе, соответствует всему, что история рассказала нам об этом выдающемся обитателе кафедры Святого Петра. Она была короткой, но очень емкой и состояла из одного предложения: *"Fuit homo misus a Deo cui nomen erat Joannes"*.

В сборнике эпитафий, напечатанном в Колонии в 1623 году (и отредактированном неким Франциском Свертиусом), есть одна эпитафия на испанском языке, написанная анонимным автором, посвященная дону Иоанну Австрийскому. В ней, выполненной в форме вопроса и ответа, у него, "который с такой реальной славой так смиренно лежит под этим камнем", спрашивают, что может сделать для него Испания, какой храм или какую статую она может воздвигнуть в его честь. На это герой отвечает: "Мой храм - в моих делах, моя статуя - моя слава". Это не только красивое предположение, но и очень существенная правда, если вспомнить, какое место в истории занял этот человек.

Осталось рассказать о дальнейшей карьере Али-Баши после его опыта при Лепанто. Теперь он вернулся в Константинополь, где обнаружил, что горькие жалобы янычар на недостаток жалованья опередили его; это должно было раздражать, поскольку к этому времени столь незначительное обстоятельство, вероятно, ускользнуло из его памяти. Его старый друг и покровитель Пиали Баша все еще был у власти; Баша использовал свое влияние, и корсар положил к ногам султана большой штандарт Святого Иоанна, захваченный им у рыцарей, - единственный трофей, прибывший в Константинополь после той катастрофической битвы; в результате, как нам говорят, "вместо выговоров он был осыпан ласками и аплодисментами".

В Али было то же бесстрашие, когда он не знал, когда его побеждают, которое отличало Хейр-эд-Дина Барбароссу. Его подвиги при Лепанто обеспечили ему высокое расположение султана, которым он воспользовался с величайшей благодарностью к государю, обратившись к нему с просьбой разрешить ему снарядить еще один флот, чтобы отомстить христианам. Султан удовлетворил его просьбу, и он проявил такое усердие, что в июне 1572

года, спустя всего восемь месяцев после сокрушительного поражения турок, Али вышел в море с двумястами пятьюдесятью галерами и другими более мелкими судами. Он стал настолько могущественным, что Селим назначил его своим адмиралиссимусом, позволив ему также сохранить за собой башалык Алжира. Со своим новым флотом он снова отправился на поиски союзников и обнаружил их стоящими на якоре в одном из портов Мореи. Он встал у входа в гавань, призывая их выйти, но они отказались - "но разошлись без крови", - так комментирует Морган. Хаэдо объясняет эту инертность союзников разногласиями среди их лидеров; но, как бы то ни было, Али добился почти такого же расположения султана, как если бы он победил их в сражении. "Но это - суды Божьи и дела, предписанные Его божественным провидением и бесконечной мудростью", - говорит Хаэдо. Установить связь несколько затруднительно.

В 1573 году башалык Алжира перешел в руки араба Ахмеда, и в том же году дон Иоанн Австрийский отвоевал у турок Тунис. Али с флотом из двухсот пятидесяти галер и сорока судов меньшего размера снова отвоевал его в ходе сорокадневной осады и снова с триумфом вернулся в Константинополь с тысячами испанских пленников. Ему предстояло прожить еще несколько лет, чтобы досаждал христианам, против которых он всегда проявлял самую яростную злобу. В 1576 году он отправился из Константинополя с шестьюдесятью галерами и опустошил побережье Калабрии, где родился. В 1578 году, когда янычары Алжира убили араба Ахмеда Башу, он был послан наказывать их, что и сделал тяжелой рукой.

Али никогда не был женат и не оставил потомков; в последние годы жизни он построил себе роскошный дворец в пяти милях от Константинополя, и ни один человек во всем королевстве, кроме самого султана, не был таким великим человеком, как калабрийский ренегат, неизвестный странник из Южной Италии, не имевший ни имени, ни родни. Он был высокого роста и крепкого телосложения, но всю жизнь страдал от "скальдической головы", за определением которой мы можем обратиться к словарю. Для вождя и боевого человека он обладал таким недостатком, как хриплый голос, который был неслышен на расстоянии нескольких шагов. За неимением потомства он содержал в своем подчинении пятьсот корсаров, которых называл своими детьми. Он умер в 1580 году, и с его смертью закончился тот период, который в этой книге назван "великим периодом мусульманских корсаров".

Люди, чьи деяния были описаны в этой книге, основали пиратские государства в Северной Африке; как мы видели, они вели непрерывную войну против всего самого могущественного в христианстве при поддержке и содействии константинопольских султанов. В XVI веке "Морские волки", по крайней мере, могли похвастаться тем, что не боялись ни короля, ни кайзера, хотя эти великие люди земли были нацелены на их уничтожение. Какими бы злодеями они ни были, их все равно стоило опасаться, в них таились удивительные способности к лидерству. Однако с теми, кто пришел им на смену, дело обстояло иначе; великие и цивилизованные народы мира веками терпели среди себя расу диких варваров, чья отвратительная наглость и звериная жестокость уступали лишь их материальной слабости и военному бессилию. Алжир, Тунис и Триполи стали признанными государствами, а великие державы унизили себя, фактически аккредитовав дипломатических агентов при "судах" этих людей.

"Алжирцы - грабители, а я - их вождь", - так сказал деи Алжира английскому консулу в 1641 году, и этот человек говорил чистую правду без прикрас. Однако в это время у алжирцев было не более шестидесяти пяти кораблей и не было организации, которая могла бы в течение двадцати четырех часов противостоять таким атакам, какие уже неоднократно успешно отражались в предыдущем столетии.

10 апреля 1682 года (по старому стилю) "Статьи мира и торговли между светлейшим и могущественным принцем Карлом II, Божьей милостью королем Великобритании и т. д., и славнейшим (*sic*) лордом, башау, деом и агой, губернатором знаменитого города Алжир в Барбарии" были заключены "Артуром Гербертом, эсквайром, адмиралом флота Его Величества". Вряд ли стоит говорить, что подобный договор не стоил бумаги, на которой был написан; что варвары, подписавшие его, были столь же невежественны, сколь и беспринципны, и что единственным аргументом, который они понимали в то или иное время, был аргумент о праве сильнейшего.

Когда мы сегодня читаем о деяниях корсаров, нас охватывает ужас, мы не понимаем, как такое можно было терпеть, мы ищем объяснения. Когда мы слышим о "Лиге христианских князей" и видим, что все, чего смогли добиться ее члены, - это повернуть оружие друг против друга, мы еще больше недоумеваем. Что же лежало в основе этой проблемы? Ответ, по-видимому, кроется в этической позиции XVI века. В наши дни мы так привыкли слышать о правах человека, что склонны забывать, что во времена Барбароссы, Драгута, Карла V и Медицейских пап такого понятия не существовало, и единственными правами, которыми обладал простой человек, были те, которые ему гарантировал его суверенный повелитель. Мы также должны принять во внимание еще один фактор - то, что мы называем "гуманностью", просто не существовало, в результате чего набег морских волков оценивались великими людьми земли не с точки зрения количества страданий, которые они причиняли, а с точки зрения того, как эти действия влияли на богатство и власть повелителя территории, которая подвергалась опустошению. Общество в те времена было устроено настолько по-другому, что сами жертвы более или менее безропотно смирялись со своей участью, каждый из них неосознанно произносил ту самую патетическую фразу русского крестьянина, что "Бог высоко, а царь далеко".

Факт невыносимой участи простого человека в эти времена помогает нам понять одну вещь, которая иначе была бы неразрешимой проблемой: почему христианские солдаты так часто становились ренегатами и сражались за корсаров под знаменем тех, кто был самым яростным и непримиримым врагом их самих и их сородичей? Жизнь простого солдата или матроса не давала особых преимуществ; она была, как правило, короткой и невеселой, а самое сильное влияние на нее оказывал захват корсарами.

Когда это случалось, он становился либо "галлерианином", изводя свое сердце на скамьях мусульманских галер, либо гноился в какой-нибудь шумной темнице в Алжире, Ороне или Тлемсене. Однако для него всегда был открыт один путь к спасению: стоило только признать, что Магомет - пророк Божий, и двери тюрьмы распахивались, или кандалы срывались с цепи, приковывавшей его к адской скамье гребцов. У многих христианских пленников не было ничего, что могло бы связать их с верой отцов - ни дома, ни земель, ни богатства, ни родственников, и они, несомненно, были ослеплены удивительным успехом, сопутствовавшим оружию предводителей пиратов. Стоит ли удивляться, что такие люди в такую эпоху ухватились за шанс обрести свободу и бросили свой жребий вместе с похитителями?

Это было предательство, это было отступничество, и никакая софистика не сможет доказать, что было иначе; но человек, который будет судить в наши дни, должен попытаться представить себе, что означала жизнь раба на галерах - жизнь настолько ужасная и страшная, что в интересах приличия невозможно описать и десятую часть того, чем она была на самом деле.

Мы, которые в наши дни судим добродетели и пороки ушедшей эпохи, можем в упорядоченной безопасности нашей современной цивилизации увидеть многое, что было скрыто от наших предков, так же как еще через триста лет наши потомки смогут с презрением указывать пальцем на ошибки, которые мы совершаем сейчас. Мы видели, как возникли пиратские государства; мы видели также, как будущим поколениям позволили им сохраниться. Мы не можем, честно говоря, повторить уже цитированные слова историка о том, что "таковы суды Божьи, предписанные Его божественным провидением и бесконечной мудростью", и не можем оправдать наследников веков за ту медлительность, которая помешала им выполнить свой долг; мы должны, однако, задать себе вопрос: если бы нам самим выпало решать проблему истребления пиратов, могли бы мы сделать это лучше?

В заключение несколько слов. Все, что они делали, было описано здесь; однако эта запись не является полной, поскольку многие из их деяний, связанных с жестокостью, похотью и угнетением, не подлежат публикации в наши дни. Правду говорят, что ни один человек не бывает лучше или хуже, чем в ту эпоху, в которую он живет; и чтобы уравнивать чаши весов - если бы возникло искушение шокировать современное мнение слишком буквальным описанием всего, что совершили корсары, - необходимо было бы привести и расправы с их христианскими противниками. Казалось бы, лучше оставить такие вещи без хроники: представить с максимально возможной верностью общественную жизнь и деяния этих нарушителей мира шестнадцатого века. Оглядываясь назад, на триста пятьдесят лет назад, и оценивая ситуацию настолько справедливо, насколько это возможно, кажется, что мало что можно сказать в их пользу.

Но мы можем, по крайней мере, признать, что, какими бы позорными ни были Барбароссы, Драгуты и Али, они доказали, что в них жило одно редкое и высшее качество, которое во все века покрывало множество грехов. В те времена, когда каждый был воином и весь мир представлял собой вооруженный лагерь, люди искали великих полководцев, за которыми можно было бы служить. Среди мусульман Северной Африки в порядке последовательности поднимались на поверхность "настоящие люди моря", за чьими галерами хищно бежали морские волки. Если учесть, насколько недисциплинированными и тупо жестокими были эти пираты по своей природе и как они были сварены в единое целое теми, о ком мы говорим, мы вынуждены прийти к выводу, что редко, во все века, появлялись более великие капитаны, чтобы взять удачу в свои руки, властвовать над умами и телами огромной массы людей, чтобы доказать, что они на деле и на самом деле являются верховными вождями людей.

АВТОРИТЕТЫ, К КОТОРЫМ ОБРАЩАЛИСЬ

Парусные корабли и их история. Э. Кебл Чаттертон.

Барбарийские корсары: История народов. Стэнли Лейн Пул.

Полная история нынешнего очага войны в Африке между испанцами и алжирцами. 1632. Джозеф Морган.

История Филиппа II. Уильям Хиклинг Прескотт.

История Карла V. Робертсон.

История Барберуза. Ришер.

Vie des plus célèbres marins. Richer.

Histoire de Barberousse. Сандер Ранг и Фердинанд Дени.

Doria et Barberousse. Последние дни морского флота в Рамсе. Адмирал Жюрьен де ла Гравьер.

Histoire de Barbarie et ses corsaires. Пьер д'Ан. Париж, 1637.

История Алжира. Ложье де Тасси.

Messire Pierre de Bourdeille Seigneur de Brantôme. Vie des hommes illustres et grands capitaines etrangers de son temps. 1594.

Histoires de les Chevaliers de Malte. Mons l'Abbé de Vertot. Париж, 1726.

Histoire de Venise. П. Дару.

Topografia e Historia general de Argel El Señor Don Diego de Haedo.

Преподобный аркобиспо де Палермо. Президент и генерал-капитан дель Reyno de Sicilia por el Rey Felipe Segundo. Нуэстро сеньор. Вальядолид, 1612.

Общее описание Африки. Дон Луис де Мармоль Каравахал. Гранада, 1573.

Historia de Carlos Quinto. Маэстро дон Пруденсио де Сандоваль, Обиспо де Памплуна. 1612.

Идальго Дон Кихот Ламанчский. Сервантес.

Арте де Навегар. Мартин Кортес.

Диалоги о военном искусстве. Бернардино де Эскаланте. Севилья, 1583.

Historia del combate naval de Lepanto. Кайетано Розелл.

Epitaphia joco-seria. Франциско Свертиус. 1623.

La Guerra dei pirati e la marina Pontifica dal 1500 al 1560. Padre Alberto Guglielmotti.

Storia della sacra religione et illustrissima milizia de San Giovanii Gerosolimitano. Jacopo Bosio.

Lo Assedio di Malta, 18 Maggio-8, Settembre, 1565. Conte Карло, Санминиателли, Забарелла, Колонелло.

СПИСОК КОРОЛЕЙ АНГЛИИ, ФРАНЦИИ, ИСПАНИИ, СУЛТАНОВ ТУРЦИИ, РИМСКИХ ПАП И ВЕЛИКИХ МАГИСТРОВ МАЛЬТЫ ЗА ПЕРИОД С 1492 ПО 1580 ГГ.

Англия

Генрих VII, 1485-1509 гг.

Генрих VIII., 1509-47 гг.

Эдуард VI., 1547-53.

Мария, 1553-58.

Елизавета, 1558-1603.

Франция

Карл VIII, 1483-98 гг.

Людовик XII., 1498-1515.

Франциск I., 1515-47.

Генрих II., 1547-59.

Франциск II., 1559-60.

Карл IX., 1560-74.

Генрих III, 1574-89.

Испания

Гранада, взятая Фердинандом и Изабеллой, государями Арагона и Кастилии ("Католическими Рейхами") в 1492 году. Их дочь, Джоанна, вышла замуж за Филиппа, сына императора Максимилиана Немецкого. Фердинанд умер в 1516 году, а в 1517 году королем Испании стал Карл V., сын Филиппа и Джоанны. После смерти своего деда Максимилиана, в 1519 году, Карл был избран императором Германии. Он сложил с себя все полномочия и удалился в монастырь Юсте в 1555 году, а его преемником стал сын Филипп II. Карл умер в 1558 году. Филипп II, женившийся на своей первой жене Марии Тюдор из Англии, правил с 1555 по 1598 год.

Султаны Турции

Баязет II., 1481-1512; Селим Жестокий, 1512-20; Солиман Великолепный, 1520-66; Селим II., известный испанцам как "el bebedor" (пьяница), 1566-74; Мурад III., 1574-95.

Римские папы

Пий III., 1503; Юлий II., 1503; Лев X., 1513; Адриан VI., 1522; Климент VII., 1523; Павел III., 1534; Юлий III., 1550; Марцелл II., 1555; Павел IV., 1555; Пий IV., 1559; Пий V., 1566; Григорий XIII., 1572; Сикст V., 1585.

Великие магистры Мальтийских рыцарей

Пьер д'Обюссон, 1476-1503; Эмери д'Амбуаз, 1503-13; Фабрис Каретт, 1513-21; Вилье де Л'Исль-Адам, 1521-36; Хуан д'Омедес, 1536-53; Клод де ла Сангль, 1553-57; Жан Паризо де ла Валетт, 1557-68; Пьер Дюмон, 1568-72; Жан Левеск де ла Кассиер, 1572-82.

РАССТОЯНИЯ В МОРСКИХ МИЛЯХ НА ПОБЕРЕЖЬЕ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

Гибралтар - Оран	225'
Оран - Тенес	110'
Тенес - Шершелл	41'
Шершелл - Алжир	40'
Алжир - Бона	104'
Бона - Джиджелли	30'
Джигелли - Бизерта	205'
Бизерта - Тунис	55'
Тунис - Суса	120'
Суса - Сфакс	86'
Сфакс - Джерба, также известная как Лос-Гелуэс	54'
Джербах - Триполи	130'
Гибралтар - Алжир	410'
Алжир - Тунис	391'
Алжир - Тенес	91'
Тунис - Мальта	232'
Мальта - Триполи в Барбарии	200'
Триполи - мыс Серрано	350'
Джербах - Мальта	210'
